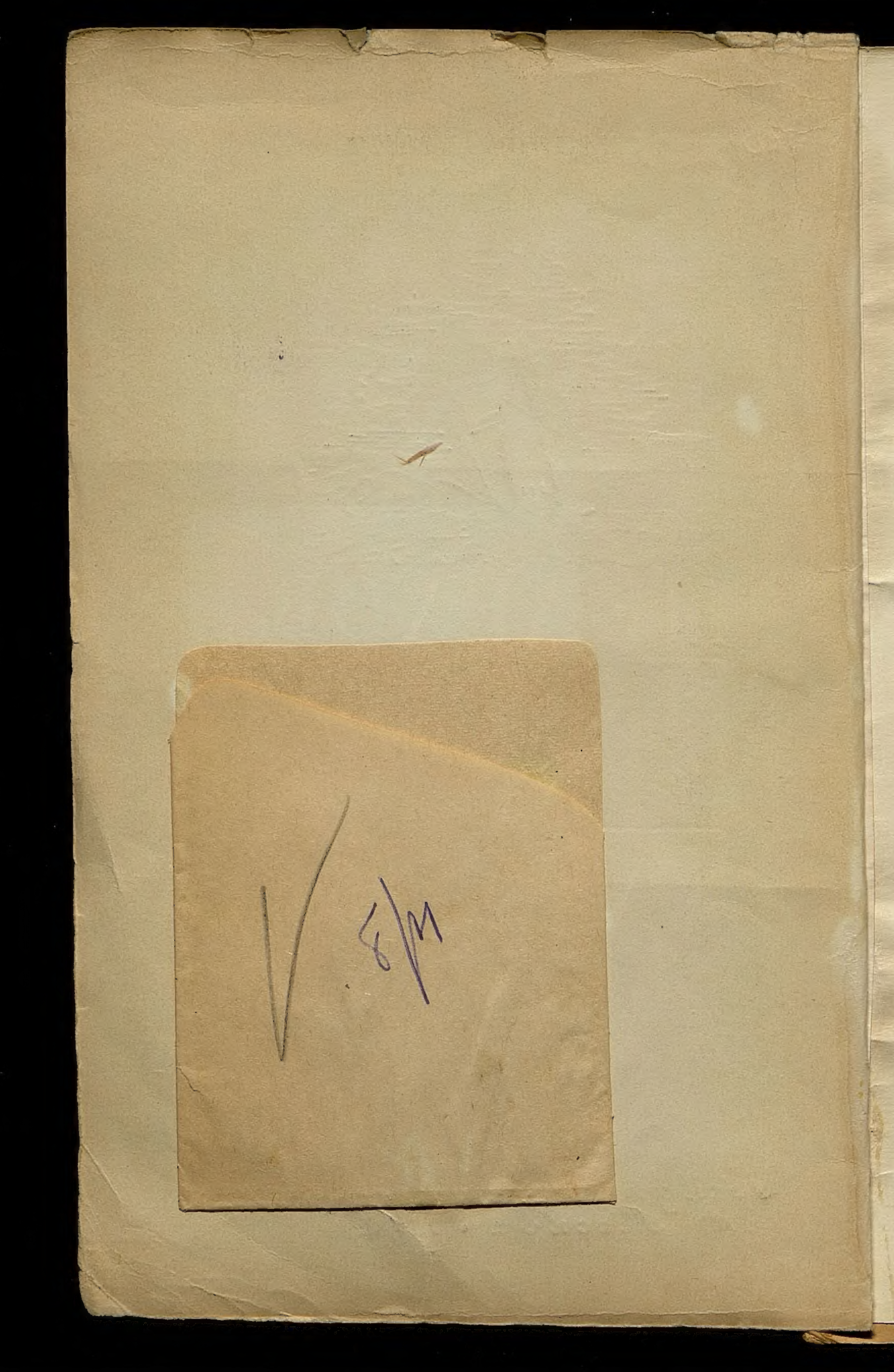
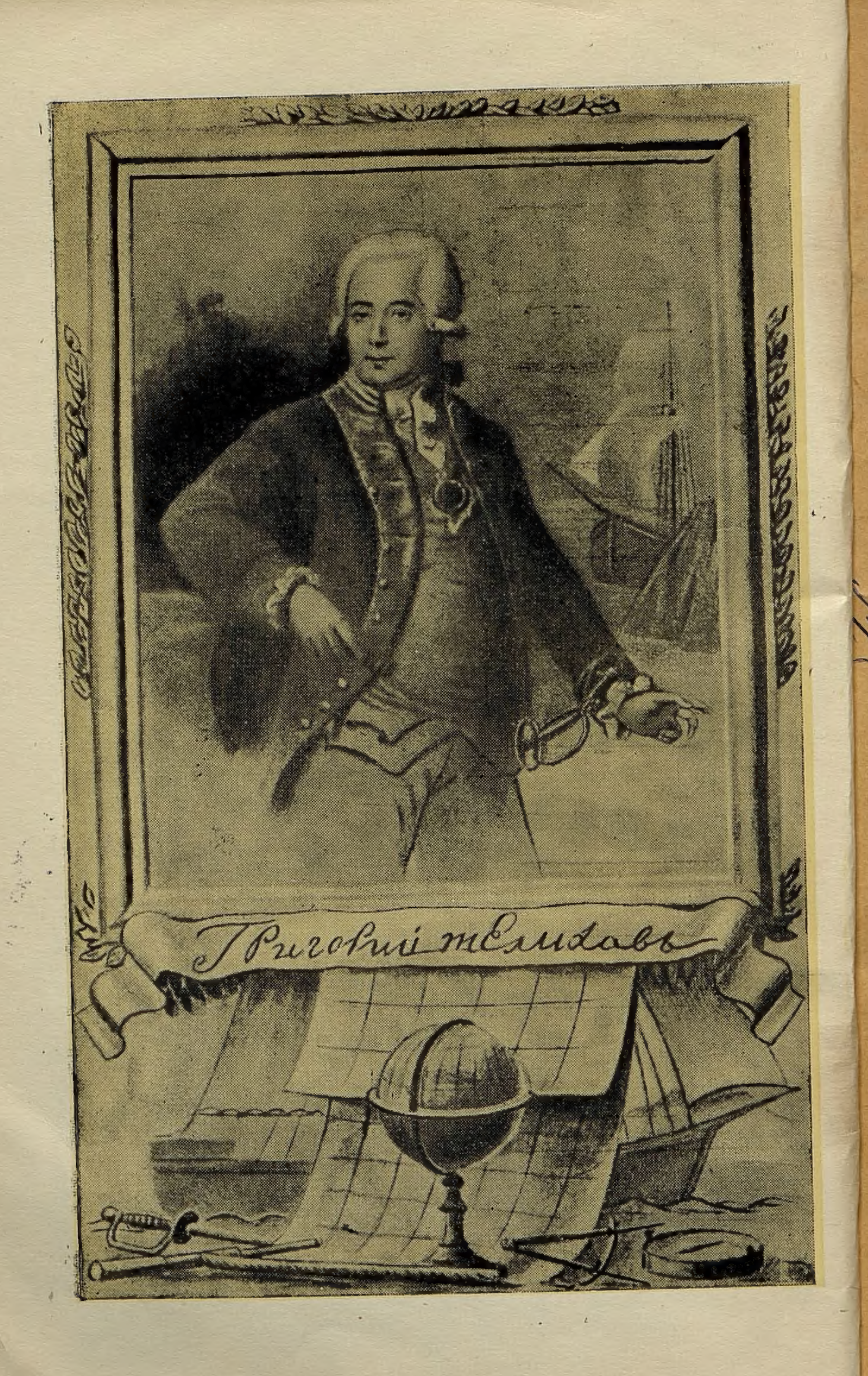
Аркадий Адамов

ШЕЛЕХОВ НА КАДЬЯКЕ

Госкультпросветиздат
Москва · 1948

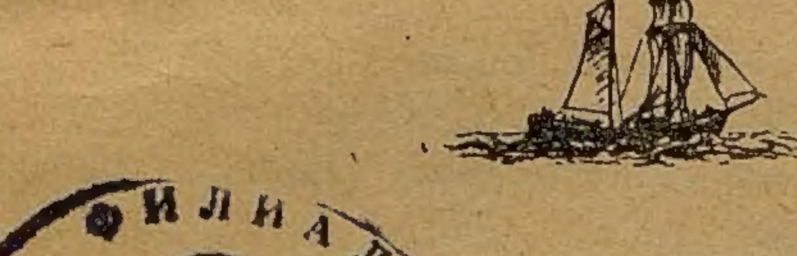


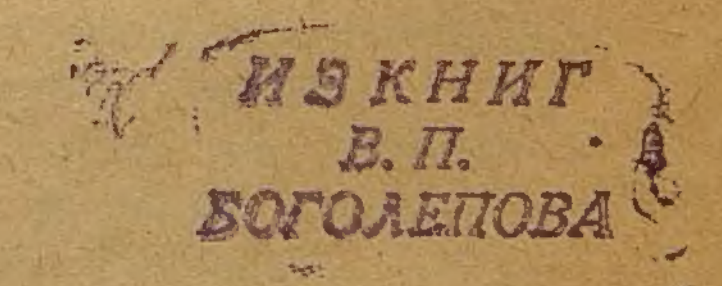

Григорій Шелиховъ

Аркадий Адамов

ШЕЛЕХОВ НА КАДЬЯКЕ

повесть





ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1948

Обложка и рисунки художника В. С. Житенева

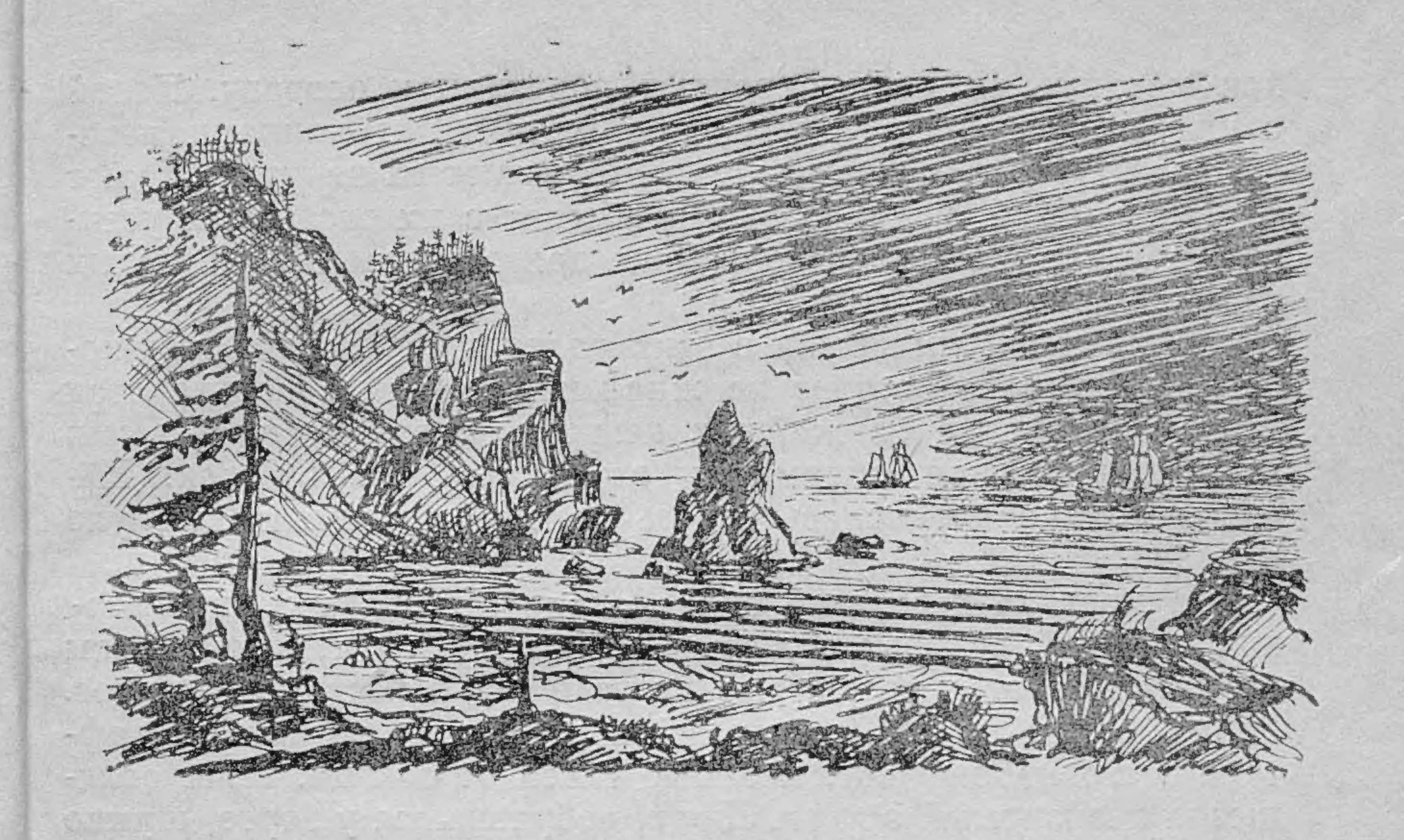
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Издательство просит читателей свои отзывы оо этой книге присылать по адресу: Москва, Китайский проезд, 3/4, под'езд 3-а Госкультпросветиздат

Редактор *М. И. Поступальская* Техн. редактор *И. Г. Соловей*

А04092. Сдано в производство 21/VIII 1948 г. Подписано к печати 7/IX 1948 г. Об'ем 7,5 п. л. + 1 вклейка. Уч изд. л. 7,35 Изд. Инд. НП-1-137. В п. л. 40 000 п. зн. Формат бумаги 60—92/16. Тираж 25000 экз. Цена 3 руб. Зак. 1442

Типография. Москва, улица Чехова, 6



ГЛАВА I

Сквозь низкую пелену облаков временами пробивалось солнце, и бледные лучи его скользили по зеленоватой волнующейся поверхности воды. На юге небо незаметно сливалось с морем.

Ветреным августовским утром на горизонте забелели далекие паруса. В дымке утреннего тумана обрисовались мачты и корпуса двух галиотов[1]. С трудом преодолевая напор волн, они медленно приближались к острову.

Суров и мрачен остров Кадьяк. Он лежит у побережья Аляски, далеко к востоку от последнего из Алеутских островов. До самой воды берега заросли лесом, волны плещут об огромные узловатые корни сосен; сыростью, гнилью, холодом тянет из лесной чащи. Неровная гряда гор вдали заросла сплошным сосняком.

Весь берег изрезан заливами; то там, то здесь маленькие, заваленные серыми камями речки, журча, пробивают себе дорогу к морю. Огромные, черные, поросшие мхом кекуры[2],

[1] Галиот—двухмачтовый острокильный парусник.

[2] Кекур—большой камень у берега, наподобие островка.

как мрачные часовые, охраняют подступы к острову. Порой с них срываются стаи птиц и с жалобными криками перелетают на берег. Волны с шумом набегают на кекуры, обдают их белой пеной, вода потоками сбегает с их скалистых уступов, а белые пенистые хлопья еще долго видны в каменистых расселинах.

Редкими гостями были в этих далеких суровых местах корабли. Никто на острове не ждал их прибытия. Только стаи птиц сорвались с ближайших кекуров, с громкими криками закружились над судами и опустились на их реи. Неяркое солнце прорвалось сквозь пелену облаков и блеснуло в воде.

На мостике переднего судна около штурвала стоял высокий, крепкий человек в легком кафтане. Его черные волосы разметались от ветра, серые глаза зорко осматривали берег. Рядом с ним другой, низенький и немолодой, в теплом кафтане и шапке, заслонив ладонью глаза от солнца, тоже оглядывал незнакомый остров. Люди, собравшиеся у борта, шумно приветствовали долгожданную землю.

— Смотри, сударь мой,— обратился черноволосый человек, по виду начальник, к своему спутнику,—какие обильные земли! А?.. Но ни одного дикого не вижу!.. Не пустынен ли остров?..

Он говорил оживленно, оглядываясь во все стороны.

— Нет!—твердо решил он.—Такие земли не могут быть пустынны. Какие леса!.. А горы!.. Богатая, неизведанная землица!.. Верно, Константин Алексеевич? Поди, из вашего самойловского рода никому в таких местах бывать не доводилось?

Пожилой молча кивнул головой, но было видно, что и он доволен: в пушистых с проседью усах пряталась улыбка, а светлые глаза блестели.

К начальнику подошел рыжебородый богатырь, красное обветренное лицо его сияло.

— Ну, Григорий Иванович,—проговорил он низким простуженным басом,—слава те, господи, прибыли, живы-здоровы. Вот он, Кадьяк-остров!

Низенький седой Самойлов снял шапку, медленно перекрестился и сказал:

— Привел господь меня, старика, увидеть, как россияне новую землю обживать начнут... И внуки и правнуки наши ведать должны, что в лето тысяча семьсот восемьдесят четвертое купеческий сын Григорий Иванович Шелехов с сотней русских людей доселе неизведанные земли для них открыл.

Шелехов потрепал его по плечу и с улыбкой сказал:

— Ну, Константин Алексеевич, внуки внуками, а нам и самим тут не сплошать надо. А ну-ка, Лука,—обернулся он к рыжебородому,—Наталью Алексеевну наверх кликни.

Лука Олесов повернулся всем громадным туловищем к Шелехову, выслушал приказание и, расправив рыжую, с сильной проседью бороду, степенно пошел к люку.

Внизу, из каюты раздался заливчатый смех, по лесенке быстро простучали сапожки, и на палубу выбежала молодая женщина. Пестрый платок сполз с плеча, золотистые косы были убраны вокруг головы, лицо раскраснелось, большие голубые глаза сияли. Наталья оглянулась, всплеснула руками.

— Ну, и красота ж, Григорий Иванович!..

Она подошла к мужу, взяла его руку и, прижавшись к ней щекой, заглянула в серые знакомые глаза.

— Как я рада, Гриша, как рада!..

— Рано возрадовалась, любезная Наталья Алексеевна,—прогудел сзади Лука.—Теперь только и начинается.

К ним приблизился высокий худощавый старик — штурман галиота Измайлов.

— Здесь приставать-то будем, Григорий Иванович?

Шелехов утвердительно кивнул. Раздалась команда. Люди разбежались по местам. Судно развернулось и медленно вошло в залив. За ним последовал второй галиот.

Началась выгрузка. Люди складывали на берегу груды пил и топоров, выкатывали бочки.

В стороне уселись в кружок алеуты, в длинных меховых парках[1]. Это были толмачи[2], взятые в плавание Шелеховым. Они тихо переговаривались и в общей работе участия не принимали.

Шелехов с Самойловым немедленно отправился искать место для постройки крепости.

— Здесь будем строить, Костантин Алексеевич,—сказал Шелехов, остановившись около плоского скалистого, заросшего соснами уступа, уходившего в воду недалеко от огромного кекура.—Коли дикие напасть попытаются, так оборону здесь держать наилучшим образом можно: с воды им подступить кекур помешает, а на берегу палисады протянем вон до того болота в лесу, да и скалистый сей уступ обороняться поможет... Так, Константин Алексеевич? Значит, и мешкать не будем, пускай промышленные наши за работу берутся.

Он быстро подошел к группе людей, разбиравшей инструмент.

---

[1] Парка—теплая меховая одежда в виде балахона с вырезом для головы.

[2] Толмач—переводчик.

— За дело, ребята,—под лежачий камень вода не течет. Ты, Арсентий Кузьмич,—обратился он к передовщику[1] Малахову,—возьми человек с десяток, да и начинайте с богом вон те сосны у берега валить, чтобы весь уступ у кекура очистить, а потом сюда притаскивайте: сучья обрубать будем.

Малахов недовольно шмыгнул носом, а на круглом медно-красном лице его отразилась досада.

— Куда торопиться, Григорий Иванович? Хороший хозяин для начала роздых дать людям должен. Назавтра бы в самую пору за работу браться...

Шелехов гневно повернулся к передовщику и процедил сквозь зубы:

— Ты, видно, забыл, где находимся? Знать надобно, что дикие каждую минуту напасть могут. Не об отдыхе, а об животе своем печься надо. Выполняй, что приказываю...

Маленькие глазки Малахова под светлыми бровями злобно блеснули, но он смолчал и отправился с несколькими промышленными к берегу.

Шелехов повернулся к подошедшему Самойлову:

— Слыхал, как он учить меня вздумал? Недаром мне брать его с собой не хотелось. Да сам знаешь, как трудно в такой опасный вояж народ набрать... И передовщик он знатный... Ну, да ничего, я ему здесь спеси убавлю.

— Верно, верно, к рукам прибрать его надо,—озабоченно сказал старик,—только сейчас не до него. Мне план крепости нужен, Григорий Иванович, занялся бы, а? Я тут и без тебя управлюсь. Люди рады, что до твердой земли добрались, работать будут ладно.

— Ну, что ж, Константин Алексеевич... Ты только присмотри, чтоб площадку путем очистили. Да алеутов-толмачей тоже к делу приставь, нечего им рассиживаться.

Шелехов быстро зашагал к берегу. У самой воды он остановился, разыскал глазами Луку и подозвал его:

— Ну, друг, хоть и устал ты, да дело неотложное есть. В новый вояж отправишься. Возьми-ка байдару, людей человек пять-шесть, провианту, да как возможно дальше вдоль берега пройди: сыскать островитян попробуй. Это дело не терпит промедления. Сразу узнать надобно, с кем встретиться придется.

Олесов солидно кивнул головой и пошел собирать людей. Скоро от берега отвалила байдара. Несколько промышленных с ружьями между колен разместились на веслах, Лука сел за руль.

---

[1] Передовщик—старший промышленный, руководитель промысла.

Шелехов вернулся на галиот. Там его встретила раскрасневшаяся Наталья. Она схватила мужа за рукав кафтана и потащила к носу корабля. На палубе, около бугшприта, видна была тщедушная, склоненная над каким-то ящиком фигура в старом, потертом коричневом кафтане. Наталья подвела Шелехова к этому человеку и, показывая на него, горячо заговорила:

— Послушай-ка, Григорий Иванович, что твой подлекарь говорит: к Кадьяку-де и раньше российские суда приставали, да не пускали их дикие, нападали беспрестанно, многих россиян жизни здесь лишили, а о торге и слышать не хотели. А потому, мол, пока не поздно, во-свояси отправляться надобно. Что ты скажешь, Бритюков? Верно я твои слова хозяину передала?

Подлекарь выпрямился, одернул кафтан. Его бледное, одутловатое лицо с мясистым носом от рыжего пуха на голове казалось еще бледнее. Но сейчас от волнения оно покрылось красными пятнами. Не глядя Шелехову в глаза, он сказал:

— Я полагаю, что ежели каждый купец русский будет ради выгоды собственной жизнь россиян ставить на кон, то начальство его по голове не погладит. Я не какой-нибудь промышленный, я у самого господина личного медика их превосходительства генерал-губернатора Сибири в учениках состоял.— Бритюков заложил руки за спину и скосил глаза на Шелехова. Тот угрюмо молчал.—У их светлости я не только всякой учтивости обучился, но и о политических интересах отечества понятие получил. Их превосходительство думают, что нечего понапрасну людей тратить. Кабы ведал я в Охотске, что мы на этот трижды проклятый Кадьяк-остров путь держать будем, самолично посоветовал бы господину охотскому командиру не пускать суда в столь опасное плавание... Кабы я...

Шелехов поглядел сверху вниз на Бритюкова и сказал с издевкой:

— А не поведал ли тебе их светлость или там их превосходительство, как с трусами и вредными людишками в опасных случаях поступать, чтобы дело, полезное отечеству и торговле русской, не погубить? Прямо за борт в море швырять тех людишек или в назиданье сначала хворостиной хорошей по спине пройтись, чтобы преподать урок храбрости?

Кругом собрались промышленные. Всем хотелось увидеть, как хозяин учит заносчивого подлекаря. Шелехов добавил глухо:

— Ты, Бритюков, хоть и русского подданства, но как иноземец мыслишь, да и интересы компании нашей близко к сердцу не принимаешь. Так крепко запомни: здесь я тебе его

светлость, и его превосходительство, и царь, и отец, а потому поотечески тебя предупреждаю: ежели еще хоть раз услышу такие слова, то не постесняюсь твоей учености. Суд и расправу сам учиню над тобой!—И добавил с угрозой:—И лучше бы тебя тогда мать на свет божий не родила, он тебе с овчинку покажется.

Шелехов круто повернулся и спустился в каюту. Отошла и Наталья. На палубе загалдели промышленные.

Коренастый, заросший густой черной бородой, с воспаленными от соленой воды глазами человек, скаля в улыбке белые крепкие зубы, спросил:

— А что, подлекарь, оробел? То-то смелый был в Охотске!.. Небось, я не запамятовал, как в питейной ты в карты смухлевал...—Он обратился к товарищам, стоявшим вокруг:— А когда я их ученую харю набить собрался, так меня же пристав, приятель подлекаря, в каталажку сволок.—Он опять уставился на Бритюкова и с угрозой добавил:—Не бойсь, друг, тут мы с тобой счеты сведем, запомнишь Федьку Семибратова.

Промышленные загалдели еще сильнее. Бритюков еле улизнул от них. Скоро приехал Самойлов и забрал всех на берег тесать бревна для крепости.

Шелехов спустился в каюту. Он достал лист бумаги, отточил гусиное перо, пододвинул чернила, песочницу и стал набрасывать план крепости. Но дело не клеилось. Вспомнилась стычка с Бритюковым, разбирало зло, и Шелехов процедил сквозь зубы: «Ну, спасибо, охотский начальник... Нечего сказать — удружил. Эдакого подлекаря на корабль определил. У-у... вра́жина!».

По лесенке спустилась Наталья, вошла, облокотилась на спинку кресла, в котором сидел муж. Шелехов почувствовал на щеке ее теплое дыханье. Злость прошла. Он взял перо и начал снова рисовать план.

— Я тебе мешать не буду, Гришенька,—сказала Наталья, проведя рукой по черным курчавым волосам мужа,—я только смотреть стану...

Шелехов молча улыбнулся и продолжал работу. На душе стало спокойнее.

Через минуту Наталья не вытерпела и, кивнув головой на план крепости, спросила:

— В ней и жить будем?

— Да.

— А промышленные?

— Вот здесь, в казармах, что вдоль стены крепостной идут. А мы с тобой, Константин Алексеевич, Измайлов-

штурман да Малахов—в доме в два потолка, а напротив флагшток установим и колокол медный повесим.

Шелехов уже увлекся и говорил с жаром.

— А козы?

— Хлев добрый построим, в сеннике сено припасем.

Наталья немного помолчала, что-то, видно, соображая, а потом решительно сказала:

— Надо покрепче, Гриша, крепость-то строить. Дикие, небось, враждовать с нами будут. А нам отсюда уходить нельзя, хоть и больно страшно. Уж дюже хороши места для промысла. Земли богатые! Верно, Гришенька?..

Шелехов с улыбкой повернулся к жене. А она, поправляя обеими руками золотую корону волос на голове, горячо продолжала:

— Помнишь, сколько наслышались мы в Охотске об опасностях и трудах великих в таком плавании? Однако, решился ты. И хозяин твой бывший, Голиков, тоже деньги свои вложил. Так уж если решился, то уходить отсюда никак нельзя.

Шелехов ласково привлек ее к себе. Суровое выражение глаз Натальи сменилось теплым и застенчивым, она шепнула мужу:

— Ведь страшно, Гришенька, правда? Только я с тобой ничего не боюсь. Верю, что наживем мы с тобой здесь и богатство и славу, и домой в полном здравии вернемся. Сильный ты у меня...

— Верно, Натальюшка,—тихо сказал Шелехов.—Все преоборем и вернемся в здравии.—Он подумал и добавил озабоченно:—Скорее бы Лука возвращался, что-то порасскажет об островитянах...

Все последующие дни на берегу залива кипела работа. Промышленные валили деревья, обтесывали бревна, вбивали столбы для палисада, ставили временные дощатые юрты. Большая часть людей жила на берегу, и Шелехов вместе с ними.

Несколько человек возделывали небольшой участок земли под огород. Шелехов хотел проверить, будут ли расти здесь овощи.

Погода была отличная, редкая для этих мест даже летом: ярко светило солнце, спокойно сверкал и переливался под его лучами бескрайний морской простор, только у берега злая прибойная волна напоминала о минувших и предстоящих опасностях.

Солнце обливало теплом и светом горы, и зеленые волны леса тоже напоминали море. Но вблизи лес открывался черными и сырыми чащами, оттуда тянуло болотистой прохладой.

Шелехов, выходя по утрам из юрты и потягиваясь, с благодарностью смотрел на восходящее над морем солнце и золотые дорожки лучей, тянувшиеся от горизонта к погруженному в предутренний сумрак острову. Солнце поднималось выше, золотистые дорожки становились шире, белый туман над водой горел... Наконец, солнце отрывалось от воды, лучи сливались на сверкающей широкой глади моря, и остров оживал: верещал, чирикал, кричал тысячами птичьих голосов лес. Трава, деревья и скалы стояли умытые, свежие, словно отдохнувшие.

Совсем недалеко от берега покачивались на якорях оба галиота. Паруса были убраны, и голые мачты и реи придавали кораблям будничный, спокойный вид.

Через несколько лет после приезда Шелехов вышел из юрты с восходом солнца, как всегда, первый. Зевнул, перекрестил рот, вытащил пистолет из-за кушака и выстрелил в воздух. Сразу ожило все вокруг. Из юрт выползали промышленные, потягивались, одни бежали за водой к ручью, другие разводили костер, а самые нетерпеливые уже играли в воздухе отточенными топорами. Вскоре на берегу потянуло вкусным запахом ухи и печеного хлеба. Где-то уже завизжала пила, кто-то заспорил, закричал. Берег огласился криками, смехом, бранью. Начинался новый трудовой день.

Но выстрел Шелехова как будто послужил сигналом не только для спавших на берегу. Неожиданно из-за дальнего кекура, что стоял у самого входа в залив, показалась лодка. Люди побросали дела и бросились к воде. Шелехов бежал вместе с другими, оставив топор, на ходу натягивая скинутый в горячке работы кафтан.

Лодка была уже на середине залива, и Лука, встав во весь рост, крутил над головой веслом и что-то кричал.

Олесов был горд: наказ Шелехова выполнен, есть что порассказать хозяину. Он часто бросал самодовольный взгляд на дно байдары: там сидел пойманный туземец. Длинная рубаха из серых птичьих кож закрывала поджатые ноги пленника, одной рукой он держался за борт байдары, другой медленно перебирал реденькую черную бородку. Скуластое, смуглое, с тонким носом лицо казалось скучающим и ничего не выражало. Но под опущенными длинными ресницами двумя угольками блестели смышленые любопытные глаза. Голова у туземца была брита, и только на макушке торчал пук черных прямых волос. Черные причудливые узоры уходили со щек к шее. В трех дырах на оттопыренной толстой нижней губе торчали плоские кости, две крайние, длинные, доходили до ушей.

Долго бился Шелехов, пока с помощью толмача из алеутов не выяснил, что туземца зовут Илхак и что племя его сородичей — конягов[1] — живет на Кадьяке в двух днях пути отсюда на лодке.

Но больше ничего нельзя было добиться. Туземец беспокойно озирался и тяжело дышал. Вид у него был растерянный и испуганный. Рядом с ним на бревне, в стороне от работавших промышленных, уселся одетый в меховую парку тойон[2] алеутов, щуплый маленький Нанкок. Его кривые голые ноги были покрыты бесчисленными ссадинами и кровоподтеками, на шее болталась большая медаль, подаренная Шелеховым, с выбитой надписью: «Союзные России». Нанкок несколько лет назад участвовал в военном походе алеутов на Кадьяк и от пленных конягов научился их языку. Теперь он болтал безумолку, но, как ни бился, Илхак продолжал испуганно молчать.

Шелехов нетерпеливо прохаживался взад и вперед около бревна, на котором сидели Илхак с Нанкоком. Усталый Лука устроился на пне, опершись руками на ружье. Рыжие, с сильной проседью, волосы его слежались и прилипли к мокрому морщинистому лбу. Он пытливо всматривался в туземца.

Шелехов, наконец, остановился перед Илхаком, пристально посмотрел в испуганные черные глаза коняга и медленно погладил его по голове, спине и плечам. Туземец вздрогнул, в глазах мелькнуло недоумение. Он что-то проговорил, обращаясь к Нанкоку. Тот быстро перевел:

— Илхак хочет знать, когда ему отрубят голову или убьют из длинных огненных палок,— подумав, он указал на ружье Луки.— Илхак говорит, что так поступают все белые.

Шелехов опять ласково погладил Илхака и сказал Нанкоку:

— Переведи ему, тойон, что я приехал, как друг и брат, что я хочу мира и дружбы. Скажи, что со мной дружить прибыльно. Я щедро одарю конягов. Буду защищать их племя от всех врагов. Скажи, что я сильный, да добрый.

Он протянул туземцу нитку пестрых бус.

Нанкок быстро перевел слова Шелехова, и глаза Илхака робко остановились на русском. Он что-то соображал, на что-то, видно, решался. Наконец, протянув руку, он взял бусы, широко улыбнулся, и, глядя на Шелехова, начал быстро говорить, жестикулируя, то улыбаясь, то становясь серьезным.

---

[1] Коняги—туземцы острова Кадьяк, одно из южноэскимосских племен.

[2] Тойон — вождь, старшина у алеутов, эскимосов и народностей Сибири.

Нанкок не успевал переводить и то и дело переспрашивал. Илхак поворачивался к нему, недовольно морщил лоб, быстро отвечал и опять начинал свою речь, глядя на Шелехова. Его как-будто подменили, таким бойким казался он теперь.

Шелехов получил много важных сведений. Приезд русских взбудоражил все население острова. О них узнали и на соседних островах. Даже воинственные кенайцы[1] с Большой земли прослышали о Шелехове. Их вождь, старый Чиикун, был очень встревожен. К кенайцам вот уже два раза приходило судно Ост-Индской кампании. Его капитан, Джемс Ханн, называл себя другом кенайцев: он помогал им грабить и разорять соседние племена. Ханн предупредил Чиикуна, что в случае появления здесь русских надо всячески мешать их промыслу и торговле, нападать на них, поджигать их суда и постройки, морить голодом, устраивать засады. Чиикун послушно выполнял приказ: когда шелеховцы высадились на острове, он подбил тойона Кадьяка на войну с ними. Тот сейчас собирает большие силы.

Илхак, наконец, замолчал, устремив завороженный взгляд на дымящуюся трубку подошедшего Самойлова.

Шелехов начал расспрашивать Луку. Олесов рассказал, как невдалеке от бухты, где расположились русские, он увидел на берегу несметную толпу островитян. С воинственными криками, в размалеванных деревянных масках, они скакали по берегу, потрясая копьями. Когда байдара с промышленными попыталась к ним приблизиться, туча стрел полетела ей навстречу. К каждой был привязан пузырь, и скоро вода покрылась плавающими стрелами. Лука поспешил уйти в море.

Дальше берег казался пустынным, и промышленные на второй день пути решили высадиться. В этом месте лес далеко отступал от воды. Открытая местность была изрезана прогалинами, всюду чернели горелые пни и большие пятна пепелищ — видно, здесь свирепствовал недавно лесной пожар. Кое-где пробивалась желтая обгорелая трава. Было тихо, не слышно было даже птичьего крика.

Байдара пристала к каменистому берегу. Но не успел Лука потянуться после долгого сидения, расправить затекшее тело, как в стороне раздался гортанный крик. Ему ответил такой же со стороны моря. Глянув туда, Лука увидел плывущего к берегу туземца. Трое промышленных вскочили в байдару и погнали пловца к берегу, где ждали остальные. Так и попался Илхак.

[1] Кенайцы — индейское племя атабасков, туземцы Кенайского полуострова на Аляске.

Когда Лука кончил, Шелехов ласково потрепал его по плечу:

— Ну, иди, отдохни, старина. Небось, намаялся.

Лука поднялся и отправился к своей юрте. А Шелехов быстро повернулся к Самойлову и тревожно сказал:

— Слыхал, Константин Алексеевич? Чуешь, как дело-то оборачивается? Баталии нам, наперед знаю, не избежать. Крепость кончать надобно быстрее. Присмотри получше. Я и сам сейчас этим займусь.

Самойлов молча кивнул, выбил трубку о бревно и направился к возившимся у палисада людям. Шелехов задумался. Илхак сидел и не спускал глаз с русского.

Громкий крик заставил Шелехова поднять голову. Он не заметил, как исчез после допроса туземца Нанкок, и теперь удивился, увидя подбегавшего тойона. Нанкок был очень взволнован. Он еще издали выкрикивал что-то и размахивал руками.

— Григорий Иванович! Григорий Иванович! — запыхавшись, твердил он.

Подбежав к Шелехову, тойон перешел почему-то на шопот, хотя рядом никого не было, кроме Илхака.

— Нанкок сейчас сам видел — секачи шли к острову, много, много. Вон там!.. — Он указал на восток.— Охота будет, верно? Через мало дней лежбище искать можно, верно?

Шелехов молчал. Важное известие о появлении морских котов сейчас не обрадовало его.

— Молчишь зачем, Григорий Иванович?

Шелехов с трудом оторвался от своих мыслей.

— Немедля отправь всех людей своих к Самойлову строительством крепости заняться. Понял, тойон? А там и до котов руки дойдут.

Нанкок грустно и понимающе взглянул на хозяина и отошел.

Шелехову было не до промысла. Сильно тревожила его судьба первого русского поселения в Америке.

Он вспомнил занесенный снегом Иркутск, маленькие деревянные домики за высокими глухими заборами. По ночам — протяжный вой собак, а иногда — багряное зарево горящих вокруг города лесов. Десять лет назад в такую жуткую ноябрьскую ночь, подгоняемый злой сибирской метелью, въехал на попутных розвальнях Григорий Иванович в Иркутск и начал службу в приказчиках у земляка — купца Голикова.

И еще вспомнил Шелехов широкий стол в горнице Голикова и жирных омулей на блюде. В мерцании свечей они ка-

зались живыми и только случайно попавшими в сметану. Два штофа французской водки стояли рядом с рыбой.

За столом их было трое. Хозяин, низенький, заплывший жиром. Большое брюхо под засаленным дорогим кафтаном горой лежит на груглых, обтянутых белыми штанами коленях. Пухлые руки сведены на животе, и унизанные кольцами сцепленные пальцы в тусклом свете кажутся металлическим хитроумным замком на брюхе. Свинячьи глазки под седыми кустиками бровей буравят обоих приезжих.

Вот порывисто встал один из них — высокий, худощавый, в офицерском мундире, с шапкой черных, курчавых волос. Он громко сказал Голикову: «А я ему верю, братец! Верю Шелехову, как себе! Такая голова не подведет! Такие глаза плутовать не будут! Верю и вкладываю в дело все, что имею,— двадцать тысяч Вот тебе, Григорий Иванович, моя рука!» И Шелехов ощутил его горячее пожатие.

Голиков тогда вскочил, заохал, засеменил по комнате на кривых рахитичных ножках, сдвинув на затылок парик из белых завитых конских волос, ожесточенно тер лоб. Наконец, сдался и вложил в компанию тридцать тысяч. А как выговорил, что дает деньги, сразу успокоился. Все снова уселись за стол, выпили по рюмке за процветание новой компании и принялись обсуждать шелеховский план.

А план был необычаен. Шелехов уже несколько лет жил в Охотске и видел, как сколачивались на паях промысловые компании купцов, чтобы снарядить в море за ценным морским зверем одно суденышко.

А возвращались суда, и компания, поделив прибыль, распадалась. Так беспрестанно рождались и умирали они.

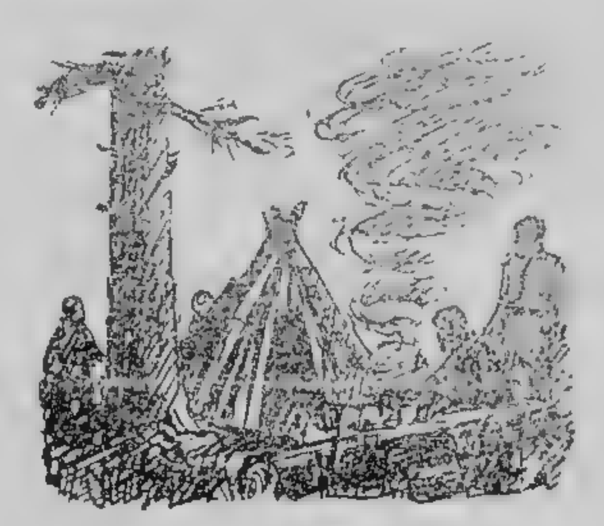
Шелехов был жаден до жизни, неуемная его натура требовала работы, борьбы. Мечтал он о наживе и о славе своей. И другие мечты тревожили его: слава России, ее первенство на Тихом океане. Тесно ему было в сибирских городах, думалось о дальних путях морских, об открытиях новых земель. И вот он построил обширный и смелый план, где дальновидность государственного деятеля сочеталась с дерзостью купца и самоотверженностью исследователя. Он предложил своему бывшему хозяину и приехавшему к нему брату образовать постоянную промысловую компанию с большим капиталом, направить суда в еще не изведанные воды Большой земли — Америки. Там следовало заложить русские поселения, наладить промысел морского зверя, разведать природные богатства, изучить жизнь американцев, завести с ними мирный торг.

Вспомнил Шелехов и о том, как однажды в Охотске, в зимнюю ночную пургу, его разбудил стук в окошко. Жалобно уговаривал прохожий пустить его в дом и дать обогреться до утра. Шелехов открыл дверь, и в рое ворвавшихся снежинок перед ним предстал человек. Нет, это был не человек, а какое-то страшное, уродливое существо, только отчасти напоминающее человека: изуродованное лицо с ободранным голым черепом, одной руки нет, другая, неестественно вывернутая, повисла вдоль туловища. Ватный изорванный кафтан не скрывал тела, изломанного и скрюченного. Человек проковылял к лавке. В эту ночь Шелехов уже не ложился спать. До утра пришелец рассказывал о своей горькой судьбе.

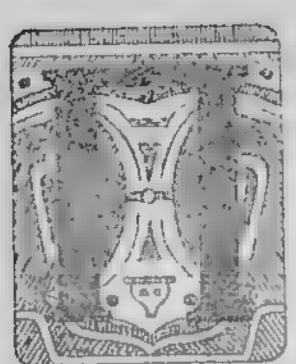
Петр Соколов, как звали калеку, еще три года назад славился молодой удалью и отвагой. Его с радостью принял к себе в команду мореход Дружинин. Но на островах, куда пристало их судно, случилась беда: доведенные до отчаяния жестокостью русских, алеуты сговорились и напали на них врасплох. Все промышленные были зверски убиты, среди изуродованных трупов валялся и Соколов. Но его не добили. Шелехов до сих пор не мог без содрогания вспоминать эту жуткую ночь. Он и раньше знал о подобных случаях. Однако впервые в ту ночь судьба этих людей предстала перед ним с такой страшной наглядностью. И Шелехов дал себе зарок, что только миром будет ладить с туземцами: уж если случайные промысловые суда подвергались такой опасности, то о постоянном поселении русских среди враждебных воинственных племен и думать было нечего.

План Шелехова сулил богатые барыши. Братья Голиковы вошли с ним в компанию. Вернувшись из Иркутска, Шелехов заложил на собственной верфи в Охотске три судна и через два года сам отважно вышел в плавание к далеким и заманчивым берегам.

И вот теперь, после высадки на Кадьяке, Шелехову предстояло на деле доказать правильность и выгодность своего предприятия. А доказать это можно было, лишь удержавшись на Кадьяке, поладив с конягами, обжив этот дикий край.



ГЛАВА II

ОСЛЕДНИЕ лучи солнца окрашивали багрянцем небосвод и золотили верхушки сосен на горных склонах. Из леса потянуло холодом, а с моря подул резкий, пронизывающий ветер. Смеркалось. Шелехов обрубил последние сучья огромной поваленной сосны, выпрямился и вытер пот со лба. Спина и плечи ныли от усталости, онемевшие пальцы еле выпустили топор. С утра Григорий Иванович не разгибал спины: то размечал места и вбивал с другими столбы для палисада, то помогал сколачивать срубы казарм, а под вечер начал с людьми Малахова валить и обчищать сосны—здесь медленнее всего шла работа.

Шелехов устало потер ломившую поясницу, зябко передернул плечами. К вечеру в одной рубашке стало холодно. Сквозь стук топоров, визг пил, треск падающих деревьев, крики и говор людей,— сквозь все эти звуки горячей и многолюдной работы до Шелехова долетел голос Самойлова:

— Шабашить будем, Григорий Иванович?

Шелехов, вместо ответа, сложил у рта руки и громко крикнул:

— Шабаш, братцы-ы! Конча-а-ай!

Его поддержали сразу несколько глоток:

— Э-эй!.. Конча-ай!!.. Эй!.. Шабаш!!..—понеслось повсюду.

Скоро весь берег засветился кострами, пляшущие их языки вырывали из сгустившейся тьмы то стволы деревьев на опушке леса, то груды бревен, то часть смолянистого, блестящего сруба; в воде у берега заплясали серебряные отсветы огней. Зажглись и фонари на галиотах.

Запахло свежей ухой, у каждого костра старший разливал ее из кипевшего котла длинным медным половником. Люди, обжигаясь, жадно ели.

У одного из костров было особенно шумно: расторопный чернобородый Семибратов с товарищем успели еще днем подстрелить пяток зайцев и теперь жарили их под завистливые взгляды других промышленных.

К Семибратову подошел Малахов и, щурясь на огонь, сказал:

— Ставлю я в кости против одного твоего дрянного зайца лучшего кота, какого убить посчастливится. Идет?

Федька скосил на передовщика черные, большие глаза с красными воспаленными веками, но промолчал. Видно, не очень ему хотелось связываться с Малаховым. Но передовщик уже растолкал сидевших у костра, опустился на землю, вытащил из кармана кости и стал подбрасывать их в воздухе. Промышленные начали подзуживать Семибратова:

— Что, Федька, труса празднуешь?

— Валяй, Федор! Передовщику нашему никогда в кости и карты не везло: его больно крепко бабы в Охотске любили.

Но в это время к Малахову подошел Лука и простуженно прохрипел:

— А, ну, передовщик, живо—к хозяину. По важному делу кличет.

— Ишь... И часа покою от него нет... Последние жилы изо всех тянет.

Семибратов толкнул в бок своего соседа, и, кивнув на удалявшегося Малахова, проговорил:

— Чудно все-ж-таки, что решился он с нашим хозяином в эдакую даль пуститься. Уж я его, брат, сколько лет знаю: не больно он любит разные напасти терпеть. Да и у Григория Ивановича никогда не служил, а все у недруга его — Лебедева-Ласточкина. И что с ним теперь стряслось...

В юрте Шелехова Малахов застал Самойлова и Измайлова. От свежих сосновых досок, разогретых костром, пахло смолой, и ее запах смешивался с запахом жарившегося на

вертеле мяса. Самойлов сидел на опрокинутом ящике и курил трубку, Измайлов, наклонившись к костру и держа в руках карту, старался рассмотреть ее. Тень от его долговязой фигуры резко перечерчивала пол юрты, стену и потолок. Редкие седые волосы на его голове шевелились от поднимавшегося над костром теплого воздуха. Шелехов, сидя на обрубке бревна, задумчиво барабанил пальцами по ружью. Он поднял голову и указал Малахову место у костра. Последним в юрту вошел Лука, и в ней сразу стало тесно.

Шелехов оглядел собравшихся, взгляд его стал сосредоточенным:

— Собрал я вас вот по какому неотложному делу. Самые тревожные вести получил я о диких. Надо нам подумать, как их нападению отпор дать, пока крепость не готова, чтоб заранее всяк свое место в бою знал. Ну, кто сказать желает?

Несколько минут все молчали. Самойлов наклонился над костром, острым ножом отрезал кусок мяса, густо посолил его и попробовал. Потом, бросив недоеденный кусок в угол юрты,—мясо, видно, еще не изжарилось,—расправил рукой седые усы и медленно проговорил:

— Что же, Григорий Иванович, думается мне, что ежели дикие на нас сейчас напасть попытаются, то надобно, чтоб ни один отсель живым не ушел,—это у других раз навсегда охоту отобьет...

Но тут вмешался Малахов.

— Дай, хозяин, мне слово сказать.

— Ну, сказывай,—сухо согласился Шелехов.

— Тут сейчас Константин Алексеевич, ей-богу, верно говорил. Мы, как дикие нападут, в лесу все силы стянем, да так, чтобы диких в самую крепость к нам, за палисад, приманить. Тут они порядок потеряют, среди срубов да бревен из луков стрелять и копья бросать не смогут. А мы их, как куропаток, перебьем, плевое дело. А еще на всякий случай и пушки с галиотов можно на берег, за палисад стащить. Верно я говорю?

Шелехов сидел молча, и только по тому, как он крепко охватил ружье, так, что побелели косточки на пальцах, да по нахмуренным бровям можно было догадаться, что он сердит. Самойлов опять попробовал мясо, снял его с крюка и, положив на деревянную тарелку, начал разрезать на куски. Когда Малахов кончил, Шелехов спросил сидящего у входа Луку:

— Ну, а ты, старина, что скажешь?

Лука, смущенный тем, что внимание всех обратилось на него, потер ладонью нос и неуверенно проговорил:

— Чтой-то не больно охота мне диких в крепость пускать... Что строили, то и защищать надобно... Я так разумею...

Шелехов сердито посмотрел на насупившегося Малахова.

— Ты, Арсентий Кузьмич, сам сей глупый план выдумал али тебе кто подсобил? Выдумал: в крепость диких пустить. А то тебе невдомек, что они ее тут же в десяти местах подожгут и весь труд наш на ветер пустят. И еще того хуже,— пушки,—главнейшее оружие наше,—тоже уничтожить им дать! Ведь уж после сего хошь не хошь, а с острова уходить придется! Вот что план твой сулит!

— Не так понял, хозяин!—крикнул, вскочив на ноги, Малахов.—Вот те крест, не подумал я...

Шелехов махнул рукой:

— А не мешало бы тебе, Арсентий Кузьмич, прежде чем говорить, мозгами раскинуть.

Малахов с обиженным видом сел рядом с Самойловым, как бы ища у него поддержки. А Шелехов уже спокойней продолжал:

— Ты, Константин Алексеевич, тоже малость напутал. Перво-наперво, я вам говорю, ссориться и враждовать я с островитянами нипочем не буду. Не положить надо всех до одного диких, ежели они напасть попытаются, а лишь отбить от крепости. Понятно? Пушки, пока крепость не готова, должны на кораблях оставаться, и на первый раз в случае нападения следует поверх голов диких палить.

Где-то недалеко раздался отчаянный вопль и громкий многоголосый хохот. Развеселившиеся промышленные толкнули в костер кого-то из алеутов. Мех на его парке загорелся, и он еле успел прыгнуть в воду. Теперь, высунув из воды голову, он отчаянно вопил от испуга. Шум стоял такой, что в юрте не слышно было ни слова. Шелехов собрался было уж выйти и навести порядок, но в это время в стороне, у опушки леса, вспыхнула ссора: Федька Семибратов задел кого-то,—интерес к алеуту пропал, и у юрты хозяина стало тише.

Шелехов вернулся на место, сел, собираясь с мыслями. Заговорил Измайлов:

— Шибко я в твой план не верю, Григорий Иванович, хотя, помнится, мореход Зайков, когда на Алеутские острова плавал, дружил с островитянами. Ох, и умен мужик, этот Зайков! Да еще помню, мальчонкой ходил я в море с Андрианом Толстых, он уж лет двадцать назад помер. Так алеутские тойоны отпускать нас не хотели, так сдружились. Толстых тогда их собрал и начал допытывать: были али нет им от

нашего брата какие ни на есть притеснения, а те в ответ: какие там притеснения, всем довольны были. А он их снова спрашивает: не желаете ли под российскую власть итти? Они—все, как один, согласны. Толстых все на бумагу занес и потом начальству представил: вот, мол, глядите, как россияне пользу общую соблюдать умеют. Знаменитый был человек, Толстых, недаром те острова по имени его назвали—Андриановские...

Измайлов любил вспоминать. Уж если начнет, то, пока его не оборвут, не остановится. А видел бывалый этот человек много, память к старости у него стала словно еще острее.

Все начали улыбаться: сейчас Измайлов должен был перейти на свою старуху и рассказать, как она два года прожила с ним на Уналашке и ко всем алеуткам его ревновала. Все уже наизусть знали эту историю. Измайлов принялся было ее рассказывать, но Шелехов перебил:

— Ты, Герасим Григорьевич, до другого раза это отложи. А я вот еще что добавить хочу. Больше, чем на пушки, я на другое полагаюсь, чтоб диких к миру склонить. Фонарь кулибинский[1] нам помочь должен. Для русских свет его и то в диковину, а уж ежели диких на берегу осветить, то, думаю, почитать нас будут больше всех духов своих. А посему,—Шелехов обратился к Измайлову,—повесь-ка ты этот фонарь на мачту галиотову и всякий час наготове его держи. И боже тебя упаси побить его: вещь редкая не то что у нас здесь, а и в России. Кулибин сей знаменитый не больно при дворе в чести.

Совещались еще долго. Потом поужинали остывшим уже мясом и начали устраиваться на ночлег. Самойлов, укладываясь рядом с Шелеховым, спросил:

— Что хозяйка твоя на берег редко показывается? Чисто как в тереме, на галиоте сидит?

Шелехов только рукой махнул:

— И не говори... Замучили ее козы да свиньи, что из Охотска привезли. Ну, прямо, словно белены объелись. Пока по морю плыли—ничего, а как землю почуяли, покоя лишились,—на берег рвутся, аж захворали с тоски. Она то их травой какой-то кормит, то на брюхо горячие тряпки кладет. А козленка белого так на руках и носит, чисто дитя. Морока с этой живностью, хоть бы скорей хлев им соорудить что ли...

---

[1] Кулибинский фонарь—изобретение выдающегося русского механика И. П. Кулибина. Яркий свет фонаря объяснялся отражением пламени свечи во множестве мелких зеркал, расположенных на вогнутой поверхности.

Догорали костры на берегу, раскаленные кучи углей издали в темноте походили на мигающие глаза неведомых чудовищ. Люди разбрелись по юртам. Стало тихо, только глухо бились волны о берег, потрескивали ветки под ногами часовых, да внезапно раздавался крик ночных птиц в лесу.

Весь следующий день прошел в горячей работе. Шелехов подгонял людей, торопясь с окончанием стройки. Но дел оставалось еще много. Палисад протянули от берега к лесному болоту только с одной стороны, а надо было тянуть его и по другой стороне каменного основания крепости, вдоль берега моря. Срубы казарм выросли бревен на десять-пятнадцать, крыш еще не наводили. Крепостную стену тоже еще не ставили, хотя сделали самое главное: заготовили огромные, десятисаженные бревна и вырыли ямы для них.

Шелехов трудился вместе со всеми не покладая рук, всюду своим примером заставляя людей работать, как надо. Он успевал следить за всеми, где бы ни был сам, и никто не мог лодырничать безнаказанно.

Чернобородый Семибратов, усевшись на бревно, только начал медленно свертывать цыгарку да задирать соседа, как к нему подошел кто-то из промышленных и внушительно сказал:

— Хозяин велел передать, чтоб работал, а не лясы точил. А с ним, брат, шутки коротки,—сам знаешь.

Федька, первый буян и задира, только проворчал сердито:

— И где у него только глаза сидят, что всюду видят? Или вокруг головы оба ходят?

Однако он встал, затоптал цыгарку, поплевал на руки и, взяв топор, через плечо глянул туда, где работал Шелехов. А тот и не смотрел в его сторону, знай махал топором. Всякая работа спорилась у Шелехова быстро и весело, и других заражала его сноровка. Семибратов плюнул от досады и опять взялся за дело.

Несколько алеутов столпились около бревна. Они говорили громко, все разом, и махали руками. До Шелехова долетел их крик. Он засунул топор за кушак, набросил на плечи кафтан и подошел к ним. Перед хозяином сразу расступились.

На бревне в кругу алеутов сидел Илхак. Лицо его перекосилось от боли, он обеими руками держался за ступню левой ноги и громко стонал. Шелехов сказал стоявшему тут же Нанкоку:

— Спроси его, тойон, что случилось?

Илхак посмотрел полными слез глазами на Шелехова, губы его дрожали, и бритая голова покрылась крупными каплями пота. Он что-то начал отвечать прерывающимся голосом.

— Илхак говорит,—перевел Нанкок,—что его наказал злой дух за то, что в прошлом году он начал охоту, не найдя орлиного пера в горах. За это злой дух загнал ему в ногу тонкую палтусью[1] кость, и нога распухла, а кость ушла далеко-далеко. Илхак стал хромать и ходить только на пальцах этой ноги... Илхак перестал охотиться в лесу, только плавал иногда в байдарке. Из трех жен он даже двух продал—такой бедный стал... А сейчас он хотел помочь белому начальнику, потащил бревно, а оно его стукнуло по больной ноге, и он не может встать.

Шелехов стал на одно колено, взял больную ногу Илхака и внимательно осмотрел ее. В пятке было видно забитое грязью отверстие, в которое вошла кость. Все это место опухло, и большой желтый гнойник покрывал пятку. Опухоль дошла чуть не до колена. Шелехов попросил двух алеутов держать Илхака покрепче за руки, а сам начал медленно прощупывать голень. При первом же прикосновении Илхак дико закричал и попытался отдернуть ногу, но потом притих, и Шелехов только по легкому стону догадывался, когда ему было особенно больно. Острая боль ощущалась лишь на два вершка от пятки, дальше, видно, кость не проникла.

Шелехов встал и сказал Нанкоку:

— Передай ему, тойон, что белый начальник очень мудрый и очень добрый. Он любит Илхака и поможет ему. Илхак будет здоров.

Илхак на эти слова недоверчиво улыбнулся, а Шелехов приказал перенести больного в свою юрту.

Там Григорий Иванович тщательно отточил нож, промыл ногу Илхака, затем, подержав нож над огнем, приступил к операции.

В юрте были только Самойлов, Лука и Бритюков. Шелехов работал быстро и точно. Даже Бритюков, оскорбленный тем, что не к нему обратились за помощью, залюбовался его ловкостью. Через несколько минут все было кончено: гной выпущен, из глубокого разреза в ноге извлечена черная, в комьях свернувшейся крови и грязи, длинная рыбья кость, рана промыта. Оставалось только зашить ее. Шелехов вдел в иглу суровую нитку и ловко наложил шов.

Все сосредоточенно молчали. Самойлов и Лука держали Илхака, который только стонал и скрежетал зубами от нестерпимой боли. Бритюков помогал Шелехову, иногда они обменивались короткими замечаниями.

---

[1] Палтус—рыба из семейства камбаловых, водится в северных водах.

Когда операция окончилась, подлекарь, поливая воду на руки Шелехову, решил польстить хозяину:

— Ловко вы, Григорий Иванович, столь сложную операцию произвести изволили при столь незначительных средствах. Немалое удивление такое искусство вызвать может у человека образованного. Прямо, как будто у самого мусье Бурже в Иркутске обучались.

Шелехов лукаво взглянул на бледное лицо подлекаря, расплывшееся в улыбке, и сказал:

— Я, брат ты мой, не только такому образованному человеку, как ты, а самому господину Бурже могу не то, что ногу, а и голову отрезать и к другому месту пришить. Да так, что он потом всю жизнь уверять будет, что так его мать родила.

Лука громко расхохотался, ухмыльнулся и Самойлов. Разозленный Бритюков поспешил улизнуть из юрты.

Шелехов приказал Луке отвезти Илхака на галиот и сдать под надзор Наталье Алексеевне.

Скоро об операции стало известно каждому, разговоров хватило на весь день, и Бритюкову не давали прохода. Особенно ликовал Семибратов, не пропускавший случая поиздеваться над подлекарем.

От зари и до зари работали люди на берегу. Туземцы не показывались. Но Шелехов не доверял тишине и спешил с постройкой.

Однажды вечером Лука, расставив караулы, вошел в юрту Шелехова. В тусклом свете колебавшегося фитиля еле видны были спавшие Шелехов, Самойлов и Малахов. Лука тоже улегся, долго ворочался, наконец, уснул.

Среди ночи его разбудил Малахов.

— Неспокойно что-то, Лука Спиридоныч,—прохрипел он.—Что-то на душе тревожно.

В ночной тиши прокричала птица. Все стихло. И опять крик...

Шелехов открыл глаза. Прислушался. Какое-то напряженное ожидание охватило его.

И вдруг дикий вопль разорвал тишину. Все разом вскочили. Из других юрт высыпали промышленные.

Вопил уже весь лес.

— Зажечь на мачте фонарь, кулибинский!—приказал Шелехов.

План обороны был всем известен. Самойлов во главе группы промышленных занял южную сторону готовых укреплений. Малахов с другими засел в недостроенных срубах казарм. Шелехов и оставшиеся люди защищали берег.

Толпы вооруженных копьями туземцев с воинственным криком бросались на бревна, карабкались, падали и опять лезли на приступ.

Промышленные дрались стойко. Каждый понимал, что на карту поставлена жизнь.

Вдруг с переднего галиота «Три Святителя» пальнули по лесу изо всех пяти двухфунтовых пушек. Ядра с шипением пролетели над сражающимися и разорвались в лесу. А на мачте вспыхнул и засиял зеркальный фонарь Кулибина.

Неизвестно, что больше поразило туземцев—пушки или фонарь, но их ярость сразу иссякла. Они с воем отступили, стараясь укрыться за деревьями от яркого луча фонаря. Скоро их черные тени исчезли в лесу.

Остаток ночи никто не спал.

Шелехов приказал всем оставаться на местах и послал несколько человек в разведку. Люди, вернувшись, донесли, что туземцев нигде не видно. Было похоже, что нападение в эту ночь не повторится. Для верности Шелехов велел еще раз пальнуть из пушек по лесу и пошарить прожектором вдоль опушки и по берегу залива. Все было спокойно. Люди разошлись на отдых.

Вокруг Луки собралась группа промышленных. Напряжение боя прошло, опасность миновала, и тревожную взволнованность сменила радость. Семибратов, смеясь, припоминал, как Лука с искаженным лицом, неистово ругая и товарищей и дикарей, ворочал огромные бревна. Подошел Шелехов.

— Это что бревна,—сказал он, усмехаясь.—Лука Спиридоныч и не то в Охотске отчубучивал. Помню, раз в питейной, под мухой будучи, он побился об заклад, что вынесет на спине за ворота лошадь целовальника. Здоровая была кобыла, откормленная. И что думаете? Залез кряхтя наш Лука Спиридоныч под кобылье брюхо и, как ни лаялся на него кабатчик, поднатужился, и поехала кобылка за ворота, небось первый раз в жизни за чужой-то счет. Мы аж ахнули! Ну, думаем, сейчас она ему всю рожу в кровь разобьет!.. А она—ничего, смирно висит... У Луки глаз один красный от натуги стал, но тащит...

Промышленные хохотали, а Шелехов—заразительнее других, любовно посматривая на хмурившегося Луку.

Разошлись только на рассвете, отправив трех раненых на галиот. Там ими занялась Наталья.

Через несколько дней крепость была готова. Свежие срубы, мощная стена из огромных гладких бревен, палисады и редут в лесу радовали Шелехова. В тот же день установили в крепости пушки.

Шелехов, в последний раз осмотрев постройку, сказал людям:

— Други! Первая крепость российская на американской земле учреждена. Она—опора российского владычества здесь. С окрестными народами в мирные сношения вступать надобно. Но пока учреждаю такой порядок: караулы нести наистрожайше, по одному из крепости не отлучаться и быть всегда при оружии. Диких в крепость пускать по двое, по трое, не больше и с обыском. Соблюдать все это неукоснительно!

Через несколько дней ушел к своим Илхак. Нога его почти совсем зажила, и он мог свободно добраться до дому. Он трогательно простился с Шелеховым, к которому проникся безграничной привязанностью и почтением. Нес он с собой и подарки русских: разноцветные бусы, корольки, ножи.

Лука проводил Илхака до половины пути, а вернувшись, кинулся разыскивать хозяина. Он отвел Шелехова в сторону, долго рылся в кармане и от волнения никак не мог найти, что хотел. Наконец, извлек кусок горной породы.

— Глянь-ка, Григорий Иванович,—шопотом сказал он.— Глянь, какое богатство я отыскал. Ведь это—чистая железная руда! Железа здесь—страсть много. И черту дает черную!

Сквозь слюдяную поверхность породы просвечивали правильные грани черных кристаллов магнитного железняка.

— Это не все, Григорий Иванович,—проговорил, опасливо оглянувшись, Лука.—Главное-то—золотишко здесь водится. Смотри... самородное золото!..

Он опять порылся в карманах и вытащил несколько желтых, величиной с кедровый орешек, зерен.

Шелехов внимательно рассмотрел находку. Глаза его заискрились от радости, он обнял Луку:

— Ты и сам, Лука, не понимаешь, какое открытие сделал! Важнейшие минералы нашел. Я о том особо господину сибирскому губернатору по возвращении доложу. Герой ты, Олесов!

Шелехов с восторгом смотрел на смущенного Луку. Он ценил и горячо любил этого великана.

В Охотске, лет семь назад, встретился Григорий Иванович с Лукой Олесовым. Шелехов умел разбираться в людях. В нелюдимом, озлобленном человеке он разглядел верную, тянувшуюся к теплу и дружбе душу.

С теми, кому он доверял, Шелехов умел быть ласковым и участливым. Лука ответил ему горячей признательностью и любовью.

А позднее Григорий Иванович узнал о тяжелом прошлом Луки. Крепостной волжанин Олесов потерял из-за помещика-

самодура любимую молодую жену. Насильно приведенная в барский дом, Луша не выдержала позора и покончила с собой. Лука в это время был в отлучке. Вернувшись, он чуть не лишился разума от горя.

Но терпение замученных крестьян лопнуло. В темную осеннюю ночь запылала усадьба помещика, крепостные разграбили его добро, а с самим барином расправился Лука. После этого ему пришлось бежать.

Узнал Григорий Иванович о годах скитаний и нужды в глухих лесах, где встречались лишь редкие скиты раскольников, да демидовские рудознатцы и углежоги. По всему Уралу разослал их знаменитый заводчик, семейству которого еще сам царь Петр отдал на разработку неисчислимые богатства уральской земли. От этих молчаливых тружеников Лука и научился находить и понимать минералы.

Наконец, добрел Лука до Иркутска. Там прожил он десять лет. За это время побывал во многих городах Сибири, занимался многими промыслами, радуя хозяев-купцов редкой силой и ловкостью. Они за это прощали ему нелюдимость и суровость. Потом Олесов перебрался в Охотск, стал опытным промышленным. В тяжелых морских походах искал он утешения в скорби.

Много горя и обид вынес Лука. Долгие годы никто не видел его улыбки. И только в семье Шелеховых Лука понемногу оттаял, за добро и ласку он жизнь готов был отдать ради Григория Ивановича и Натальи.

Охотно отправился он с Шелеховым в опасное и долгое плавание, сразу же показал себя отважным и полезным помощником и, наконец, сейчас сделал замечательное открытие

ГЛАВА III

— Отпусти, Гришенька,—просила Наталья мужа.— Ведь не первый день знаешь Константина Алексеевича. Такого охотника не найти нигде. Чего ты страшишься?

— Нет, Натальюшка, и не проси. Виданое ли дело, чтобы баба на промысел ходила. Да без мужа... Константин Алексеевич хлопот с тобой не оберется.

— Уж я тем, что поехала с тобой, весь бабий обычай нарушила,—запальчиво ответила Наталья.—А Константин Алексеевич только рад будет, что я поеду. Не знаешь разве, как он по дочке своей, по Алёнке, скучает? А со мною развеселится, бросит кручиниться. А то и свадьбу-то ее перед отплытием нашим он сыграл, как поминки. Видно, жаль ему дочку.

— Верно, Натальюшка, верно,—грустно кивнул головой Шелехов.—Тяжело ему пришлось, как один-то с девчонкой на руках остался. Ведь, как сейчас, помню Стешу — жену его. Красавица, скромная, тихая. Не то, что ты — сорви-голова, ишь, в какой вояж за муженьком-то увязалась,—и он будто сердито посмотрел на жену, но серые глаза лучились радостью.

Наталья, немного смущенная, помолчала, потом подняла на мужа голубые с задоринкой глаза и с притворным смирением спросила:

— Так отпустишь меня, Гришенька, с Константином Алексеевичем?

Шелехов только рукой махнул. Наталья опрометью выбежала из его юрты.

Разыскать Самойлова было нетрудно. У берега готовились к походу несколько байдар: Шелехов отправлял на промысел морских котов партию под начальством Самойлова. Вокруг байдар суетились люди. Грузили ружья, груды длинных березовых палок, медные котлы, связки больших ножей для сдирания шкур. Две вытащенные на берег байдары еще раз прошивали тюленьей кожей. По берегу далеко разносились крики, смех, ругань. Среди этого шума только Самойлов оставался спокойным и неторопливым. Его низкая, с седой головой, фигура появлялась всюду, в любое дело вносил он деловитость и серьезность. То объяснял, как прошить дно лодки, то распределял людей по байдарам, то указывал, куда какой груз класть. Тут и застала его Наталья.

— Моя взяла, любезный Константин Алексеевич!—крикнула она еще издали.—Уговорила мужа! Еду с вами поутру на охоту! Промысел котовый узнать желаю и тебя в учители выбрала. Плох будешь,—живо на Луку сменяю.

Самойлов улыбался.

— Хорошо, хорошо, егоза, поедем... Да боюсь,—добавил, хитро подмигнув,—приглянешься старым секачам, не уйдут, и молодых, что нам надобны, не подпустят. Что делать тогда будем?

Наталья ничуть не смутилась.

— Ты, Константин Алексеевич, видать, наперед плохой охоте оправдание ищешь. Аль себе доверять перестал?

Самойлов только рассмеялся и погрозил пальцем.

...Суровое нагромождение скал тянулось, насколько хватал глаз, их бесконечные зубчатые отроги шли далеко в глубь острова. Казалось, что здесь окаменело море: так напоминали неподвижные скалистые гребни своих шумных и беспокойных сестер рядом на воде. Далеко в глубине острова были видные зеленые склоны гор.

Погода с утра хмурилась, с моря дул резкий, холодный ветер, временами накрапывал дождь.

Самойлов взял с собой нескольких промышленных, двух алеутов и отправился вдоль берега на разведку. Чутье опытного охотника подсказывало ему, что звериное лежбище

близко. С ним увязалась и Наталья. Остальные расположились у байдар. За старшего остался Малахов.

Усталые промышленные устраивались между камней. В шуме прибоя трудно было слышать друг друга. Воздух был насыщен мелкой водяной пылью, во рту все время скоплялась морская горечь.

К Малахову подошел Семибратов. Он толкнул передовщика в бок и громко крикнул ему в ухо:

— Ты не забыл, что в кости мне проиграл? Смотри, брат! Лучшего кота не отдашь, так сам отберу!..

Малахов собрался что-то ответить, но кто-то из промышленных крикнул, указывая в море:

— Эй!.. Гляди!.. Дикие!..

Из-за ближайшего кекура показались две байдары. Малахов подбежал к воде, пристально всматриваясь в приближавшихся людей.

По стройным фигурам, тонким надменным лицам и особой раскраске на теле он признал в них немирных кенайцев. Малахов начал знаками подзывать их к себе и сказал Семибратову:

— А ну, Федор, забери-ка людишек наших да вон к тем скалам отведи: вишь, дикие подойти боятся. А я мирный разговор с ними заведу, как того желает хозяин.

Действительно, как только кенайцы увидели, что промышленные отошли от берега и там остался только Малахов с толмачом-алеутом, они смело подплыли. Молодой кенаец, тонкий и гибкий, ловко выпрыгнул из байдары и подошел к Малахову. Тот сказал ему через толмача:

— Вижу по тебе, что тойон. Верно ли?

— Я сын мудрого Чинкуна, вождя кенайцев!—отвечал гордо молодой индеец.—Отец велел передать, чтобы белые уходили с Кадьяка, иначе кровь их польется рекой, и ни один не увидит родного очага!

Малахов улыбнулся, потом вдруг стал серьезным, даже его красное веснущатое лицо побледнело. Он оглянулся: промышленные были далеко и располагались на отдых. Только любопытный Семибратов приближался к берегу. Малахов свирепо замахал на него руками, и тот в нерешительности остановился. Он, может быть, и не послушался бы передовщика, но кенайцы при его приближении стали отступать к байдарам. Семибратов повернул обратно.

Малахов вновь обратился к молодому кенайцу и, в упор глядя на него, медленно сказал:

— Я тоже охоту имею... уйти с Кадьяка...

Он еще раз оглянулся на промышленных и продолжал:

— Я рад, что встретил тебя, а то все одно послал бы Чиикуну весточку. Я недруг главного русского здесь. У нас с ним дюже старые счеты...—Тут толмач испуганно посмотрел на Малахова, но тот грозно сверкнул глазами, и алеут покорно продолжал переводить.—Я—друг кенайцев. Передай Чиикуну, что русского начальника прикончить надо, тогда все русские с острова утекут. Я научу Чиикуна, как это сделать.

Кенаец с любопытством смотрел на Малахова. Его глаза загорелись злым огоньком, желто-пергаментные скулы зарделись.

Завязался тихий разговор.

Кенайцев уже не было на берегу, когда вернулся Самойлов. Он принес радостное известие: котовое лежбище найдено. Особенно была взбудоражена Наталья: она впервые видела такое множество котов и так близко. Семибратов присел на валун рядом с Натальей и спросил:

— Ну, как, хозяйка, хорошее лежбище нашли? Небось, не часто видеть такое приходилось?

Она как бы ждала этого вопроса и живо ответила:

— Что ты, Федор, в жизни не видела таких тварей! Думала, они маленькие, а они с хорошего борова! А шкуры-то черные, с отливом... Красота!.. И все ползают по скалам. Морды усатые, горб на спине! А орут-то как!.. И всякий вокруг своих маток ползает. Мне Константин Алексеевич все рассказал: мы на скале лежали, а внизу—коты. На берегу старые, сильные были и своих маток берегли. А чужую все стянуть норовят. Цоп ее за загривок и волокут к себе. Ох, и дерутся из-за них! Прямо страсть! А у берега молодые плавают. Взад и вперед, взад и вперед. Шерстью светлее, серебристые... На берег вылезти боятся: старые не пускают. Ну, до чего же занятно глядеть на них!

Люди с нетерпением ожидали темноты, когда можно будет начать охоту. Наталья просила Самойлова рассказать, как промышляют котов. Но старика не легко было заставить разговориться. Отчаявшись чего-нибудь от него добиться, Наталья подступила к Малахову.

Тот не заставил себя упрашивать. Его красное лицо расплылось в довольную улыбку, зажглись маленькие глазки. Он сразу ожил:

— Морской кот — зверь глупый, любезная Наталья Алексеевна, совершенно без всякого понятия. Особливо молодой кот, полусекач, у которого и мех лучше.— Малахов презрительно сощурился и оттопырил нижнюю губу.— Глупость молодых котов до того доходит, что среди них гулять можно,

они и не взглянут. Я, к примеру, ежели веду людей на промысел, всегда выбираю лежбище молодых полусекачей. Их не гоже путать с «гошпиталями», где живут старые, ослабшие коты; те — злые, линючие, а ума большого. Опытные промышленные, к примеру, я, приказывают гнать котов дальше от берега. А спервоначалу, ночью, надо прокрасться тихо и котов от моря отрезать. Отгонишь их подале, и пожалте—шкуры в руках ваших. Большой я мастак на это дело, все про то знают.

Наталье надоело хвастовство передовщика. Она лукаво прищурила озорные глаза и сказала насмешливо:

— Помнится мне, что как-то ночью в Охотске вздумал ты по пьяному делу заместо котов за купчишками приезжими поохотиться. Тоже тихо пробрался в гостиный двор, обобрал купчишек, да, видно, хмель разобрал, далеко не ушел: так во дворе у забора и прилег с поросятами в обнимку. Знатно отутюжили тебя наутро купеческие дядьки! Да говорят, в тот день в питейной ты тоже бахвалился своей отвагой?

Малахов потемнел, пшеничные брови сошлись у переносья. Он мрачно взглянул на Наталью и процедил сквозь зубы:

— Больно насмехаться любишь, хозяйка, вроде муженька своего. Как бы у вас обоих осечки не вышло: многим это не по душе.

В это время раздался голос Самойлова:

— Подыма-айсь!.. Живо-о!.. Бери палки!

В сгустившихся сумерках цепочка людей двинулась по направлению к лежбищу.

Среди обломков скал пробирались долго, пока совсем не стемнело. Наталья заметила, что они уже давно оставили слева берег и лежбище и забирали все больше в сторону от воды. Вдруг шедший впереди Самойлов притянул Наталью к себе и тихо сказал:

— Коты молодые под ногами. Не буди их раньше времени.

Наталья до боли в глазах всматривалась под ноги, обходя темные пятна на земле. Один раз натолкнулась на что-то мягкое, тень животного метнулась с тихим визгом в сторону. Наталья чуть не кинулась в другую. Самойлов удержал ее и увлек за собой.

Наконец, цепочка людей отрезала животных от воды. Раздался резкий свист. Коты пришли в движение, неуклюже ковыляя, они стремились прорваться к морю. Но люди длинными палками преграждали им путь и гнали в обратную сторону.

Почти всю ночь медленно двигались промышленные, гоня перед собой стадо котов. По дороге отделяли от общей массы молодых двух-трехлетних, пропуская старых к морю.

К утру отогнали животных версты за две. Коты устали. Разинув усатые пасти, тяжело дыша, они останавливались, обмахивались передними ластами и снова ковыляли. Но Самойлов решил, что дальше гнать их нельзя. Он знал, что с перегретых животных облезает шерсть, и подал сигнал.

Началось избиение. Опытные промышленные убивали котов одним ударом палки по носу. Крики людей смешались с ревом животных. На месте ловко сдирали шкуры.

А Наталья, так ждавшая охоты, вскрикнула и закрыла руками глаза.

Когда Самойлов ударил что есть силы по носу ближайшего кота и животное с жалобным визгом упало на землю, жестоким делом показался ей занятный промысел. Она поспешила уйти к байдарам с двумя промышленными, несшими первые содранные шкуры.

Настроение у Натальи упало, она почувствовала, что смертельно устала. Еле добравшись до байдар, она забралась в одну из них и тут же уснула.

Охотники вернулись только к середине дня с богатой добычей. Люди проголодались, жестоко устали от охоты и ходьбы по обломкам скал. Все мечтали об отдыхе, и заснули там, где их застала команда Самойлова. Старик разрешил два часа поспать, а затем собираться в обратный путь.

К Самойлову, только что улегшемуся около большого камня, подбежал с криком Нанкок:

— Начальник!.. Начальник!.. Ай-ай, беда!

Самойлов грозно цыкнул на него и указал на спящую недалеко Наталью. Нанкок перешел на шопот:

— Ночью убился до смерти Санхук, мой племянник. Какой хороший был толмач... Его любил и господин Малахов...

— Где он лежит? Покажи.

Спавший рядом Малахов приподнялся на локте:

— Не стоит себя тревожить, Константин Алексеевич, из-за всякого дикого. Лучше б отдохнули покамест. Давайте, уж я что ли схожу?

Он уже собрался встать, но Самойлов движением руки остановил его:

— Лежи. Сам посмотрю.

Труп алеута лежал под одной из скал. Череп был пробит острым камнем, на бледном лице застыла гримаса ужаса.

Самойлов внимательно осмотрел мертвеца, с сомнением покачал головой, но ничего не сказал.

Как назло погода совсем испортилась. Когда плыли обратно, хлынул дождь. За стеной воды исчез берег. Люди гребли, выбиваясь из сил.

Только когда они были недалеко от крепости, погода стала улучшаться: дождь перестал, резкий, порывистый ветер разогнал тучи. Сквозь мглистое небо молочным светом пробились солнечные лучи, и зелень на берегу показалась людям крашеной, не настоящей.

Подплывая, охотники заметили на берегу какое-то оживление. Промышленные спешили в крепость, переговариваясь на ходу. Даже приезд людей с промысла не вызвал особого внимания. Им махали руками, кричали что-то, но никто не задерживался.

Как только байдары пристали, люди выскочили на берег, и Самойлов еще заставил нескольких человек перетаскать в амбар котовые шкуры. Всем не терпелось узнать, что случилось в крепости.

Первым вбежал за ограду Семибратов. На середине площади, у флагштока, напротив крыльца двухэтажного дома, где сидел Шелехов, стояли четверо туземцев. Семибратов сразу узнал среди них Илхака. Все они были в длинных, ниже колен парках, в круглых, плетеных из травы шляпах, их лица были размалеваны красной землей, а нос, губы и уши проткнуты различными костями. В руках они держали длинные копья с каменными наконечниками.

Семибратов, протискиваясь сквозь толпу промышленных, расспрашивал товарищей, что тут происходит? Оказалось, что тойон Кадьяка поссорился с Чиникуном и решил вступить в союз с русским начальником. На тойона сильно подействовали рассказы Илхака о чудесном исцелении больной ноги и богатые подарки. Теперь Илхак привел в гости к Шелехову трех знатных конягов — родственников тойона.

Шелехов встретил гостей ласково. Он погладил каждого по голове, спине и плечам, и, предупрежденные Илхаком, они приняли это, как знак особого расположения. Каждому из конягов были вручены подарки: разноцветные бусы, корольки, яркий ситец и ножи. Затем им показали крепость. Туземцы были ошеломлены: они строили свои убогие подземные жилища по нескольку лет, обскребая раковиной и каменным топором бревна, а тут белые так быстро построили невиданно крепкие стены и дома.

В неменьшее удивление повергло конягов зеркало в комнате Шелехова, перед которым они долго прыгали, совершенно потеряв свою первоначальную важность и сдержанность: они все время старались поймать врасплох за зеркалом передразнивающих их людей. Почтительный страх вызвали у них и большие портреты в золоченых рамах императрицы Екатерины и наследника престола Павла. Коняги пытались

вступить с ними в беседу, но потом обиделись на их презрительное молчание и больше в их сторону не глядели. Запас слов Нанкока оказался недостаточным, чтобы внушить конягам уважение к могуществу нарисованных на портретах особ.

Под вечер конягов перевезли на галиот «Три Святителя». Там их встретил Измайлов. Прежде всего он попотчевал гостей сахаром. Коняги его попробовали, но потом спрятали сахар за пояс, объяснив, что отдадут его женам. Увидев на мачте зажженный кулибинский фонарь, они долго кричали что-то, размахивая руками. Нанкок перевел, что туземцы просят вернуть солнце на небо и говорят, что теперь они поняли, почему в последние дни его там не видно.

Когда гости вернулись на берег, к ним подошел Самойлов и сказал, что хочет показать еще один пример могущества русского начальника. Он подвел туземцев к одному из огромных камней у воды. У камня возились Лука и двое промышленных. От забитого чем-то углубления в камне тянулась длинная веревка.

Вокруг столпились промышленные. Подошли и Шелехов с Натальей.

Самойлов долгие годы провел среди туземцев и хорошо знал их нравы. Он умел понравиться этим людям, подчинить их своему влиянию

На этот раз все видели, что Самойлов что-то придумал, и с интересом ждали, что будет дальше. А он говорил конягам через толмача-алеута:

— Видите этот камень великий? Мой начальник только пожелает, и камень в пыль разлетится тотчас!

Коняги смотрели Самойлову в рот, но по глазам было видно, что они слабо верят в такое чудо. Однако они отошли от подозрителнього камня подальше. А Самойлов подал Шелехову конец веревки и шепнул:

— В камне — заряд пороховой, а рядом — замок ружейный... Внушим диким уважение к тебе... Ну, дергай!..

Шелехов улыбнулся, вышел немного вперед и дернул за веревку. Раздался оглушительный грохот, столб земли поднялся к небу, в воздухе засвистели каменные осколки.

Когда пыль и дым рассеялись, камня не было. Но исчезли и коняги. Все удивленно оглядывались, ища глазами туземцев. Вдруг рядом с берегом в воде раздался всплеск, и на поверхности показались четыре посеревших от ужаса лица. Глаза конягов дико вращались, бороды слиплись. Подгибающиеся ноги еле вынесли их на берег. Шляпы туземцев тихо плыли по заливу. Коняги долго с удивлением качали головами, перебирая груду образовавшегося щебня.

Вечером, потрясенные всем виденным, подарками, они ушли, пригласив Шелехова к себе. Расстались друзьями.

В тот же вечер Малахов повстречал у казармы подлекаря Бритюкова. Усмехаясь в пшеничные усы, сказал ему тихо:

— У меня, кум, известия дюже важные есть. Вместо того, чтоб, как ты, штаны в крепости протирать, побывал я на лежбище котов. Да такая удача подвалила, что, окромя котов, с сыном Чиикуновым встретиться довелось. Так мы с ним дело тебе известное обмозговали. Чуешь?

Бритюков хрипло выдохнул:

— Ох, и хват!.. А кому о том разговоре ведомо? Кому из промышленных, али только толмачу? Отчаянно дело обделываешь, кум. Не сплошать бы.. Так недолго и голову потерять.

— Чаю, никому о том разговоре не ведомо,—мрачно сказал Малахов, и, перекрестясь, добавил:—Почил смертью случайно ведавший о том толмач. А Самойлов с хозяйкой в ту пору котов высматривали.

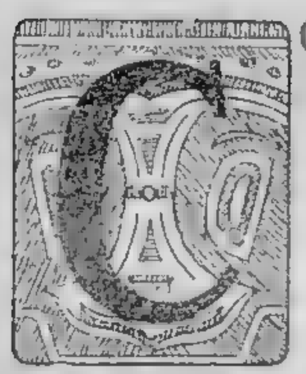
Бритюков во тьме притянул Малахова к себе и зашептал:

— Кой-что и я обмозговать успел. Слушай. Перво-наперво, надо промышленных против хозяина подбить. Пусть ведают, что в этой проклятой земле положат они животы свои и от боя с туземцами, и от цынги-болезни. Это уж я им сам, как человек с образованием и понятием, растолкую. И с дикими надо в договор вступать. Чиикун-то Чиикуном, а есть у меня еще одно соображение. На Щуяхе-острове, где бобров, сказывают, тьма, надобно тоже Григорию Ивановичу гостинцев припасти: не иначе, как сподобится он на тот остров заглянуть. То моя забота будет. Обрежем крылышки любезному хозяину. Купец Мыльников за это спасибо скажет.

— Поди, тогда и Лебедев-Ласточкин, хозяин мой, тоже раскошелится,— мечтательно проговорил Малахов и добавил с угрозой: — А пуще всего охота мне с Гришкой Шелеховым обидами сквитаться.

И приятели, довольные друг другом, разошлись.

ГЛАВА IV



С САМОГО начала плавания на Кадьяк Шелехов аккуратно записывал в толстую тетрадь из грубой шершавой бумаги все достопримечательное. Он знал, что будет проплывать мимо малоизведанных островов, а уж сама Америка и вовсе никому не была известна. Поэтому все, что он увидит, будет представлять большую ценность.

Даже в море, когда галиот плыл мимо Алеутских островов, Шелехов старался ничего интересного не пропустить, и, если не было большой волны, галиот не кидало в разные стороны и в каюте можно было писать, Григорий Иванович садился за стол.

На берегах острова Медного, в Беринговом море, где шелеховцам пришлось зимовать, он видел куски самородной меди, выброшенные морем. Поэтому остров и получил свое название. Шелехов отметил в тетради, что медью можно выгодно торговать с китайцами, у которых металл этот в большой цене.

По пути на Кадьяк он видел огнедышащие горы Алеутских островов и горячие ключи вокруг них, где жители варили пищу. И это занес в тетрадь. Описал и одежду островитян,

их украшения, оружие и даже кое-что выменял у них, чтобы привезти в Россию. Записывал он и все встреченные им на островах породы животных, рыб, птиц и виды растений.

На американской земле Шелехов рассчитывал найти большие богатства. Он собирался подробно все разведать, а потом уже широко развернуть свое дело. Поэтому он старательно помечал в тетради: «Слышу я, что много есть по Аляске следов хрусталю, разных красок, медной и железной руды, точильного камню, извёстного камню[1], глины хорошей, — сему с примечанием делать запись и стоящие, хотя мало уважения, все такие руды, металлы, редкости вывозить». Это он собирался строго наказать всем промышленным, которых предполагал рассылать по разным местам американского побережья и по островам.

Живя на Кадьяке, Шелехов описывал его природу, обычаи, одежду, украшения и оружие конягов, понимая, как важно привезти в Россию точные сведения об открытых им землях. Он мечтал о широком обзаведении в Америке, об огородничестве, хлебопашестве и скотоводстве.

В тетрадь записывались и все важные события.

На острове появились отряды немирных кенайцев и все время тревожили русских. Несколько раз они нападали на промышленных, когда те отлучались из крепости, мешали промыслу и работе. Уже несколько человек было ранено. Шелехов предлагал кенайцам свою дружбу, но Чинкун не желал об этом и слышать. Тревожные записи об «убийственных замыслах» и «коварных нападениях» кенайцев все чаще появлялись в тетради. От приезжавших к нему конягов Шелехов узнал и об англичанине Ханне, друге Чинкуна. Ханна он знал, как корсара, не раз грабившего русские промысловые суда в открытом море: от его трехмачтового брига тихоходные гукоры[2] и галиоты не могли уйти. Шелехов записал в тетрадь, что надо внимательно следить за появлением опасного судна.

Он прекрасно понимал, что для того, чтобы закрепиться на острове, следует завязать дружбу с конягами, привлечь их на свою сторону, опереться на них в борьбе с кенайцами. Племя конягов было многолюдно. Народ они воинственный. Став друзьями русских, они сильно помогли бы в освоении края. Коняги могли быть также полезны на промысле, охоте и в различных работах.

Но, кроме военных и хозяйственных соображений, к друж-

[1] Извёстный камень—известь.

[2] Гукор—двухмачтовое грузовое судно с широким носом и круглой кормой.

бе и сближению с конягами толкали Шелехова его вечная жажда нового, интерес к жизни и быту этих неведомых людей. Он много думал, как установить с конягами дружественные союзные отношения, и записал подробный план действий. Но прежде всего следовало побывать у конягов в гостях, познакомиться с их тойоном: не раз уже зазывали они Шелехова к себе.

...Восточная половина Кадьяка вся покрыта лесами. Здесь буйно разросся темнозеленый ольховник, кое-где проглядывая сквозь листву свежим красно-бурым изломом своих ветвей. То там, то здесь видны стройные белые стволы молодых берез. Их нежная зелень светлыми пятнами выделяется среди других деревьев. Большими тяжелыми гроздьями ягод прорывается сквозь чащу рябинник. Кругом много болот. Лес завален гниющими деревьями. У самой земли стелются синеватые ягоды черники, выше — усыпает колючие кусты крупная, сочная малина.

В одном месте стена зелени отступает от воды; там на низком пологом берегу расположилось селение конягов: длинные, низкие, поросшие травой холмы больших землянок с темными отверстиями наверху. Среди них на невысоких столбах — обложенные ветками и травой шалаши богачей. Посреди поселка высится большой холм; это самая просторная хижина в поселке — кажим. В нем вдоль стены установлены лавки, посредине — очаг, над ним, в крыше — большое отверстие для дыма и света. Это — место пиров, игр и совещаний, здесь отдельно от семей большую часть времени живут мужчины, работают, совершают религиозные обряды.

Вокруг хижин валяются обглоданные кости, рыбья чешуя, темные груды гниющей рыбы, перья ободранных птиц.

Всюду снуют коняги, мужчины — с размалеванными лицами, многие в чудовищных деревянных масках, женщины — в кожаных парках, отделанных бахромой и бобровой выпушкой; тут же бегают перепачканные ребятишки. Все волнуются, кричат, суетятся.

Около кажима женщины накладывают на деревянные тарелки длинные, синевато-белые куски тюленьего жира, готовят и другие яства.

Все с нетерпением посматривают на море. Вчера пришел из русской крепости Илхак и сообщил, чт к ним собирается приехать белый начальник. Тойон велел как следует принять важных гостей.

Внезапно с берега раздались отчаянные крики, протяжные вопли и звон бубнов. Все население поселка бросилось к воде.

Мужчины, ждавшие гостей на берегу, начали уже пляску.

В своих огромных размалеванных масках, размахивая копьями, они прыгали, вертелись на месте, беспрерывно колотили в бубны и повторяли нараспев одни и те же короткие фразы. Когда последние из конягов подбежали к берегу, танцоры, побросав копья, бубны и маски, уже ринулись в воду и на спинах выносили байдары с гостями на берег. Приехавших понесли в кажим, где было подано угощенье.

Наталья, испуганная такой встречей, с облегчением опустилась на землю рядом с мужем.

Общее восхищение вызвал Лука. Четверо туземцев еле тащили его на себе, рыжая борода великана полоскалась по ветру, а оглушительный голос приводил островитян в трепет. Но вдруг Лука потребовал, чтобы его спустили на землю. Полуживые от усталости туземцы не успели выпрямиться, как Лука сгреб всех четверых себе на плечи и легко понес. Толпа островитян с гоготом и смехом бежала вокруг Луки. Коняги беспомощно барахтались на спине у великана.

В кажиме началась церемония. Все сидели в полном молчании. Первая почесть состояла в том, что гостям поднесли глиняные сосуды с ледяной водой. Затем мальчики стали разносить блюда с едой.

Шелехов отметил про себя, что каждое блюдо первым пробует хозяин-тойон. Видно, были случаи отравления гостей у туземцев.

Наталья еле заставила себя проглотить высшее туземное лакомство: холодную смесь жиров — тюленьего, китового и сивучьего[1]. После ледяной воды жирная масса царапала горло. Затем последовали деревянные тарелки с ягодами, юколой[2], звериным и птичьим мясом. Все ели в полном молчании.

После угощения начались игры и пляски. Туземцы в своих масках плясали до изнеможенья. Одних сменяли другие, сначала дети, потом женщины и, наконец, мужчины. Пока одни плясали, другие на разные голоса выкрикивали нараспев одни и те же короткие фразы и колотили в бубны.

Шелехову смертельно надоело сидеть в кажиме, затекли спина и согнутые ноги, душила отрыжка от съеденных блюд. Голова трещала от завывания пляшущих, грохота барабанов, звона бубнов и воплей зрителей.

У Натальи был измученный вид.

Шелехов повернулся к жене и кивнул по направлению к выходу. Она поняла, оживилась и что-то сказала сидев-

---

[1] Сивуч — морской лев.

[2] Юкола — сушеная рыба.

шему по другую сторону Луке. Тот с любопытством следил за плясавшими конягами, потягивая короткую трубку. За его спиной толпились туземцы, ловя носом струйки дыма.

Наталья живо вскочила и пошла к выходу. Григорий Иванович сказал еще что-то лестное старику-тойону, позвал своего толмача и не спеша выбрался из кажима.

Наталья уже нетерпеливо ждала его.

— Пойдем, Гриша, посмотрим, какие избы у диких островитян. А?.. Эдаких никогда не видела...

В это время из отверстия соседней землянки вылезла женщина с ребенком на руках. Младенец истошно орал. Мать, крепко держа его обеими руками, подбежала к берегу и опустила голого ребенка в воду. Наталья вскрикнула. А мать, спокойно продержав малютку в ледяной воде, пока тот не перестал кричать, неторопливо вернулась домой.

Шелеховы молча переглянулись. Наконец, Григорий Иванович воскликнул:

— Ведь такая экзекуция смерти подобна!

Толмач-алеут пояснил, что туземцы приучают детей к лютому холоду с самого раннего детства, так же, как к сырому мясу — сразу после материнского молока. Наталья только руками развела и растерянно посмотрела на мужа.

Через отверстие в потолке землянки, по наклонному с зазечками бревну спустились в большую подземную юрту. Там обществами, по нескольку десятков человек, жили коняги победнее.

Один из хозяев зажег фитиль, плавающий в каменном чадуке[1], наполненном жиром, и бледный мерцающий свет озарил часть юрты. Всюду сидели и лежали полуголые туземцы. Каждая семья имела свое отделение, обозначенное столбами. Было жарко и душно. Жар шел от кучи наваленных посредине раскаленных камней.

Всюду лежали копья, заостренные и поломанные ракушки, стрелы, обколотые камни, плетеные и выдолбленные из дерева шляпы. Валялись обглоданные кости, остатки тухлой рыбы, от которых шел тяжелый, сладковатый запах. Пол был устлан травой. Кое-где были разбросаны кожаные парки и камлеи,— тоже наподобие длинных рубах с вырезом для головы и с капюшоном, но сшитые из кишек или пузырей морских животных. Камлеи надевали в дождливую погоду.

Шелехов, оставив Наталью у входа, осторожно пробрался в глубь землянки, внимательно оглядывая все по пути. Он увидел, как одна из женщин, сидя на полу, осторожно разре-

---

[1] Чадук — светильник

зала заостренным камнем свежие кишки тюленя, затем раковиной соскребала налипшие остатки пищи и обмазывала рыбьей икрой,—она готовила материал для новой камлеи. Григорий Иванович долго следил за ее ловкими движениями.

Его отвлек умоляющий голос Натальи:

— Пойдем, Гриша, мочи нет... задохнусь сейчас...

Шелехов неохотно направился к выходу.

Смеркалось. Все еще раздавались завывания пляшущих. Толмач сказал, что коняги будут теперь петь и плясать до отъезда гостей.

Из кажима торжественно вышел тойон с горящим факелом в руках. Молодые коняги несли за ним несколько тяжелых тюков. Процессия отправилась к берегу, где стояли байдары гостей.

Шелехов вопросительно толкнул толмача. Тот побежал за конягами и, вернувшись, сообщил, что коняги понесли в байдары все остатки угощения, гости должны захватить их с собой.

В кажиме спали промышленные, но туземцы продолжали пляску. Одни в изнеможении падали и тут же засыпали, им на смену вступали другие. Лука храпел, выводя носом такие оглушительные трели, что туземцы с уважением и трепетом посматривали на него. Шелехов, перешагивая через спящих, нашел в уголке место для Натальи.

На утро Григорий Иванович беседовал с тойоном. Они сидели в большой юрте на столбах, внизу шумело селение: в кажиме продолжали пляску туземцы, кричали женщины на берегу, поссорившись из-за жирного куска китовины, плакали и шумели дети.

В юрте их было трое: Шелехов, тойон и толмач. Некоторое время все молчали. Тойон с безразличным видом сидел на груде звериных шкур и ловил на себе блох. Шелехов следил за его занятием, потом решил заговорить.

— Ведомо мне, тойон, что твой народ часто обижали белые. Особливо старались англичане и гишпанцы, да и русские тоже. И на Кенае у тебя враги есть. Верно я говорю?

Тойон вместо ответа только понуро кивнул головой. Длинные, редкие, блестящие от жира черные волосы упали ему на лицо и на минуту закрыли тонкую кость в носу, разрисованные черным пунктиром татуировки щеки и отвисшую нижнюю губу. Тойон вздохнул и откинул с лица волосы. Шелехов продолжал:

— Я тебя избавлю от всех тягостей. Только миром будешь торговать с русскими. То сейчас обоюдно выгодно. Но

1442

ежели в намерении моем мне помешать попробуют, то для отпора надобно будет мне на твое воинство опереться. Ежели согласен, то мир и торговлю выгодную обещаю тебе твёрдо. А в знак дружбы должен ты будешь, как водится, мне аманатов прислать и сына своего в том числе[1].

Шелехов испытующе посмотрел на вождя конягов. Тойон сидел, закрыв глаза и настороженно слушал, что переводил ему толмач. Когда тот замолк, тойон остался таким же неподвижным, только губы его беззвучно шевелились.

Молчание длилось долго, и Шелехов уже стал сомневаться: правильно ли он начал. Если тойон откажется принять предложение, это будет тяжелым ударом по его планам. «Надо бы с подарков начать,— подумал он,— да показать могущество наше: либо еще один камень взорвать, либо залп ружейный учинить при высадке...»

Наконец, тойон поднял голову, слезящимися старческими глазами уставился на Шелехова и начал говорить, сначала медленно и равнодушно, а потом все более горячась:

— Я спросил совета у доброго духа моего. Он сказал: слушайся мудрого начальника Шелху. Мои воины — твои воины! Куда прикажешь, туда пойдут! Они храбры, выносливы, умны! — Тойон вскочил на ноги и, широко улыбаясь беззубым ртом, раскинул руки.— Тойон конягов — друг твой верный, Шелха! И аманатов тебе пришлю охотно!

Шелехов тоже поднялся. Он был на голову выше тойона. Черные волосы его слиплись на лбу, худощавое лицо озарилось улыбкой, на впалых щеках зарделся румянец. Он тут же вытащил из-за кушака большой нож в костяной оправе и подарил его тойону. Тот затрепетал от радости. В ответ он вынул из носа отполированную кость и отдал ее Шелехову.

Союза был заключен.

Промышленные провели в гостях у конягов несколько дней. Вели богатый и выгодный торг с ними. Выезжали вместе в море на промысел и удивлялись, как коняги ловко охотятся на морских животных в своих маленьких одноместных байдарках.

На прощанье тойон получил от Шелехова большую медаль с выбитой надписью: «Союзные России», а на берегу недалеко от селения, где в море вдавался высокий, поросший травой мыс, на самом видном месте были вкопаны в землю две большие железные доски, на одной был выбит импера-

---

[1] Аманатов—заложников—исстари начали брать русские еще при столкновении с туземными племенами Сибири, как гарантию своей безопасности.

торский герб, на другой — надпись: «Земля Российского владения».

По приезде в крепость Шелехов сразу почувствовал, что произошло что-то неладное. Его встретил встревоженный Самойлов. По дороге к дому Григорий Иванович видел хмурые, недовольные, а порой и враждебные лица.

У крыльца собралась толпа промышленных. Люди молча расступились, когда подошли приехавшие, но Шелехов услыхал какие-то злобные возгласы.

В зале нижнего этажа топился камин, сухо трещали поленья, с тихим шипением испарялась из них влага. На стенах висели доставленные с галиотов картины в золоченых рамах. На низком широком столе среди вороха бумаг горели свечи.

Шелехов снял бобровую шапку, расстегнул теплый кафтан, сел. Испуганная бледная Наталья села рядом.

— Ну, живо сказывай, Константин Алексеевич, что стряслось? — озабоченно спросил Шелехов.

Самойлов, опершись рукой о стол, проговорил:

— Вот слушай, Григорий Иванович, что стряслось. Первым делом—цынга-болезнь появилась, десятка полтора людей от нее слегло. Затревожился народ. Ропот поднялся.

Наталья тихо охнула и закрыла лицо руками. Шелехов сидел молча, наклонив голову. Только игравшие на скулах желваки выдавали его волнение.

Цынга—бич всех северных русских поселений—появилась в крепости несколько дней назад. Недостаток продуктов и в особенности овощей, сырость и холод полярного климата сделали свое дело. Цынга поразила сначала самых слабых. О ней Самойлову доложил подлекарь Бритюков. Он осмотрел больных: распухшие, кровоточащие десны, сине-черные кровоизлияния на теле, отеки. Да и Самойлов подметил недавно на работе в лесу странную походку у нескольких промышленных. Они ходили на носках, с согнутыми коленями. Болезнь каждый день валила по нескольку человек. Шелехов понял, что опасность была серьезной. А Самойлов продолжал докладывать:

— А намедни, Григорий Иванович, вот что еще стряслось. Малахов с людьми воинственных кенайцев повстречал. Наши большой урон понесли: двоих дикие убили, троих в плен забрали, а прочие в бегство обратились, и Малахов с ними. Сей лукавый передовщик по дороге смутил людей страхами и угрозами. Этому, ясное дело, и цынга-болезнь помогла. И промеж себя они сговор сделали — сокрыть все происшедшее, на бурю и крушение сославшись. А людишек в крепости подговорить и принудить тебя домой вертаться и крепость

уничтожить. Мне то верный человек передал — Федька Семибратов.

Шелехов гневно стукнул по столу, хотел что-то сказать, но Самойлов продолжал спокойно:

— Почел я за нужное Малахова под арест взять с двумя промышленными, а остальным всем внушение сделал, что суд и расправу сам немедля учиню.

Шелехов быстро встал и, шагая по комнате, произнес резко:

— Чуждо им понятие, как велики выгоды от компании нашей! Чужда им любовь к отечеству!

Наталья испуганно забилась в угол большого кресла у стола и жалобно проговорила:

— Ну, что же будет теперь, Гришенька? Что делать-то?

Но вдруг, как будто устыдившись своей слабости, она вскочила и, подбежав к мужу, воскликнула:

— Гриша, не спусти им этого! Сделай что-нибудь!..

И, обернувшись к Самойлову, она гневно бросила, как будто он был причиной бунта:

— Никуда мы отсель не тронемся! Слышь, Константин Алексеевич?.. Никуда!

Шелехов отстранил жену и приказал:

— Константин Алексеевич, вели собрать у крыльца промышленных,— я с ними говорить буду.

Через минуту под гудение колокола у флагштока собрались промышленные.

Многие из них не первый год знали Шелехова, не раз пускались на кораблях его в опасные вояжи. Это были смелые, закаленные в трудностях и опасностях звероловы, отчаянные, ничего и никого не боящиеся люди.

Но был среди них народ и другого покроя. Беглые каторжники, тунеядцы и стяжатели, жадные до золота, чуждые отечеству. Бывшие крепостные, не привыкшие к трудностям и лишениям на Северо-Восточном океане.

Шелехов вышел на крыльцо, как был, без шапки, в распахнутом кафтане. Сошлись на переносье тонкие брови, сузились серые глаза. Столько ярости и силы чувствовалось в нем, что притихли даже самые бывалые.

Но Шелехов начал спокойно:

— Подвергаясь бесчисленным трудам и опасностям, имели мы в виду два предмета: отечеству послужить и богатый промысел приобрести. Сии соображения двигали наше предприятие и были ободрением в трудностях. Неужели все порушить хотите из-за цынги-болезни? Есть от нее средство—поборем цынгу! Ручаюсь! А выгоды промысловые придут незамедли-

тельно — коняги торговать с нами согласились. Огромны богатства земель, нами сысканных: и недра, и леса, и воды таят их в себе несчетно!

Промышленные слушали хозяина хмуро. Шелехов, уже горячась, продолжал:

— Сии земли, где первыми россияне побывали, где многие из них головы свои сложили, должны Российской империи принадлежать! Я здесь на карту честь и достояние свое поставил! И потому с позором и нищим я в Россию возвращаться не желаю!

Из толпы раздался неуверенный голос:

— Больно трудно, хозяин, жить-то здесь оказалось!

— Я не звал вас на легкое дело, братцы! Я всем говорил прямо: иду на опасное и славное предприятие, кто со мной? И уж если вызвались, то не хочу о слабости вашей и слышать! Мы не на простой промысел пошли: мы новые земли матушке России открыли! О нас не только дома говорить будут, а нас в Англии и Гишпании узнают! А честь россиян я выше собственной жизни ставлю!

Лица большинства промышленных стали строже. Высокие, гордые мысли будил Шелехов в людях, от них дрожь пробегала по телу.

В задних рядах толпившихся произошло движение, и кто-то злобно крикнул:

— А за упокой души нашей в этих треклятых землях генерал-губернатор иркутский кавалер Якобий свечи ставить будет?

Сразу все зашумели, заспорили, как будто кто масла в огонь подлил. Стоявший рядом с Шелеховым Самойлов сдвинул брови.

Шелехов гневно повернулся на голос, он весь наклонился вперед, как бы готовый ринуться на врагов, мешающих ему.

— Об одном я здесь сказать забыл,—медленно выговорил он: — над подстрекателями и трусами, отечество и совесть забывшими, жестокую расправу сам учиню по особому на то монаршему соизволению!

Он решительно взмахнул кулаком, круто повернулся и ушел в дом.

Страшный крик поднялся с его уходом. Последние слова хозяина у многих отбили охоту бунтовать.

— Эх, мать честная! — крикнул Федька Семибратов. Он сорвал с головы шапку, швырнул ее об землю и вызывающе сверкнул черными глазами.— Была не была! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Остаюсь!.. Будь я проклят!..

Остаюсь!.. И других пущать не буду! А? Кто вертаться хочет? Пожалте к Семибратову! А?

На него налетели. Семибратов с кем-то сцепился, покатился по земле. Шум нарастал. Особенно ярился щуплый подлекарь Бритюков:

— Хозяин много власти возлагает на персону свою! Нас казнить полномочий нет у него! Что же вы молчите, братцы?

Пожилой, высокий зверолов с красной тряпицей на шее, неожиданно спросил его:

— А поведай нам, человече, к какой нации причисляешь себя? Аглицкой или гишпанской империи почитаешься сыном?

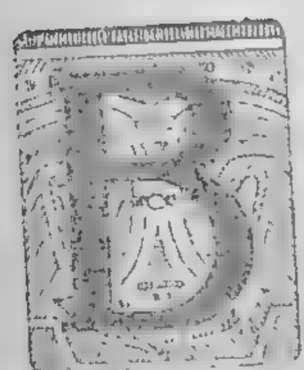
Бритюков вздрогнул, как от удара. Кругом все притихли, даже Федька Семибратов выбрался из затеянной им свалки и, утирая кровь из рассеченной губы, подошел ближе. Подлекарь уже готов был ответить обидчику, но вдруг почувствовал, что ноги его оторвались от земли и могучие руки подняли высоко над толпой.

— А что, любезные,—громовым голосом, покрывшим общий гул, крикнул Лука,—за упокой этой поганой души не поставить ли нам заместо кавалера Якобия на этой российской земле кол осиновый?!

Дружный хохот был ответом на выходку общего любимца. Бритюков, барахтаясь в воздухе, почувствовал, что руки великана отпустили его, и с воплем рухнул на землю. Быстро вскочив, он злобно оглянулся на Луку и, припадая на ушибленную ногу, под насмешки промышленных, поспешил убраться в свой угол при казарме.

Тем и закончился день. Но Лука Олесов приобрел смертельного врага.

ГЛАВА V



КРЕПОСТИ осталось мало людей: Шелехов отправил несколько артелей на промысел, шли последние дни бобровой охоты. Партии промышленных заготовляли в лесу дрова.

Зимой появилась в крепости первая партия аманатов. Илхак привез двадцать пять детей конягов. За палисадом для них были уже выкопаны большие землянки.

Маленькие коняги, черноволосые, в серых птичьих парках ниже колен, босые, столпились у крыльца хозяйского дома. К ним вышел Шелехов. Ласково похлопывая ребят по плечам, он осмотрел внимательно каждого. Дети оживились, начали перебрасываться отрывистыми фразами, озираться по сторонам.

Подошли Лука и Бритюков. Рыжий великан вызвал среди детей смятение. Кто попугливее—отпрянул от него назад и спрятался за спину товарищей. Все с испугом ждали, что будет делать этот огромный человек. Но Лука со смехом начал подбрасывать малышей в воздух, посадил двоих себе на плечи. Ребята осмелели, а еще через минуту уже с веселым гоготом карабкались по Олесову, как по кекуру, и облепили его

со всех сторон. Некоторые, не удержавшись, кубарем скатывались на землю, вскакивали и с визгом опять ввязывались в свалку.

Шелехов смеялся от души. Стоявший рядом Бритюков брезгливо сказал:

— Как можно даже близко к себе таких грязных островитян подпускать? А уж вонь-то от них идет! Как только нос человеческий ее выдерживает? Надо бы, Григорий Иванович, баню им устроить.

Шелехов утвердительно кивнул головой.

На крыльцо выбежала Наталья. Увидев Луку, облепленного ребятишками, их раскрасневшиеся смуглые лица, блестящие глаза, она всплеснула руками, быстро сбежала с лесенки и, схватив одного из малышей, подтащила его к мужу.

— Это аманат, Гриша, да?—воскликнула она.—Да он, небось, ни разу в жизни не мылся! Милый ты мой, тебя до завтра не отмоешь.

Маленький коняг затих у нее в руках. Шелехов погладил его по голове и сказал жене:

— Ну, вот, Натальюшка, прибавилось тебе работы. Надо этих сорванцов в христианский вид привести: баню устроить, рубахи дать чистые и на ноги что-нибудь, а то, ишь, и зимой босые ходят! Как только терпят-то!

Через час в одной из землянок стоял дым коромыслом. Наталья, Лука и Бритюков мыли детей. Визг, стоны и вопли неслись оттуда по всей крепости: коняги сопротивлялись изо всех сил. Один из малышей изловчился, вывернулся из рук Натальи и выскочил из землянки как был, голый, с намыленной головой. С дикими воплями—белая мыльная пена хлопьями залепила ему глаза—он слепо метался по крепости, увязая в снежных сугробах, пока Лука не сгреб его и не унес обратно.

Мытье продолжалось до вечера. Наталья, совершенно обессиленная, вернулась домой и упала на постель. Но, когда в комнату вошел Шелехов, привстала.

— Ну, Гриша, и намаялась я! Ты слышал, как дикие-то орали? Ты глянь,—все руки мне перекусали! Не желают мыться, что хочешь делай! Ну, прямо беда! И что с этими озорниками дальше делать?..

Шелехов, присев на край постели, улыбаясь, слушал жену, но при последних ее словах стал серьезным.

— Учить будем их, Натальюшка. Русской грамоте и счету учить. Без отменных толмачей никакого постоянного заселения не будет. Мало того, если суждено россиянам этот дикий край обживать, то народы местные должны наш образ

жизни, наш порядок перенимать. Школа — только начало: Я обширный план построил. Как в Россию обратно отправимся, я с собой десятка два их прихвачу, часть, по показании им отечества нашего, тут же обратно с подарками пришлю, а часть—в Иркутске и Охотске грамоте и порядкам нашим обучатся и тоже обратно вернутся. И через то народ здешний довольно о нас узнает и пожелает наши порядки у себя учредить. И так каждый год, Натальюшка, партия ребят и девок на обучение в Россию уезжать будет.

Шелехов еще долго с увлечением развивал перед женой свои планы.

Много новых забот появилось у Натальи. Она попрежнему следила, как варят обед промышленным, как прибрано в казармах, строго выполняя приказ Шелехова: «Гнилых кормов в пищу не употреблять, в казармах чистоту наблюдать и всегда свежий воздух переменять».

Постоянного внимания требовали животные. Каждый день надо было проверить, убрано ли в хлеву, задан ли корм козам и свиньям.

Но все эти обязанности отошли на задний план с приездом детей. У них Наталья проводила каждую свободную минуту.

Маленькие коняги уже приучились, что с утра, после еды, к ним приходил бородатый промышленный и заставлял учить буквы русской азбуки. Рассевшись на полу в юрте, они хором повторяли за ним букву за буквой, а он рисовал ее углем на свежеобструганной доске. Потом стали из выученных букв складывать слоги, а потом и слова. Учитель называл и показывал им каждый раз несколько новых предметов. Мало-помалу ребята научились называть окружающие их вещи. Часто во время занятий к детям приходил Шелехов и начинал каждого спрашивать. Малыши страшно волновались и с первого же опроса научились друг другу подсказывать.

Но самое интересное начиналось тогда, когда Шелехов принимался им через толмача рассказывать о необъятных просторах России, о невиданных ее городах, о силе, славе и неисчислимости русского народа. Маленькие коняги, раскрыв рот от изумленья и прерывисто дыша, не спускали глаз с Шелехова. Они понемногу подползали к нему ближе и ближе, пока плотным кольцом не окружали его со всех сторон. Он брал кого-нибудь из детей к себе на колени и, гладя его по голове, продолжал рассказывать, а притихший мальчонка молча следил глазами за ласкавшей его рукой.

По вечерам, за ужином, Шелехов говорил жене:

— Нет право, Натальюшка, смышленый народ эти коня-

ги. Ведь ребятишки все понимать горазды. Только до чего же темны! Ну, прямо, потеха... Сегодня послал Илхака принести три фунта черносливу сушеного из нашей артели, верст за пять. По дороге он половину слив съел, а я по записке то узнал и ему сказал, а он говорит: «Это, дескать, подлинно, что сия бумажка востро на меня глядела, когда я их ел, но впредь я знаю, как от того избавиться». Я решил испытать его простодушие и послал с тем же еще раз. Приходит,— опять, по записке судя, половину съел. И на сей раз признался и говорит: «Ведь я, евши те плоды, бумажку в землю зарыл. Стало быть, и сквозь землю она видит?».

Шелехов захохотал, а Наталья, утирая выступившие от смеха слезы, сказала:

— А знаешь, Гришенька, приглянулся мне илхаков сынок. Пригожий такой и вроде на других не очень похож. Почему так?

— Илхак одну жену-то у кенайцев увез, вот мальчонка на индейца и смахивает,—объяснил Шелехов.

— И до чего шустрый он, все с ходу соображает, скорее других... Я ему сегодня кусок сахару дала, да рубашку постирала. Уж он ко мне ласкался...

Наталья задумчиво поглядела на огонь в камине, и в глазах ее заблестели слезы. Шелехов понял, как неудержимо тянулось ее сердце к любому существу, требующему ласки и нежности, понял, как ей тоскливо на этой дикой земле. Он тихо подошел к жене, обнял ее за плечи.

— Натальюшка, радость моя, потерпи еще с годок, не тоскуй... Большое дело начали, никак нельзя раньше времени бросить... Потерпи...

Наталья спрятала лицо у него на груди и притихла.

На следующее утро, опять веселая, деловитая, она суетилась по хозяйству.

Вскоре Шелехов решил отправить Луку на разведку новых бобровых лежбищ.

За день до того Бритюков, повстречав у палисада в лесу Малахова, сказал ему:

— Чаю, кум, время мне на Щуях-остров отправляться, поскольку задумали мы с тобой дельце одно обделать. Самойлов баял, что хозяин намерение имеет послать туда спервоначалу рыжего Луку на разведку. А потом, небось, с ним пошлет и артель на промысел. В самый раз, предполагаю, и мне туда отправиться. А?

Малахов, недавно только вышедший из-под ареста, был зол, как чорт, и желчно проворчал:

— Давно пора, кум, дело делать, а не лясы точить. Видать, Лука Спиридоныч шибко тебя обидел?

Бритюков сжал кулаки и прошипел в ответ:

— Будь спокоен, я еще таких обид никому не спускал...

С Лукой просилась поехать и Наталья. Шелехова и уговаривать не пришлось: он сам хотел, чтобы жена развлеклась. А с Лукой он отпустил бы ее куда угодно.

Олесов, искренне привязанный к Шелехову, был для нее лучшим защитником и другом. Чем-то неуловимым напоминала ему Наталья Алексеевна погибшую лет тридцать назад молодую его жену, и теплое чувство к хозяйке волной поднималось в душе Луки, а на ее ласку и внимательность старик отвечал безграничной преданностью.

Перед отплытием к Григорию Ивановичу подошел Бритюков. Заискивающе глядя в глаза хозяину и оглядываясь на стоявшего рядом Луку, он сказал:

— Слышал я намедни, хозяин, как баяли дикие с Щуяха, что тойон их сильной болезни подвергнут. Надо бы мне наведаться и о здравии его попечься. Чаю, то россиянам в сих землях на пользу пойдет. Ежели будет твое согласие, то я мог бы с Лукой Спиридонычем и отправиться. Покуда они бобров промышлять будут, я тойона того хворого навещу.

Взглянув искательно на хмурившегося Луку, Бритюков добавил:

— Мы хоть с Лукой Спиридонычем шибко однажды повздорили, да можем и на мировую пойти, раз в том польза общая обнаруживается.

Шелехов неприязненным взглядом смерил тщедушную фигурку подлекаря и, помолчав, промолвил:

— В речи твоей резон вижу. Быть по сему. Езжай!..

...Море было неприветливое, свинцово-черное. Пронзительный ветер обжигал лица, пенные барашки чертили темную поверхность воды, на горизонте тяжелые синеватые тучи сливались с морем. Небо под тяжестью угрюмых облаков, казалось, легло на воду, и простор кругом казался мрачным и давящим.

То там, то здесь на темной волнующейся поверхности воды показывались белоснежные льдины, они кружились и сталкивались на волнах, то пропадая в провалах между ними, то синеватой полоской взлетая на гребнях.

Олесов вел байдары к острову Щуяху.

Грести было трудно, байдары ныряли, то и дело натыкались на льдины. Люди устали, пот заливал глаза, замерзал под пронзительным ветром на лбу и щеках. Промышленные гребли из последних сил, тупо глядя в дно байдары.

Наталья, сидевшая у руля рядом с Олесовым, вдруг встрепенулась и, показывая на что-то рукой, крикнула:

— Гляди, Лука, что это плывет там на льдине?

Все оглянулись. На одной из льдин, свернувшись по-собачьи, лежал блестящий, бархатисто-черный зверь и, видно, спал. Это был морской бобр.

Разом оживились усталые лица. Байдары свежо, порывисто рванулись к замеченной льдине. Когда подплылил поближе, стала видна усатая морда зверя, приплюснутый клиновидный хвост, задние лапы-плавники. А рядом—у его живота—маленький сосунок, «медведка».

Бобр проснулся вскочил на ноги, кожа на нем заколыхалась. Животное изогнуло по-кошачьи спину горбом, зафыркало и неожиданно, схватив зубами сосунка и далеко швырнув его в море, быстро соскользнуло с льдины вслед за ним.

Байдары устремились за бобром. Один из промышленных приготовился кидать гарпун. Вот невдалеке показалась голова зверя. Он увидел лодку и, испуганно фыркнув, ушел под воду. Волнение мешало следить за поверхностью. Байдары кружили, выискивали зверя, как вдруг под самым веслом всплыл маленький черный комок: сосунок задохнулся, и мать бросила его.

Кружили больше часа. Бобр несколько раз всплывал на поверхность, но волнение не давало целиться в него. Пронзительными криками звероловы нарочно загоняли зверя опять под воду. Видно было, что он уже устал. Но неожиданно, в последний раз, он вынырнул далеко от байдары, опять ушел под воду и вынырнул еще дальше: умное животное уходило от погони.

Больше гнаться за ним не было сил. Олесов повернул байдары на старый курс.

Через несколько часов пристали к Щуяху. Уже темнело, и люди падали от усталости. Наскоро поев, начали укладываться спать под перевернутые байдары, расчистив под ними снег.

Еще не рассвело, когда Бритюков ушел в селение туземцев, а двое промышленных сходили на разведку и, вскоре вернувшись, сообщили, что бобры недалеко.

Лука оставил охрану у байдар и повел людей к месту охоты. В мутной мгле наступившего утра среди обломков скал обнаружили двух спящих бобров. Осторожно, на четвереньках, держа в руках длинные березовые палки, промышленные подобрались с подветренной стороны к зверям, отрезав им путь к воде. По сигналу все разом вскочили. Бобры проснулись и вприпрыжку побежали в глубь острова. Движения их

были ловки и быстры. Охотники бросились за ними. Наталья скоро отстала.

Лука первый догнал бобра и на бегу ударил его палкой по спине. Животное продолжало бежать. Тогда Лука изловчился и ударил бобра по хвосту; это решило дело. Зверь немедленно повернулся к своему преследователю и подставил ему лоб. Удар по голове замертво свалил его на землю.

Второго бобра загнали в узкое место среди скал. Он обернулся, люди загораживали единственный выход из каменного тупика. Неожиданно бобр лег на снег и, ласкаясь, смиренно пополз, как виноватая собака, к ногам промышленных, стараясь прокрасться мимо них к морю. Его шершавый язык коснулся мехового сапога подбежавшей Натальи.

Один из промышленных уже собрался прикончить палкой зверя, но Наталья, в воздухе перехватив его руку, крикнула:

— Не надо! Пусть себе ползет!—и добавила:—Ведь жалко же... Такой ласковый...

Зверолов ворча опустил руку. А зверь как будто понял, что его пощадили, весело вскочил и побежал к воде. Кто-то из промышленных не выдержал и кинулся за ним вдогонку. Но животное благополучно добралось до моря и бросилось в спасительную пучину.

И тут началась потеха: отплыв немного от берега, бобр начал насмехаться над своими преследователями; он то приставлял лапу ко лбу, как бы защищая глаза от солнца и рассматривая людей на берегу; то ложился на спину и гладил передними лапами живот; то вставал в воде на дыбы, как человек, и прыгал в волнах. Все это он проделывал совсем недалеко от берега, на глазах у звероловов, как бы чувствуя полную свою безопасность.

Наталья от души хохотала, следя за смешными движениями бобра. Но промышленным это не понравилось. Ворча, пошли они прочь, а Лука даже пригрозил бобру огромным кулачищем, и животное, словно устрашившись великана, исчезло под водой.

Содрав шкуру с убитого бобра, все отправились вдоль берега к стоянке. Люди изрядно проголодались. Раскрасневшаяся Наталья шла впереди, рядом с Лукой.

— А что,—спрашивала она,—бобры тоже, небось, такими скопищами лежат, как коты? Видать, умная тварь! Верно, Лука? Убивать жалко; ведь все будто понимает? А мех до чего же хорош! Получше котового, правда?

— Погодь, погодь, засыпала!—шутливо ворчал Лука.— Тебе отвечать только успевай... Так вот, лежбища бобровые попадаются, хоть и в одиночку они часто бродят. Но уповаю

здесь лежбище найти. Ну, а знатную шкуру носят только бобры умные да проворные. Глупые да сонливые сами в руки даются, никогда не бегут, да хороший охотник ими побрезгует: шкура их никуда не годится. А старые и злые бобры—большущего ума звери...

Лука помедлил и добавил:

— Ты, Наталья Алексеевна, пока у байдар бы отдохнула. С нами не ходи: мы с тобой много не напромышляем. Жалостливая ты больно.

Лука виновато посмотрел на Наталью. Но она охотно согласилась.

Когда пришли на стоянку, поели и промышленные снова ушли, Наталья взобралась на байдару и задумалась. Ей стало грустно и жалко себя: вот сидит она одна, на диком острове; где-то далеко—русская крепость и муж, а еще дальше, за много тысяч верст, за морями и землями,—Катя и Сонюшка, ее дочки. Увидит ли она их? Потом перед глазами всплыло лицо мужа: как он похудел, сколько новых морщинок появилось у глаз! Наталье стало совсем грустно, и она посмотрела на море, как бы ища у него утешенья.

Серые, злые волны зубастыми гребнями белой пены с шумом набегали на пустынный берег. Бесконечные гряды их все бежали и бежали с горизонта, и чем ближе, тем, казалось, злее становились они, а у самого берега словно вырастали, выгибались в ярости, как перед последним прыжком, и с ревом, сплошной стеной катились на камни.

Наталье стало страшно. Безжалостным, неутомимым и упорным казалось ей море.

Взгляд ее упал на шкуру убитого утром бобра, с которой возился один из оставшихся звероловов. Черная бархатистая шерсть была до того хороша, что Наталья залюбовалась. Она вспомнила, как привезли недавно из одной артели груды котовых шкур, перед глазами встало их переливчатое сверкание. Несметное богатство! Да, ради такого богатства стоило на несколько лет покинуть родные берега, стоило помаяться. Зато с какой добычей они приедут домой, сколько славы выпадет на их долю! Они с Гришей поедут в Санкт-Петербург, увидят двор, а может быть—саму императрицу.

Наталья радостно улыбалась своим мыслям. Она опять посмотрела на море. Злые волны шумели и волновались, но бессильно лизали морской берег, и только робкие струйки достигали места, где сидела Наталья. Вода поспешно убегала обратно, как бы устрашась своей дерзости и спеша предупредить другие волны, что напрасен их бурный набег.

Бодрость и вера переполнили сердце Натальи.

В это время Бритюков сидел в юрте щуяхского тойона. Тот, объевшись жиром недавно убитого молодого кита, несколько дней страдал животом. Подлекарь живо принял простые и действенные меры, и через полчаса тойон почувствовал себя воскресшим. Обессиленный, в испарине от перенесенных процедур, он блаженно развалился на нерпичьих шкурах.

Бритюков подступил к нему с разговором, благо уже научился кое-как объясняться по-туземному.

— Поведай, тойон, не таясь: неужто охота тебе во всем русского начальника слушать? Ведь иным часом дюже выгодно и с другими мореходами в торг вступать. Нешто не так?

Худенькое, востроносое личико тойона под копной рассыпанных по плечам черных, смазанных жиром волос отразило живейшее волнение. Он зябко передернул плечами под меховой паркой и сказал уклончиво:

— Тойон всегда повиновался голосу духа и разуму своему. Но русский начальник сильнее, и потому тойон должен повиноваться ему...

Он замолчал, тупо уставившись в землю. Бритюков, насторожённо ловивший каждое его слово, снова начал:

— Мне ведомы замыслы русского начальника. Они зело коварны. Навечно мыслит он подчинить тебя своей власти.— И добавил безразличным тоном, как бы про себя:—А сил-то у него не так чтобы очень много.

Тойон беспокойно заворочался и, устремив испытующий взгляд на Бритюкова, некоторое время молчал, потом сказал равнодушно:

— Добрый дух нашептал мне, что надо слушаться белого начальника: больше никто не даст советов, как поступить бедному тойону, а белый начальник обещает много выгоды.

Бритюков понял, куда клонит тойон, и быстро ответил:

— Ты можешь иметь еще больше выгоды. Я тебя научу как поступить. Хочешь? Твердо говори.

Тойон вскочил, быстро прошелся по юрте, что-то бормоча себе под нос. Потом устало опустился на шкуры и сказал:

— Духи нашептали мне, что надо слушаться белых начальников. Ты тоже белый, и поэтому я должен выслушать тебя. Говори.

Бритюков в волнении откинул капюшон парки, потер бугристый, в рыжем пуху, череп. Затем нагнулся к лежащему тойону и тихо проговорил:

— Так слушай и сам реши, что тебе выгодней. Вскорости придет к тебе на остров артель промышленных. А главным у них будет не иначе, как одно рыжее страшилище. Это—глав-

ный враг ваш. Он советует белому начальнику ограбить вас, в полон взять и в рабство обратить. Люто он ненавидит вас, а особливо тебя, тойон... Плохо вам придется, когда появится у тебя на острове та артель.

Глаза тойона налились кровью, он весь дрожал и жадно слушал. На лице его появилось выражение животного страха и ненависти. Бритюков подметил это и с убеждением продолжал:

— Но раньше придет к тебе в гости, чаю я, другой мореход, друг кенайского вождя Чиикуна и твой друг, англичанин Ханн. С почетом его прими: он твоих воинов отменно вооружит. Вот и подумай, тойон, с кем войну вести надобно. Но поимей в виду, врага с острова ни в коем разе целым упускать нельзя. Могущество твое и жизнь от этого зависеть будут. Ну, как решишь, тойон?

Тойон внимательно слушал, злые огоньки вспыхивали и гасли в его глазах, на впалых щеках играли желваки. Он испытующе поглядел на Бритюкова и кивнул головой. Тот придвинулся к нему еще ближе и начал что-то горячо шептать ему на ухо.

Оба расстались довольные друг другом. Бритюков вернулся к месту стоянки. Скоро подошел и Лука с промышленными. Они тащили десятка два бобровых шкур, а главное—обнаружили несметные бобровые лежбища. Остров оказался золотым дном.

ГЛАВА VI

ОРОТЬСЯ с цынгой было трудно: болезнь липкая, въедливая, упорная. Но Шелехов понимал, что кто-нибудь должен победить: или цынга людей, и тогда только бы дотянуть до лета и спешно уехать в Россию, пока обессилевшие люди смогут еще держать в руках шкот[1], либо победят люди, и первое русское поселение в Америке утвердится навсегда.

Знал также Григорий Иванович, что помощи ждать ему неоткуда. Ни одно промысловое судно с Алеутских островов не придет к нему на подмогу в неведомые американские воды. Полагаться надо было только на свои силы.

Первым делом Шелехов принял давно известные меры: заставил промышленных двигаться днем и ночью: работать в лесу, убирать крепость, промышлять зверя и просто играть и бороться друг с другом в свободное время. Беспрерывным движением исстари боролись с цынгой промышленные.

Как-то вечером позвал Шелехов к себе недавно приехавшего с Щуяха Бритюкова и спросил:

[1] Шкот—снасть для натягивания нижнего угла паруса, для управления парусом.

— Ну, подлекарь, покажи, какое есть у тебя образование. Победи цынгу-болезнь... Какие ты к тому средства знаешь?

Бритюков пожал плечами и назидательно проговорил:

— Дело в том, Григорий Иванович, что медицина тела человеческого утверждает: надо для излечения сей болезни условия жительства изменить. Ежели спасти людишек своих думаете, то и следовать должно указанию сей науки.

Шелехов проговорил с горечью:

— Дали мне тебя, подлекарь, в Охотском порту, видно не подумавши: мне не кукла медицинская али лишний рот здесь надобен, а человек с душой, правая рука моя... Что ж до твоего совета, то крепко запомни: я отсель не уйду! Понятно? Слишком дело мое тут прибыльное и славное... Иди себе

Когда Бритюков ушел, Шелехов долго ходил из угла в угол, задумчиво потирая подбородок. Потом поднялся по лесенке наверх к старику Измайлову.

Штурман жил одиноко, замкнуто. Он успел побывать на своем галиоте на всех соседних с Кадьяком островах, а между плаваниями, не вылезая, сидел в своей комнате. Там он беспрерывно курил короткую трубку, и, когда открывал дверь, ядовитые клубы дыма тянулись в соседнюю горницу.

Шелехов застал Измайлова на постели. Старик с неизменной трубкой в зубах растянулся во весь рост и дремал. Когда вошел хозяин, он привстал, пригладил седые вихры и расправил большим корявым пальцем белые, с коричневыми табачными подпалинами усы. Водянистые глаза его уставились на хозяина. Шелехов пододвинул табурет, сел и на минуту задумался.

— А скажи-ка мне, Герасим Григорьевич,—медленно начал он,—не ошибусь ли я в той истории, кою тебе сейчас изложу... Ты, кажись, об этом знать должен... Ты ведь помнишь Андриана Толстых?

Измайлов молча кивнул головой. Шелехов продолжал раздумчиво:

— Лет сорок али пятьдесят тому назад был сей знаменитый Толстых на Алеутских островах и тяжелую там зимовку перенес. Людишки его погибали от голода и цынги-болезни, половина их уже померла. Не чаял Толстых лета дождаться. И вот раз приходит к нему старик-промышленный, приносит ему травку с белым цветком и велит ту травку отварить и промышленным дать того отвару выпить. И все, как один, люди поправились. И с тех пор, сказывают, травка та цынготной называется. Вот, Герасим Григорьевич, какую сказку о Толстых я вспомнил. Теперь скажи: правда это была аль басня?

Измайлов медленно покачал головой, несколько раз глубоко затянулся, не спеша выпустил тонкой струйкой дым и сказал с сомнением:

— Бог его ведает, Григорий Иванович, сказка то, али взаправду так было... Люди сказывают, что так... Помнится мне,—продолжал Измайлов задумчиво,—что говорил мне о сем происшествии дед мой, большой Андриана приятель, и даже, кажись, тот цветок показывал...

Шелехов оживился, глаза радостно заискрились, он порывисто встал, подошел вплотную к Измайлову и нетерпеливо спросил:

— А что, Герасим Григорьевич, узнаешь ты тот цветок, ежели я тебе его покажу?

Старик с изумлением уставился на хозяина:

— Да где же ты его возьмешь?

— У Илхака дознался. Есть какая-то трава сушеная у коням гов. Будто от цынги помогает. Не та ли?

Через несколько дней под присмотром Шелехова и Измайлова в хозяйской комнате в особом котле варилась темная жидкость. Когда Григорий Иванович ее попробовал, лицо его перекосилось, судорога свела челюсти: жидкость была неимоверно горька. По совету Самойлова туда подложили сушеной малины и сахару. В таком виде стакан жидкости можно было выпить свободно. Повеселевший Шелехов сказал Самойлову:

— Ну, вот, Константин Алексеевич, завтра к вечеру и раздашь это снадобье промышленным. А чтобы охотнее пили его, вдобавок по чарке рома каждому поднеси. А как пользу людишки почувствуют, так уж сами просить будут, только варить успевай.

На следующий день все промышленные были обрадованы счастливой новостью: вечером будут раздавать ром. Правда, при этом будут давать пить какое-то горькое зелье, но это пустяки,—ради такого дела можно и камни глотать.

Вечером, как только к хозяйскому крыльцу выкатили бочку и принесли котелок с лекарством, длинный хвост людей растянулся за ворота крепости. Самые нетерпеливые дежурили у крыльца с обеда, всячески отлынивая от работы. Больных Наталья поила отдельно в казарме.

Когда пришел Самойлов, у бочки уже вспыхнула первая ссора. Федька Семибратов отвоевывал себе первую очередь. Черная борода его топорщилась, глаза воинственно горели, и он грудью лез на людей. Но событие было столь важным, что свалки не получилось,—Семибратова пропустили вперед.

Когда очередь дошла до Луки, он благоговейно принял из

рук Самойлова кружку рома и слил его в баклажку—решил посмаковать напиток наедине. Затем залпом выпил зелье и отошел.

Было уже совсем темно, когда Лука выбрался из крепости. Полная луна заливала мягким серебристым светом берег. Искрились снежные кроны высоких сосен, светился снег под ногами. Лука уселся в лунной тени кекура и вытащил баклажку. Кругом было тихо, крепость спала, только равномерные глухие удары прибоя у морского берега нарушали тишину; в их шуме не было слышно прибойной волны в заливе.

Бывали дни, когда на Луку нападала хандра, он стремился уединиться, выпить стопку, другую. Перед глазами вставали стертые временем картины прошлого.

Многое приходило старику на память в эти редкие часы одиночества. Острота всех этих событий давно прошла. Окутанные дымкой далеких лет, они вызывали лишь тихую грусть.

Лука поглядел на баклажку, вздохнул и решил, что выпьет половину, остальное прибережет. Он расправил рыжие усы, упрятал бороду под капюшон парки, откинул назад голову и сделал несколько глотков. Тихо крякнув и обсосав губы, он нерешительно поднес баклажку к носу, потянул и решил уж было опрокинуть в рот все, что осталось, как вдруг больше почуял, чем увидел, человеческую тень.

Человек пробирался вдоль берега залива к морю.

Лука встревожился. Фляга с недопитым ромом была упрятана в широченный карман. Олесов вскочил и незаметно последовал за неизвестным. Он старался не дышать, ноги сами выбирали дорогу, осторожно переступая через сучья, ветки и камни. Впереди Лука слышал тяжелое дыхание и торопливые шаги. Человек вдруг круто свернул от берега залива и, пройдя немного лесом, вышел к морю.

В грохоте прибоя Лука почувствовал себя спокойнее. Луна заливала покрытый снегом берег, у воды черными пятнами выделялись прибрежные камни. Темными серыми громадами возвышались кекуры.

Человек шел вдоль берега в тени деревьев. Лука следовал за ним. Неожиданно неизвестный остановился. Раздался крик сойки. Ему ответил такой же крик, и между скалами показался второй человек. Они сошлись и стали тихо беседовать.

Лука разглядел байдару у берега. Но узнать человека из крепости он никак не мог.

На берегу тем временем происходил важный разговор. Передовщик Малахов,—это был он,—быстро говорил стоявшему перед ним кенайцу:

— Пошто Чникун медлит? Чего поджидает? В крепости

дюже тяжело жить стало: цынга-болезнь валит людей, провианту скоро нехватит. Время вспомнить Чинкуну мой совет. Так и передай: что пора начинать. Понял?

Туземец кивнул головой и собрался прыгнуть в байдару, но Малахов удержал его:

— Погоди! Еще Чинкуну передашь, чтоб не сплошал: хозяин сам, чаю, к нему попадет! А то худо Чинкуну придется! Ну, теперь ступай!

Тяжело давались Луке размышления: как поступить? Броситься сейчас на этих людишек, схватить да хрякнуть об скалы... И сейчас же перед глазами встало строгое, похудевшее лицо Шелехова: не поблагодарит он за такое дело... Может, в плен взять обоих? А чтоб не разбежались, придушить маленько? Не годится! Долго ли и совсем задушить? А и то подумать, упустишь,—разбегутся, не угонишься... И вдруг пришла простая мысль: проводить человека обратно в крепость, узнать, кто он есть, а через него спытать и о товарище.

Пока Лука раздумывал, люди кончили разговор. Один столкнул байдару в воду, другой пошел обратно в крепость. Лука следовал за ним. Видя, что тот не выходит к заливу, он решил, что человек хочет войти в крепость со стороны леса. Луку разбирало любопытство: как войдет человек без шума, или свой его у ворот поджидает?

Вот и палисад.

Но что за оказия? Лука протер глаза: человек исчез. И сколько ни вглядывался, ни прислушивался он,—ничего! Мертвая тишина кругом.

Лука был вне себя. Упустить добычу из-под носа! Какой позор для охотника! Он продолжал кружить по лесу и вдоль палисада, пока его не остановил наружный патруль. Пришлось вернуться в крепость. Но признаться Шелехову в своей оплошности Лука не решился и пошел к Самойлову.

Однако дело на том и кончилось: как ни бился Самойлов, по секрету допрашивал дежуривших в ту ночь часовых и патрульных, кто был ночью на берегу, узнать не удалось.

Лука трепетал, ожидая наказания, но о нем, казалось, забыли. Все шло своим чередом, только Шелехов стал реже улыбаться, был все время настороже, часто среди ночи проверял посты, устраивал тревоги, не отпускал за ограду Наталью: в крепости был враг.

Вьюжная снежная зима кончилась.

Среди зеленых сосен и елей стала проступать черная путаница голых ветвей. Деревья и кустарники потеряли свой нарядный снежный покров. В воздухе запахло прелью, свежей сыростью и наступающим теплом.

Журчащей паутиной ручейков покрылся берег, снег плотными корками покрывал лишь корни гигантских сосен на опушке леса. На берегу он превратился в темное месиво, а на пригорках ветер уже играл сухой прошлогодней травой. Прошли первые грозовые ливни, умытое яркое солнце стало чаще пригревать землю, по утрам над заливом стлался густой туман.

Да и море потеряло свою свинцовую суровость. Светлозеленые прозрачные волны прибоя уже не страшили своей неукротимой яростью, они казались легче и мягче. У берега вода отражала блики солнца.

Вся природа тянулась к теплу, радовалась ему, звала его. Победно шла весна.

Тихим теплым вечером Бритюков, наконец, улучил время увидеться с Малаховым наедине. Ему не терпелось похвастаться своими успехами на Щуяхе, но когда подлекарь вернулся с острова, Малахов был с одной из артелей в другой части Кадьяка. Увидеться им надо было обязательно тайно, разговор предстоял важный. Но прошло дня три после прихода Малахова в крепость, пока они, наконец, выбрали время для разговора. Встретились в узком проходе между стеной казармы и хлевом. С одной стороны была видна площадка перед домом Шелехова, с другой—крепостная стена.

Приятели сошлись как бы невзначай, и разговор сначала завязался самый безобидный. Только когда рядом никого не оказалось, Малахов нагнулся к Бритюкову и спросил быстро:

— Ну, как, кум, на Щуяхе? Обделал дельце? Да живей рассказывай, а то еще помешает кто!

Бритюков помедлил, желая разжечь нетерпение передовщика, улыбнулся и, привстав на носки, хрипло выдохнул в ухо приятелю:

— Да, уж, будь спокоен... Знаешь, небось, меня...

Тот толкнул подлекаря под ребро кулаком и прошипел:

— Да рассказывай ты быстрей, клистирная твоя душа!

Бритюков уже повернулся к Малахову, собираясь начать рассказ, как вдруг через плечо приятеля заметил, что на крыльцо хозяйского дома вышел Шелехов, зорко оглядел всю площадь и, несмотря на сумерки, видно, заметил обоих говоривших. Он быстор сбежал по лесенке и направился к ним. Бритюков едва успел отпрянуть от передовщика, предупреждающе толкнув его локтем.

Шелехов подошел, оглядел внимательно обоих и сказал Бритюкову:

— Тебя я и искал, подлекарь. Неотложное дело к тебе есть. Немедля сходи к Самойлову, получи у него бутыли две-три лечебного снадобья и, не мешкая, в артели наши от-

правляйся: напоить там поскорее людей надобно. А к тебе, Арсентий Кузьмич, тоже разговор важный есть. Пойдем-ка ко мне.

Малахов с сожалением поглядел на подлекаря и только успел ему сказать:

— Ну, вернешься, тогда и доскажешь...

Бритюков ушел к Самойлову.

У себя Шелехов усадил передовщика в кресло и начал с ним советоваться, как организовать промысел на Щуяхе, каких людей туда послать, закладывать ли там крепостцу, и кто из промышленных тогда на других промыслах останется. Говорили долго. И как ни порывался Малахов уйти, Шелехов его не отпускал. Наконец, далеко за полночь, когда все было обговорено, Григорий Иванович встал и потянулся.

— Ну, вот, Арсентий Кузьмич, все с тобой и обмозговали. Теперь бери людишек и на Щуях-остров завтра в обед отправляйся.

Передовщик от неожиданности даже изменился в лице. Упавшим голосом он возразил:

— Да как же, хозяин? Ведь я хворый совсем. Намедни с промысла вернулся,—лихорадка так и била, голова жаром горела, руки-ноги тряслись... Ведь ты же Луку Спиридоныча собирался послать?

Шелехов нахмурился:

— Зря, Арсентий Кузьмич, говоришь. Вчера, сказывают, всю ночь в кости играл—здоров был. А как на промысел ехать,—хворый? Чтоб не слышал я таких слов! Понял?

Малахов пытался возражать:

— Ведь Лука Спиридоныч уж был на том острове и лежбища бобровые открыл,—ему и карты в руки...

Григорий Иванович нетерпеливо передернул плечами:

— Брось, говорю! Заладил: Лука Спиридоныч да Лука Спиридоныч... Олесов мне здесь во как нужен,—и Шелехов провел ладонью по горлу.

Малахов попробовал что-то еще сказать, но Шелехов грозно оборвал его и велел собираться.

Передовщик, наконец, ушел от хозяина и стал разыскивать Бритюкова, но ему сказали, что подлекарь часа три назад уехал из крепости.

На следующий день рано утром в залитый солнцем залив вошла туземная байдара. Первым ее увидел Малахов, готовивший на берегу лодки к плаванию на остров Щуях. Он долго вглядывался в подплывавших людей, потом радостно всплеснул руками и со всех ног бросился разыскивать Шелехова. Нашел он его в крепости. Григорий Иванович, сидя на крыль-

це, рисовал что-то палкой на земле. Его окружали ребятишки кенягт.

Малахов растолкал детей и весь потный от волнения, с шапкой в руках подбежал к Шелехову.

— Хозяин! Хозяин!—кричал он.— В заливе—кенайцы!.. Кенайцы!..

Он увидел встревоженное лицо Шелехова.

— С миром они пришли, Григорий Иванович. Вот, помяни мое слово, с миром!.. Да их всего-то три человека...

Шелехов понял, и радостная улыбка озарила его лицо. Он быстро встал и сказал Малахову:

— Встреть гостей, Арсентий Кузьмич, и с почетом ко мне приведи. А потом живо на Щуях-остров отправляйся.

Малахов на этот раз не заставил повторять приказание дважды и стремглав бросился к берегу. Там уже столпились промышленные и с любопытством следили за приближающейся байдарой.

Через несколько минут перед Шелеховым стояли три высоких, стройных кенайца. Их тонкие, надменные лица были размалеваны краской. Татуировка покрывала, в отличие от конягов, лишь подбородок. Волосы были убраны птичьими перьями и посыпаны орлиным пухом. Вместо парок на них были накинуты шерстяные одеяла, завязанные на шее наподобие плаща. Они опирались на длинные копья с медными наконечниками.

Один из индейцев выступил вперед, кивнул головой в знак приветствия и сказал, обращаясь к Шелехову:

— Мудрый вождь кенайцев Чиикун хочет предложить белому начальнику мир, дружбу и торговлю. Для этого белый начальник должен приехать к Чиикуну и выкурить с ним трубку дружбы. Чиикун стар, и поэтому он послал к тебе меня, Самбуна, своего племянника. Мудрый вождь будет ждать тебя.

Шелехов и сам уже довольно хорошо понимал речь кенайцев, но на всякий случай попросил бывшего в ту пору в крепости Илхака перевести слова индейца. Затем важно ответил:

— Белый начальник рад,—мудрый Чиикун понял, что с нами выгодно жить в мире. Я принимаю предложение вашего вождя, пусть он ждет меня.

Индеец внимательно выслушал слова Шелехова и так же сдержанно и надменно заметил:

— Самбун совершил длинное и утомительное путешествие, чтобы сообщить тебе радостную весть. Самбун надеется, что белый начальник помнит об этом...

Холодный, гордый взгляд индейца остановился на ружье одного из промышленных,—кенаец недвусмысленно выклян

чивал подарок. Шелехов усмехнулся и велел дать индейцам цветной материи, украшения, ножи, но ружья дарить запретил.

Индейцы спешили уехать и оставались в крепости недолго.

В тот вечер, перед сном, Шелехов, надевая меховую парку, чтобы сходить проверить караул, сказал Наталье:

— Зело хорошо, Натальюшка, с Чинкуном-вождем получилось. Теперь незамедлительно торговлю завяжем с кенайцами. А наши артели, не страшась, можно будет где хочешь размещать! Ведь страшно сказать, какой убыток мы несли до сих пор: почитай на десяти самых богатых лежбищах промышлять опасались! А теперь и Лука на Щуяхе богатейшие лежбища нашел. Все одно к одному, богатство к богатству.

Шелехов потер от удовольствия руки и усмехнулся:

— Я на тот остров сегодня Малахова послал. Уж и упирался он! Ни за что ехать не соглашался. Луку ему туда пошли!.. Ишь... Все ж сегодня, как кенайцы уехали, отправился...

— А почему и не Луку, Гришенька? Ведь он там уж был раз, все знает?—спросила Наталья.

Шелехов стал серьезным:

— Мне сейчас верные и надежные люди шибко в крепости нужны... Ну, и хватит об этом. Давай, уж я тебе о кенайцах расскажу...

Шелехов ничего не говорил жене о ночном происшествии на берегу и о своих опасениях, но был все время настороже. В такое тревожное время Лука, конечно, должен быть рядом.

Наталья досадовала, что не была в крепости, когда приезжали кенайцы, и не видела их. Шелехов должен был слово в слово передать ей весь разговор.

— Теперь, Натальюшка, я к ним сам поеду,—закончил рассказал Шелехов.—Вот только крепость без себя оставлять опасаюсь...

Наталья при этих словах вдруг изменилась в лице, оперлась о кровать дрожащей рукой и сказала с таким внутренним напряжением и мольбой: «Нет, Гришенька, не езжай!», что Шелехов вздрогнул и встревоженно спросил:

— Натальюшка, светик мой, что с тобой?

Но Наталья уже пришла в себя и, утирая слезы, быстро заговорила:

— Я, видно, шибко заболела, Гришенька: все тело ломит, внутри жаром горит, голова болит нестерпимо, а душа так и ноет... Не оставляй меня, Гриша!—закричала она в новом припадке отчаяния.—Обещай! Умру без тебя!.. Скажи, что не оставишь!

Шелехова давно тревожило здоровье жены. Скудное пита-

ние, цынга и тяжелая, неспокойная жизнь на диком острове могли губительно отразиться на Наталье. Он трепетал при одной мысли о ее болезни. А когда увидел пылающее лицо жены, ее полные слез глаза, внезапную слабость и услышал горячие мольбы, сам, досадуя на себя, обещал Наталье, что останется на Кадьяке, а к кенайцам пошлет Самойлова.

Это решение перекликалось с тайными его опасениями: после ночного происшествия он боялся оставлять крепость без себя, каждую минуту чувствуя, что где-то рядом притаился враг.

Наталья облегченно вздохнула и незаметно под платком перекрестилась. Она и сама не могла в точности сказать, что с ней произошло. Но после слов мужа об отъезде ее охватил острый, раздирающий душу страх за него. Она боялась дать себе отчет в этом чувстве и только дрожала от мысли, как бы муж не изменил решения.

Вскоре Самойлов вышел на шести байдарах в море, держа курс на Кенай.

До материка дошли благополучно, и в одной из бесчисленных бухт увидели селение кенайцев. Островерхие вигвамы из составленных шестов, крытых звериными шкурами, были в беспорядке разбросаны по холмистому берегу. Над ними поднимались прямые столбы дыма. На берегу были видны фигуры индейцев.

Старый Чиикун радушно встретил гостей. В его большом вигваме вокруг костра старейшины племени расположились пировать с приехавшими. Большая костяная трубка с длинным изогнутым мундштуком несколько раз обошла по кругу. Затем подали блюда с едой. Угощались молча. Все несъеденное и недопитое складывалось в байдары гостей.

Снаружи перед хижиной вождя начались танцы. Кенайцы в звериных шкурах с размалеванными лицами кружились в диком плясе, пронзительно кричали и били в бубны.

Самойлов тепло поблагодарил вождя за прием и роздал привезенные для знатных кенайцев подарки. Он знал, что сейчас индейцы начнут выпрашивать у него и то, что было привезено для торговли и обмена, и приготовился уже отваживать их, но кенайцы почему-то не стали ни о чем просить.

Самойлов оставил охрану у байдар и прошелся с Чиикуном по селению. В нескольких местах на краю селения, у опушки леса, он увидел подвешенные на четырех высоких столбах продолговатые свертки. От них шел неимоверный смрад. Оказалось, что кенайцы дают своим покойникам истлевать на воздухе.

Навстречу им попадались индейцы, вооруженные длинны-

ми стальными ножами, а некоторые—даже ружьями. Луки, копья, стрелы с медными наконечниками и каменные топоры были у всех. Самойлов с удивлением повернулся к шагавшему рядом Чинкуну и спросил через толмача:

— Где великий вождь взял такое хорошее оружие? Кто-нибудь из белых уже торговал с кенайцами?

В сумерках ему не видно было лица индейца, но по длительному молчанию и неуверенному голосу Самойлов догадался, что тот смущен.

— Кто-то из белых очень давно был у кенайцев. Сейчас уже Чинкун не помнит, как его звали. Он не торговал с нами, но подарил кое-что из оружия. Может быть, белый начальник тоже что-нибудь подарит Чинкуну? В знак дружбы Чинкун хочет обменяться с ним оружием.

Самойлов вежливо отклонил это предложение.

На ночь приезжие расположились в приготовленных для них вигвамах. Уснули под бой барабанов, звон бубнов и песни пляшущих.

Среди ночи внезапно прекратились вопли и грохот. Раздался воинственный вой. Проснувшиеся промышленные увидели, что их шалаши окружены вооруженными кенайцами. В отблеске костров были видны их налитые кровью глаза; яростные крики неслись со всех сторон.

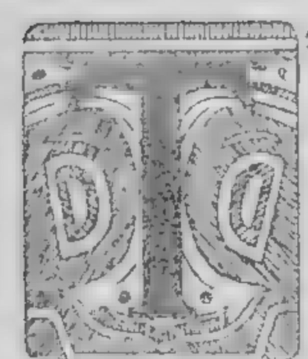
— Живо! К байдарам!—крикнул Самойлов и, выстрелив на ходу из пистолета, бросился на индейцев. Промышленные последовали за ним.

Бились жестоко. Суголока не давала кенайцам возможности стрелять из луков и бросать копья. Это помогло русским. Несколько человек во главе с раненым в руку Самойловым пробились к байдарам. Но сдвинуть их в воду не смогли. Туземцы наложили в лодки вместе с провизией камни.

Схватка продолжалась. От удара топором по голове упал Самойлов. Кенайцы за ноги выволокли его из свалки.

Последнее, что видел он, была одинокая байдара, уходившая с тремя промышленными в море, и туча стрел над ней...

ГЛАВА VII



ЯЖКО переживал Шелехов гибель друга. Первый приступ горя и ярости сменился у него жестокой тоской.

Шелехову трудно было поверить в гибель Самойлова. В голове не укладывалось, как он будет обходиться без его умного совета, без ласковой, но сдержанной улыбки стариковских глаз.

Он вспомнил один случай из жизни Самойлова, о котором сам Константин Алексеевич не очень любил рассказывать. Это было в Сибири, в те годы, когда Самойлов имел собственное дело и плавал на барже по Лене, ведя торг с прибрежными тунгусами и якутами.

Однажды под вечер он пристал к якутскому селению. Оставив приказчика стеречь товары на барже, Самойлов сошел на берег. Песни и крики неслись из большой хижины местного тойона. Внезапно откуда-то сбоку вынырнула группа пьяных якутов. Они окружили Самойлова и потащили в хижину тойона.

Среди пьянствовавших там туземцев Самойлов сразу заметил старшего приказчика купца Мыльникова, пронырливого и лукавого Архипа Селедкина, человека с темным и страшным прошлым. Он был предан до конца своему хозяину. Купец спас

каким-то путем Селедкина от каторги за тяжелое преступление и все время держал под угрозой вернуть обратно. Мыльников был самым опасным конкурентом Самойлова на Лене.

Увидев Селедкина, Константин Алексеевич насторожился. Якуты наперебой стали потчевать его водкой. Он отказывался.

Подвыпившие якуты рассердились и начали поить его насильно. Самойлов сопротивлялся, пытаясь выбраться из хижины, но на него набросились с кулаками. Самойлов заметил, что перед этим один из зачинщиков драки шептался с Селедкиным. Козлиная бородка приказчика тряслась, и хитрые щелки-глаза злорадно поглядывали на Константина Алексеевича.

Якуты с яростными воплями навалились на Самойлова и подмяли его под себя. У некоторых уже блеснули в руках ножи. Последним отчаянным движением Самойлов вытянул из-за кушака пистолет и в упор разрядил его в живот одного из якутов. С диким криком тот повалился на землю. В эту минуту всеобщего замешательства Самойлов вскочил на ноги. Бросив бесполезный теперь пистолет, он тяжелым кистенем, с которым никогда не расставался проломил голову пытавшемуся схватить его якуту и выбежал из хижины. За ним бросились пришедшие в себя туземцы.

Самойлов кинулся к берегу, но там уже огромным костром пылала его баржа с товарами. У воды валялся труп приказчика. Самойлов не растерялся, прыгнул в одну из байдарок Мыльникова, стоявшую у берега, и быстро выгреб на стрежень. Он успел перед самым носом преследователей схватить догоравший обломок баржи и сунуть его в сложенные здесь же, на берегу, огромные кипы скупленных Мыльниковым шкур. Уже на середине реки он услышал отчаянные вопли Селедкина.

Десятки тысяч рублей потерял враг на этом деле. Но и Самойлов стал нищим. А в Иркутске его ждали жена и дочка Алёнка. Вот тогда-то и встретился он с Шелеховым.

Все это произошло в глухой сибирской тайге. Шелехов так отчетливо представил себе своего друга там, на далекой Лене, как будто не Самойлов рассказывал ему об этом, а сам он, Шелехов, видел все своими глазами. Константин Алексеевич с честью вышел тогда из схватки, и теперь Шелехов не мог поверить, что при таких же обстоятельствах мужественный и находчивый друг его погиб. Но сомнений не было, и волна гнева поднималась в его душе.

Несмотря на теплую погоду, в комнате Шелехова топился камин. Сухо трещали поленья, огонь яростно лизал их блестящие смолистые бока.

Шелехов в волнении ходил из угла в угол... Он гневно оттолкнул ногой табуретку, попавшуюся ему на пути.

— Враги наши просчитаются!—упрямо говорил он.—Все старания их не приведут к уходу отсюда российских кораблей! Не бывать сему!..

Шелехов подошел к сидевшим у стола Измайлову и Луке, положил руки им на плечи:

— Мы первые в эти дикие и богатые земли пришли, нам они и принадлежать должны по праву!.. Я не просто на промысел пришел,—я эту землю накрепко к России решил примкнуть! Мы здесь большие обзаведения устроим. Прошлой осенью огороды урожай принесли, да мало мы посадили. А теперь высеем рожь, ячмень и овес. Хлебопашество не только на Кадьяке, но и на соседних островах заведем и на матерой земле, где артели поселим. Козы наши да свиньи большой приплод дали. Я из Охотска сюда лошадей пришлю, да телок с бычками отборных, коз еще, собак и других домашних тварей. На Кенае, да кажись, и у горы святого Ильи много минералов и металлов в недрах сокрыто. Там я фабрики поставлю и поселения российские заложу. Вот, други мои, какие планы я имею...

У Шелехова блестели глаза, голос срывался от волнения. Лука не сводил глаз с хозяина. Даже всегда спокойный Измайлов нервно пощипывал седые усы.

— Не сомневайся, Григорий Иванович,—прогудел Лука,— только бы добраться до этого Чиикуна. Пожалеет, супостат, что на белый свет появился!..

Худощавое, морщинистое лицо Измайлова стало строгим, он медленно проговорил:

— Я, хозяин, много плавал и много видел... И от купцов Пановых на промысел ходил, и от Лебедева-Ласточкина, и от других. Зверя мы били, а островитян порой крепко обижали... И все-то помыслы были—как поболе ценных шкур добыть... В предприятии твоем чую я план обширный. Иначе ты дело ведешь. Буду служить тебе по совести. Положись...

Измайлов в пояс поклонился Шелехову. Тот благодарно обнял старика за плечи и твердо сказал:

— Спасибо, други. Так за дело... Ты, штурман, немедля снаряжай галиот. Я сам с вами отправлюсь. Поспешим на Кенай. С лица земли сотрем поселение коварных кенайцев! Не хотел Чиикун зажечь трубку мира, погубил людей моих,—так я все его селение сожгу!.. А потом, штурман, пойдем к мысу святого Ильи, завяжем дружбу и торговлю с ко́лошами[1]. Там

[1] Ко́лоши—русское название индейского племени тлинкитов на северо-западном побережье Сев. Америки.

крепостцу соорудим и артель промышленных оставим. Это нам новые богатства принесет... Ну, а пока не мешкай!.. Галиот стянуть в воду, установить мачты, весь такелаж приладить. из крепости пяток пушек взять!.. Чтоб к послезавтру все готово было.

Шелехов круто повернулся, заложил руки за спину, подошел к окну.

Измайлов, склонив голову, тихо вышел из горницы. За ним последовал Лука.

Весь следующий день снаряжали в поход судно. Людей не приходилось подгонять: все уже знали о подлом предательстве кенайцев, и каждый стремился принять участие в походе. У многих это было связано и с желанием безнаказанно пограбить врагов.

В том, что поедет Лука, никто не сомневался: все знали, как к нему относится хозяин. И все старались заручиться его поддержкой. Особенно волновался Семибратов: кенайцы убили его закадычного друга, белобрысого, долговязого Степку Земнакова, и Федьке не терпелось отомстить. Отчаянная натура Семибратова давно не находила себе выхода: мелкие и крупные ссоры с промышленными не приносили радости, обижать мирных конягов Шелехов запрещал, да и не за что было. И вдруг такой случай.

Семибратов, обуреваемый беспокойством, что его забудут, подступил с разговором к Луке. Рыжего великана он очень уважал, степенность и сдержанность Луки действовала и на Федьку. Лука только что подтащил к берегу тяжеленную мачту галиота и переводил дух, когда подошел Семибратов.

— У меня, Лука Спиридонович, дело большой важности. Извольте выслушать.

Лука всем туловищем повернулся к Федьке и сверху вниз добродушно поглядел на промышленного. Семибратов приободрился.

— У меня друга моего сердечного дикие загубили. Руки чешутся посчитаться за него... Замолвите хозяину за меня словечко. А уж я, видит господь, постараюсь. Эх, только дорваться бы мне до драки!..

Лука весело поглядел на промышленного:

— Что, Федька, засиделся?.. Давно кулаки не чесал?.. Ну да ладно,—скажу хозяину. Иди, брат, пока...

Семибратов просиял и со всех ног бросился в крепость— тащить корабельный такелаж к берегу. Весь день он хвастал перед всеми своей храбростью и удальством. Ему завидовали.

Шелехов отдавал последние приказания по крепости. Несколько раз посылал узнать, вернулся ли из артелей Бритюков. Но подлекаря все не было.

Наталья на этот раз боялась удерживать мужа: видела, что просьбы ее ни к чему не приведут и только его разгневают.

На время своего отсутствия Шелехов приводил крепость в боевую готовность, около оставшихся пушек учреждались новые круглосуточные караулы. Оставшемуся за него командиром крепости толковому и исполнительному промышленному старику Осокину Григорий Иванович давал подробные наставления.

Беспокоило Шелехова отсутствие сведений о положении дел в артелях, куда уехал Бритюков поить новым целебным зельем больных цынгой. Григорий Иванович ждал подлекаря каждую минуту.

Смеркалось. В зале нижнего этажа Наталья зажгла свечи. Шелехов сидел за столом с Осокиным, отдавая распоряжения входившим и выходившим людям.

Внезапно снаружи, у крыльца, раздались возбужденные голоса и быстрый топот ног. Все обернулись к двери. На пороге появился Илхак, за ним промышленные. Туземец тяжело дышал и, еле переставляя усталые ноги, медленно подошел к вставшему ему навстречу Шелехову. Все молчали. Илхак поднял глаза и тихо сказал:

— Куда начальник посылает большую лодку? Не на Кенай ли? Поздно. Воинственные глинкиты с далекой Ситхи напали на Чикуна, сожгли поселение, а кенайцев убили всех до одного.

Промышленные зашумели. Одни предлагали ехать, другие—остаться. Все радовались, что коварные индейцы так жестоко наказаны.

Шелехов поднял руку, крики затихли, и он спросил Илхака:

— Откуда тебе эта новость ведома?

— Сегодня с Кеная приехал мой брат. Он был рабом у кенайцев и убежал во время битвы...

Илхак начал вдруг горестно выть, бить себя по лицу и дергать за волосы. Наконец, закричал:

— Илхак не знает, как сказать Шелхо тяжкую весть. Илхак не знает, что делать!.. Что делать Илхаку?!..

Он упал на колени, бился лбом о пол и беспрерывно кричал. Двое звероловов подняли его. Взволнованный Шелехов, стараясь казаться спокойным, с усилием сказал:

— Полно, Илхак! Говори. Мне не страшны никакие вести... Ну, говори же!

Илхак поднял голову, его отчаянный взгляд остановился на побледневшем лице Шелехова, на его плотно сжатых губах, на лихорадочно блестевших глазах. Пересилив свое отчаяние, он произнес:

— На Щуяхе прошлой ночью убита вся твоя артель... Все люди до единого... И передовщик Малахов тоже...

Шелехов стоял, как громом пораженный. В зале была мертвая тишина. И вдруг у двери раздался отчаянный возглас Британова:

— Почему Малахов? Почему? Ведь должен был ехать Лука Олесов?! Господи-и!..

Поднялся невообразимый шум. Вопли, проклятия, страшные ругательства и молитвы смешались в один сплошной рев. Люди в ярости размахивали руками, некоторые утирали слезы. Внезапно Илхак подбежал к молчавшему Шелехову, схватил его руку и прижал к груди. Срывающимся голосом он проговорил:

— Илхак говорит!.. И тойон его говорит!.. И все племя его говорит!.. За Шелху—войной пойдем на Щуях!.. Войной!.. Мы любим Шелху, как брата!..—И повернувшись к остальным, он яростно крикнул:—Войной!..

Все разом подхватили этот крик, потрясая в воздухе ружьями:

— Войной!.. Походом!.. Войной!..

Шелехов поднял руку и, когда звероловы немного притихли, спросил твердо Илхака:

— Ну, а это горькое известие откуда узнал ты? Сказывай все, что знаешь!..

— Этой ночью вернулись с Щуяха двое наших... Они там были в гостях... Они своими глазами все видели... Белых убили, когда они уснули... Потом тойон приказал вырыть железные доски на берегу, которые установил там белый начальник, и бросить их в море... И еще говорили наши, что недавно к Щуяху приходила одна большая лодка, белый начальник ее дал тойону оружие и уплыл обратно в море... Больше Илхак ничего не знает...

— Ханн, англичанин, приезжал... Его козни...—процедил сквозь зубы Шелехов.

Промышленные снова загалдели, но он грозно взглянул на них, и все умолкли. Шелехов провел рукой по лбу и сказал властно и уверенно:

— Други мои! Полагаю, что без борьбы и жертв ни богатство, ни слава не даются!.. Злобные кенайцы богом жестоко наказаны!.. Ну, а щуяхское племя и их тойона мы своей рукой накажем! Штурман Измайлов, галиот завтра в море выйдет.

1442

но не на Кенай, а на Щуях!.. Россияне умеют платить за измену!..

Шелехов потряс в воздухе кулаком, глаза его сверкали гневом.

— А ты, Илхак,—сказал он, немного успокоившись,— передай тойону своему немедля, что я буду у Щуяха через два дня. К тому времени пускай поджидает меня с восточной стороны сего острова у кекура рогатого отряд воинов его, сотни три человек. Ступай. Расходитесь и вы, братцы!.. Спать надо! Завтра много дел.

Люди гурьбой повалили из горницы, кляня и ругая Чиикуна и щуяхского тойона, вспоминая погибших.

Шелехов не сомкнул глаз в эту ночь. Он ходил из угла в угол, а Наталья, сидя на кровати, испуганно следила за ним глазами.

— Неужели все помыслы мои дерзкие против меня оборотились?—горько говорил Шелехов.—Неужели зря жизни россиян на этой злобной земле я положил?.. Константин Алексеевич, друг мой сердечный, простишь ли меня там?.. О, господи! Где таится среди нас измена черная, поведай мне!..

Наталья вскочила с постели. В сарафане, с распущенными косами, она казалась девочкой. Птицей перелетела комнату, повисла на шее у мужа, поглядела на него сквозь слезы и тихо сказала:

— Не верю, Гриша, не верю в злой рок твой... Придет удача! Я о том молюсь еженощно. А где измена таится — знаю я!.. Знаю!.. Сердцем чую...

Шелехов двумя руками поднял голову жены и медленно спросил:

— Что же ты знаешь, Натальюшка? Сказывай...

— Я, Гриша, когда Илхак пришел, в зале была и все слышала... Как он сказал, что на Щуяхе--острове артель наша убита, ты помнишь, что случилось?

Шелехов отрицательно покачал головой.

— Подлекарь наш как закричит: «Почему Малахова убили?.. Почему не Луку?.. Ведь его послать собирались!» Неужели не слыхал, Гриша? Ведь Бритюков Луку крепко не любит, он его и погубить собрался...

Шелехов подумал, потом стиснул зубы и сказал угрожающе:

— Дай срок... Вернусь из плавания—все доподлинно спытаю. И горе Бритюкову, ежели он к сему черному делу руку приложил... Ох, горько мне, Натальюшка, страшно подумать, сколько российских жизней на совести лежит... И все понапрасну...

— Как так напрасно?.. Неправда твоя!.. Не напрасно!.. Скоро вся Россия-матушка узнает, что Григорий Шелехов новые богатые земли открыл и под скипетр российский подвел!..

Наталья говорила горячо, сияющими глазами гордо глядя на мужа.

И перед взором Шелехова раздвинулись стены комнаты. Он увидел российские земли, глухие сибирские тракты, родной городишко Рыльск, вспомнил первые бранные заслуги родичей своих при великом Петре. И вдруг все это огромное, несказанно дорогое снова сошлось в его душе в одно горькое, но гордое чувство, и в один образ—Натальи.

Шелехов тряхнул головой, улыбнулся, как бывало, ясно и бодро. Хотел сказать что-то, махнул рукой и бросил ласково:

— Иди в постель, голубка моя, так и простыть недолго. Я караулы проведать схожу.

Вернувшись домой, Шелехов сел к столу, где в высоком медном подсвечнике горели свечи, и начал писать. Наталья все уговаривала его лечь, но он отшучивался. Шелехов опять был бодр, смело и уверенно смотрел в будущее.

— Что и говорить, Натальюшка,—убежденно сказал он жене.—никакое большое дело без потерь не обходится. А дело я затеял и точно огромное. Теперь еще больше его расширю, как к колошам наведаюсь... Большое, большое дело... А мог ли я думать о том, когда в Сибирь приехал?

Шелехов неожиданно встал, подошел к лежавшей Наталье и нежно провел рукой по ее волосам.

— А хочешь, Натальюшка, я тебе на сон грядущий сказку скажу?

Наталья молча кивнула головой. Григорий Иванович сел возле нее.

— Хочешь? Так слушай... Далеко-далеко от Сибири, в самой глубине Россиюшки, в соловьих краях, близ Курска-города, родился мальчонка. Батюшка его был бедный мещанин, лавочку держал с черной бакалеей. Еле сводил он, грешный, концы с концами. А мальчонка все рос да рос. И был у того мальчонки один закадычный друг—старый солдатик колченогий, забавный сказочник и мудрец, Пимен. И чего только этот солдатик не рассказывал: и про войны великие, и про страны диковинные, и про дела славные, И захотелось тому мальчонке не в избушку на курьих ножках к бабе-яге, не к змею-горынычу, не к коту-баюну, а захотелось ему в страны неведомые, людей поглядеть, себя показать и богатства нажить. А в ту пору задумал батюшка его грамоте и счету учить. И отдал он его в обучение дьячку соседней церкви Вознесенской, Евтихию. То был горький пьяница, беглец из бур-

сы; а по прозванию — Налим. И учил он мальчонку больше кулаком тяжелым, плеткой да линейкой, чем букварем да псалтырем. Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Подрос мальчонка, стал молодцом. Вот приезжает в его родной город Рыльск офицер и жребий бросает: кому в солдаты итти. И выпал жребий на этого молодца. Не миновать бы ему солдатчины, да закадычный друг его, солдатик колченогий Пимен выручил его: спрятал на колокольне, а потом в губернский город Курск-город переправил. Да и там молодец не задержался. Захотел он скакать в тридесятое царство—счастье свое там искать. Бедный был, а бойкий.

Шелехов остановился, поглядел на Наталью, она закрыла глаза и лежала тихо, не шевелясь. Но когда муж перестал говорить, она повернула к нему голову, посмотрела на него и, как бы очнувшись от глубокого сна, сказала:

— Сказывай дальше.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Приехал молодец в тридесятое царство—сибирское. И попал он на службу по бедности своей к купцу Голикову, приказчиком. Служил он ему не за страх, а за совесть. И добра не нажил. Как приехал он в Сибирь гол, как сокол, так и остался. Но, видно, сжалилась на ним судьбинушка и решила наградить молодца. Повстречал он красавицу, да такую, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И богатство у той красавицы бессчетное. И полюбили они друг друга и свадьбу сыграли. А на этом все сказки всегда и кончаются. И нашей сказке тут конец.

Наталья встрепенулась:

— Нет, на том наша сказка не кончилась... Что же не сказываешь, как приехал тот молодец с женой на дикий остров, да как начал там жить поживать и добро наживать...

Но мысли Шелехова уже перескочили на другое.

— А хочешь, Натальюшка, я тебе почитаю, что я сию минуту себе в тетрадь записал? Но сии планы мои уже не сказки, а самые что ни на есть важные и неотложные предприятия, которые обязательно должен я выполнить.

Шелехов взял со стола лист бумаги, сел, наклонился к свече и, пробежав глазами несколько строк, начал громко и медленно читать, водя пальцем по бумаге:

— «Намерен я определить крейсировать одним судном из Кадьяка на Северный полюс, а также отважусь пройти туда другим из устья реки Лены.

Сверх выше изображенного предприятия для узнания берегов американской земли, лежащих далее к Северному полюсу, положен мною план такой, дабы отправить из устья рек

Лены, Индигирки или Ковыми[1] суда прямо на противолежащие американские берега для измерения тут широт и познания путей в сей части Ледовитого моря и Берингова пролива и с народами, при сих берегах обитающими, также вступить во взаимное дружественное обязательство и торговлю».

Шелехов откинулся на спинку кресла и спросил Наталью:

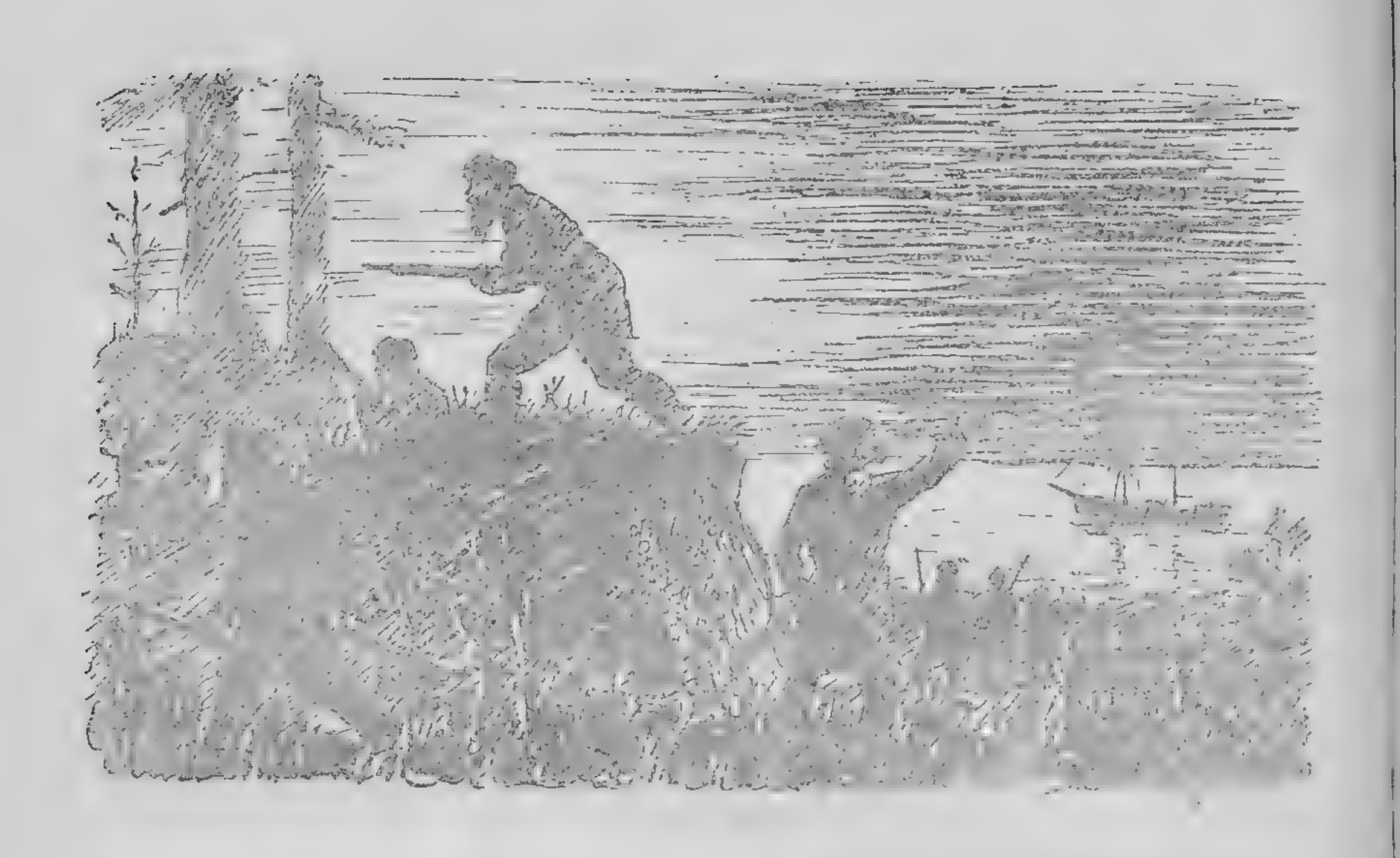
— Но, каково?.. И это не все... Я, Натальюшка, разошлю свои корабли по всему Тихому морю[2]—В Индию, в Китай, на Филиппины, в Макао, к гишпанцам в Калифорнию. Там консулов российских посадить надобно будет. И еще у меня одна думка есть: матушку императрицу склонить на посылку кораблей прямехонько из Санкт-Петербурга в Охотск. Куда быстрее и дешевле обойдется, чем по сухопутию. Только Охотск для сего мало пригоден. Надо новый порт заложить на побережье, где знаменитая река Амур впадает в море. Но... сие—планы далекого будущего...

Где-то за стеной хлопнул одинокий выстрел. Шелехов вздрогнул, прислушался, подошел к окну и стал всматриваться в предрассветный сумрак. Но все было спокойно. Григорий Иванович обернулся и посмотрел на жену.

— Замечтался я, Натальюшка,— ночь-то и прошла. Все планы далекие да сказки тебе рассказывал, а упредить тебя обо всем перед отъездом не успел. Так ты уж сейчас послушай. Перво-наперво Бритюкова не спугни, ничего он бояться не должен, но зорко за ним присматривай. Потом — никуда из крепости не выходи. Это я тебе строго-настрого приказываю. На Осокина-старика можешь положиться, надежный человек... Я ему сейчас наставление писать кончу.

Шелехов снова углубился в бумаги. Наталья не решилась его отрывать. На душе у нее было тревожно: она боялась отпускать мужа в тяжелое и далекое плавание, но понимала, что теперь никакие ее просьбы и мольбы не помогут: муж решил твердо и бесповоротно. И пряча беспокойство, она, скрепя сердце, молчала. Так и заснула.

[1] Ковым — Колыма.
[2] Тихое море — так называли в XVIII в. Тихий океан.



ГЛАВА VIII

ЩУЯХУ галиот подошел поздно ночью. В небе не было ни облачка. Бесчисленные звезды усеяли его. Полная луна стояла высоко и лила на землю ласкающий молочный свет.

Воздух был неподвижен и напоен прохладой моря, смешанной с первыми весенними запахами земли и деревьев.

По морю шли небольшие волны, и у берега они мерно и глухо ударяли в камни.

Шум морского прибоя словно предупреждал о таившихся на острове опасностях. В этом гуле безопаснее была высадка на берег. Зато сильно мешала полная луна: слишком светло было от нее вокруг.

Галиот шел вдоль берега к условленному месту. На палубе группами собрались люди. Около штурвала стояли Шелехов, Измайлов и Лука.

— Так, значит, решено,—говорил Григорий Иванович.— Как высадимся, ты, Лука, с отрядом идешь на селение, где тойон живет, это — версты три-четыре от берега. Нападай сразу. А мы тем временем на галиоте к прибрежному поселку подойдем и из пушек по нему палить начнем, но не раньше

как ты, Лука, нападение учинишь. Мы о том по пожару узнаем. Понятно?

Лука кивнул головой. Измайлов, внимательно оглядывая залитый лунным светом берег, тихо сказал:

— Полагаю, что скоро рогатый некур будет... Недалеко плыть осталось...

На палубе в группе промышленных Семибратов с убеждением говорил кому-то из звероловов:

— Пойми ты, старый пень, что тойон здешний, не подумавши, восстание учинил. Сам посуди: весна настала, а значит, у диких — голодуха. За зиму-то все подъедят, а охоты еще нет, и промысла тоже. Они, небось, и парки свои бобровые пожрали, знаю я их. Так что с них взять. Пропади они пропадом...

— А ты, Федор,— сказал кто-то насмешливо,— привези своей зазнобе в Охотск костей, что дикие в носу носят,— красота!.. Может, и она наденет?..

Семибратов зло скосил глаза на говорившего, но в это время раздался возглас:

— Эй, братцы, гляди!.. Никак, кекур рогатый?

Справа от галиота, у самого берега, вздымался гигантский кекур. Узкая золотистая змейка лунного света сбегала по его неровному склону и четко обрисовывала два огромных кривых каменных выступа, чем-то напоминавших рога.

С мостика раздалась тихая команда, и промышленные разбежались по местам. Убрали лишние паруса и осторожно стали подходить к берегу.

На воде, недалеко от судна, раздался всплеск. Глянув за борт, Шелехов еле различил очертания узкой туземной байдары и человека в ней. Через минуту Илхак стоял на мостике галиота перед Шелеховым.

— Ну?..

— Все сделано, Шелха, как ты приказал. Старый тойон поставил меня начальником. Воины ждут на берегу. Их много...

Шелехов кивнул головой и повернулся к Луке.

— Пора. Начинай высадку. Илхак, давай все свои байдары сюда — разом людишек на берег доставим.

Шелехов внезапно обнял Илхака за шею, притянул к себе и тихо сказал:

— Стереги Луку, друга моего бесценного, Илхак... Что-то сердце у меня неспокойно...

Илхак схватил руку Шелехова, горячо прижал ее к груди и шепнул:

— Будь спокоен, Шелха...

Высадка шла быстро. Туземные байдары перевезли на берег сразу всех промышленных. Последним подошел к борту Лука. Шелехов горячо его обнял, перекрестил и сказал громко:

— Храни тебя бог, Лука... Ну, ступай...

Лука прыгнул в байдару.

Вскоре большой отряд углубился в лес. Шли молча. Лука запретил громко разговаривать и курить. Движение отряда выдавал только треск сухого валежника под ногами людей. Лука дернул за парку шедшего впереди Илхака.

— Шумим больно... Эдак живо нас островитяне услышат, — шепнул он озабоченно. — Как быть?.. Думается, надо бы половину людей в обход послать, потише будет. Да оно и сподручнее с двух сторон напасть.

Илхак в ответ только кивнул, и Лука сказал шедшему за ним промышленному:

— Семибратова ко мне. Передай тихо.

Через минуту перед Лукой вырос Семибратов. Олесов тихо прогудел:

— Бери-ка половину людишек, Федор, и иди в обход, тебя дикие проводят. Как к поселку подойдешь, так жди. Я сигнал подам: из пистолета выпалю. Но чтоб раньше не начинал. Понял? Смотри, брат,— шальной ты больно...

— Понял, Лука Спиридонович, не тревожься.

Когда половина людей ушла, в лесу стало тише. Но скоро лес кончился. Пошел редкий кустарник, ноги неслышно заскользили по мокрой от росы траве. Подвигались вперед медленно и осторожно: селение туземцев было совсем близко. В предрассветной мгле Лука уже мог заметить слабо вырисовывавшиеся вдали юрты на столбах.

Внезапно с той стороны, где должен был находиться отряд Семибратова, раздались отчаянные, приглушенные расстоянием вопли.

Лука понял, что медлить нельзя, выпалил в воздух и устремился вперед. За ним бросились другие.

Начался бой. Яростно дрались промышленные и их союзники — коняги.

Лука был страшен в своей ярости. Его громовый голос покрывал все звуки боя. Рыжие с сединой волосы слиплись от пота, борода в отсвете пожара горела золотом. В огромных руках ружье казалось игрушкой. Он и сам почувствовал его невесомость и, отшвырнув это бесполезное после первого выстрела оружие, выломал огромный столб, поддерживающий юрту, и, вертя им над головой, ринулся в гущу туземцев. Он пробивался к центру поселка. Там в кажиме сидел тойон.

Где-то сбоку раздался пронзительный разбойничий свист. столб пламени взвился у одной из хижин, и, словно из огня, возникла фигура Семибратова. Цыганьи глаза его горели, белые зубы свирепо оскалились. В одной руке он держал ружье, в другой — пылавший сук. Вид у него был до того отчаянный, что Лука невольно остановился и, задыхаясь, прохрипел:

— Ты, собачий сын, как смел раньше времени начинать?.. Чего вопил?..

— Не я вопил, Лука Спиридонович,— отвечал, жадно озираясь по сторонам, Семибратов.— С дерева на нас какой-то дурной островитянин свалился — охотился, говорит... Ну, и заорал... Эй-й!..— неожиданно крикнул он и бросился к Луке.— Берегись!..

Лука невольно пригнулся. Над головой просвистела пуля.

— У них, Лука Спиридонович, ружья есть... Стрелять-то не умеют, но по ошибке и попасть могут... Поберегитесь,— крикнул Семибратов.

Но великан уже ничего не слышал. Он опять ринулся в битву.

Тойон оборонялся в кажиме, большим холмом возвышавшемся посередине поселка и обложенном землей. Олесов прорвался туда и с ревом кинулся на хижину. Огромным бревном он снес начисто половину стены. Из кажима высыпали люди.

Туземцы дрались стойко и остервенело. Видно, что они заранее готовились к сражению. Кроме ружей, которые все скоро побросали, у них были длинные стальные кинжалы и луки — опасное на близком расстоянии оружие в умелых руках. Туча стрел все время висела над сражающимися.

Илхак всюду следовал за Лукой. Он расправился уже с шестерыми туземцами, пытавшимися сзади напасть на Луку, и два раза прикрыл его своим щитом от стрел. Он чувствовал, что за великаном идет особая охота: кучка туземцев все время следовала за Олесовым, не участвуя в общей свалке и только ловя момент напасть на него.

Постепенно бой стихал. Шуяховцы не выдержали бурного натиска и разбегались.

Лука был в ярости: тойон исчез. Промышленный видел, как он выскочил из разрушенного кажима. Лука бросился за ним, но тут Илхак прикрыл его щитом от стрелы. Олесов на минуту упустил тойона из виду, и тот бесследно исчез.

Внезапно в грохоте боя Лука каким-то чудом услышал пронзительный свист стрелы. Он показался великану каким-то необычным, завораживающим, как свист змеи. Кем эта стрела была пущена? Откуда летела?

От ее пронзительного свиста что-то оборвалось внутри у промышленного, похолодело сердце. Он на мгновение оцепенел, и стрела глубоко ушла в его шею, между позвонками.

Лука рухнул на землю.

С горестным криком бросился к нему Илхак, огромной костяной палицей проломил головы двумя подбежавшим противникам. Он никого не хотел подпускать к телу Луки, в немом отчаянии свирепо размахивая палицей. И вдруг с воплем упал на великана, зарывшись лицом в рыжую его бороду.

В эту минуту вдали прозвучала артиллерийская стрельба с галиота.

Бой кончился.

Когда поредевший отряд промышленных и конягов появился на берегу, Шелехов поспешно съехал с галиота навстречу. К нему подошел Семибратов и, утирая шапкой потное лицо, сказал угрюмо:

— Принесли победу, хозяин.— Он на минуту задержался и хрипло выдавил: — Да Луку Спиридоныча дикие убили... И тойон их убег, каналья...

Шелехов побледнел и замер, как бы соображая, какую невероятную весть принес ему зверолов. Заметив, что десятки глаз следят за ним, он взял себя в руки и медленно произнес:

— Тяжкое известие сообщил ты мне... Великую потерю мы понесли...— Он тяжело опустил голову, на глазах блеснули слезы, и он тихо добавил: — Похороним его здесь по-нашему, по-христиански...

Неожиданно Шелехов резко поднял голову и звонким, срывающимся от переполнившего его горя и ярости голосом крикнул:

— А тойона того я сам изловлю!.. Клянусь в том!.. И казни его предам!..

Он оглядел столпившихся вокруг усталых звероловов и конягов и добавил:

— Кто со мной пойдет?.. Никого неволить не стану...

Не успел он кончить, как из толпы выбежал Илхак и, не глядя Шелехову в глаза, стал за его спиной. За ним шагнул вперед Семибратов, потом еще несколько человек.

Луку похоронили тут же на берегу под грохот пушечного салюта. На могиле установили большой крест.

Через два часа небольшой отряд выступил в путь. Шелехов вел его уверенно, как будто давно знал дорогу. Он сразу догадался, что щуяхский тойон постарается убежать с острова. Ближе всего был остров Афогнак, и, наверное, тойон постарается добраться туда. Но сделать это безопасно можно было только ночью, и Шелехов решил, что тойон днем

будет скрываться на берегу в том месте, откуда удобнее и ближе отплыть на Афогнак.

Так и оказалось. Тойона с группой туземцев поймали среди скал, на высоком каменистом уступе, около берега. Они пытались отстреливаться из луков и ружей. Шальная пуля пробила Шелехову руку, но прошла навылет. Григорий Иванович первый с кинжалом в здоровой руке бросился на туземцев, увлекая за собой товарищей. Туземцы побросали оружие, но когда промышленные приблизились, накинулись на них с ножами. Завязалась ожесточенная схватка.

Шелехов бросился за тойоном, на ходу выстрелив из пистолета, но промахнулся. Туземец стремглав скатился с каменистого склона и побежал, припадая к земле, в глубь острова. Шелехов понял, что тойона ему не догнать. Оглянувшись, он увидел груду камней на краю уступа над ущельем, по которому бежал тойон. Григорий Иванович разбежался и ногой столкнул тяжелую каменную глыбу. Она сорвалась вниз, увлекая за собой другие камни. С грохотом в столбе белой известковой пыли скатилась вниз каменная лавина. Тонким, едва уловимым писком долетел снизу предсмертный вопль тойона.

Шелехов оглянулся. Бой с туземцами кончился. Несколько промышленных оттаскивали в сторону трупы убитых товарищей. Семибратов подбежал к хозяину, с изумлением глядя на клубы белой пыли у края утеса. Шелехов, снова наклонившись над обрывом, бросил ему через плечо:

— Убил тойона. Видно, бог его от казни спас.

Начинало смеркаться. Решили заночевать, а утром вернуться на корабль. Запылал костер, затрещали в нем сухие сосновые ветви. Долго люди обсуждали события бурного дня. Но, наконец, усталость взяла свое. Заснули.

На следующий день галиот «Три Святителя» с попутным ветром ходко шел на восток. Измайлов не покидал мостика. В море старый штурман оживал, никогда промышленные не видели его таким деятельным на суше.

Шелехов изредка поднимался на мостик: болела раненая рука и сильно лихорадило. Но главное — он теперь по-настоящему, наедине переживал тяжелую утрату — гибель Луки. За одну ночь у Шелехова сильнее ввалились щеки и легли темные круги под глазами.

На утро Измайлов позвал его на мостик и, указывая на покрытый гигантскими скалистыми уступами берег, сказал, что здесь, по слухам, течет удивительная река. Шелехов подумал и решил исследовать ее русло. Ни горе, ни больная

рука не могли заставить его забыть о задачах, которые он поставил перед собой.

— Страшновато, Григорий Иванович,— неуверенно сказал штурман.— Неизвестные здесь места...

Шелехов упрямо тряхнул головой и ответил:

— Земли наши, Герасим Григорьевич, за нас их никто познавать не будет. Нам здесь следует все острова, заливы, проливы, мысы, реки, лайды и рифы описывать, а также и каждое жило[1]. Да своими названиями не переиначивать, чтобы по названиям жителей все узнавать можно было. Не зря, поди, сюда прибыли...

Галиот осторожно вошел в неизвестное устье и медленно пошел вверх по течению.

Река некоторое время текла по извилистой и узкой пропасти. Стены из черного базальта вздымались так высоко, что яркий дневной свет меркнул, добравшись до дна ущелья. Плыли в полутьме. При крутых поворотах базальтовый коридор расширялся, образуя небольшие озера, откуда путники долго искали выхода. А когда галиот проходил под нависшими над пропастью огромными террасами из черного камня, наступала непроглядная тьма.

На каменных стенах и уступах изредка попадались одинокие низенькие деревца, паутиной голых корней судорожно вцепившиеся в камень. С нависших карнизов низвергались широкими каскадами речки. Казалось, будто висит неподвижный ледяной занавес, так широк был сплошной поток воды, а шум от ее падения поглощался грохотом речных волн.

Самый слабый звук здесь быстро нарастал, как растет каменная лавина от упавшего с вершины камня, а через минуту уже дико грохотал на все ущелье и гул постепенно затихал где-то далеко в каменных недрах.

Вода была желтоватого медного цвета, и в ней видны были светлые брюшки дохлой рыбы.

Один из промышленных спустил на веревке ведро и зачерпнул немного воды. Взяв немного ее в пригоршню, он с удивлением покачал головой:

— И что за вода?.. Нигде такой не встречал: желтая, и рыба от нее дохнет...

Подошел Шелехов и, всмотревшись в осадок на дне ведра, сказал:

—Меди в ней много... Но уж не так, чтобы рыба дохла.— И, обернувшись к Илхаку, спросил: — скажи, Илхак, откуда дохлая рыба идет? Не знаешь?

---

[1] Жило—жилье, селение.

Илхак быстро ответил:

— Далеко-далеко в эту реку впадает другая. Вода там еще желтее — мертвая вода. И когда злой дух заносит туда рыбу, она вся дохнет. На этой реке живут люди одного народа с кенайцами[1]. Они собирают желтый камень. Кусками он лежит на берегу. Из камня делают разные вещи и продают их другим народам...

Илхак замолчал. Молчали и другие люди на галиоте.

Могильным холодом веяло от этого дикого ущелья.

Люди были подавлены, говорили шопотом, у всех на душе было тяжело и неспокойно.

Обследовать реку дальше было опасно, да и времени терять было нельзя. Шелехов решил повернуть обратно. Все с облегчением вздохнули, когда судно снова вышло в море. Еще долго потом промышленные не могли без страха вспоминать это плавание.

Погода испортилась, моросил мелкий, холодный дождь, грязносерые волны сердито ревели за бортом: волнение разыгрывалось не на шутку.

Измайлов не сходил с мостика. Не выпуская румпеля, он иногда доставал из-за пазухи зрительную трубу и внимательно осматривал берег. Скоро должны были показаться знакомые очертания горы святого Ильи — Большой горы, как звали ее туземцы.

Шелехов не выходил из каюты: мучительно горела раненая рука, кружилась голова от слабости.

Один из марсельных, крепивших на рее блоки, неожиданно закричал, указывая на юг:

— Парус!

Измайлов поспешно вытащил зрительную трубу. Он увидел шхуну с тремя косо поставленными мачтами и черным узким корпусом. Судно шло без флага. Измайлов сразу узнал старого знакомого: несколько лет назад этот корсар остановил в море судно Измайлова и забрал всю промысловую добычу. У штурмана тогда не было на борту ни одной пушки, и сопротивляться было бесполезно...

Корсар, видимо, решил дать бой и, пользуясь своим преимуществом в ходе, нагонял галиот.

Измайлов передал руль помощнику и спустился в каюту к Шелехову.

— Григорий Иванович!—еще в дверях крикнул он.— Корсар!.. Англичанин!..

Шелехов вскочил с койки. Он быстро переспросил:

---

[1] Медновцы—индейсксе племя атанасков, живущее на р. Медной, занимается изготовлением предметов из самородной меди.

— Корсар?.. Ханн, сукин сын?.. Идет на нас, али уходит?

— Идет на нас!..

Шелехов схватил здоровой рукой меховую парку с кровати и бросился на палубу. Измайлов еле поспевал за ним. С мостика оба увидели пиратское судно. Оно шло наперерез галиоту, видно, надеясь на легкую добычу.

— Давай, штурман!.. На корсара!..— крикнул Шелехов.

Измайлов только и ждал этого приказания. Голос его покрыл на минуту шум волн у борта, когда он скомандовал:

— Отдать кливер!..

Двое промышленных ухватились за мокрый шкот, и судно легло на новый галс [1].

Теперь корабли неслись навстречу друг другу. Волнение усиливалось. Ветер крепчал. Волны высоко поднимали галиот на седых гребнях и стремительно бросали его вниз. Измайлов вцепился обеими руками в штурвал. Шелехов, так и не успев надеть парку, в одном легком кафтане, насквозь мокрый, не спускал глаз с корсара.

Все ближе и ближе сходились суда. Но ни один из противников не желал выстрелить первым, каждый хотел ударить повернее. И ни один не сворачивал с курса.

Но вот из трех пушек на корсаре блеснуло пламя. Ядра пролетели мимо. Звук выстрелов поглотил грохот волн.

Шелехов махнул рукой. Выпалили две пушки русского галиота. Все ясно увидели, как на судне корсара ядро разорвало кливер. Мокрая холстина грохнулась вниз, повисла огромной тряпкой на бугшприте, а через несколько минут ее унесли волны.

Еще через мгновение галиот очутился на гребне гигантской волны над корсаром. Измайлов уже собирался было повернуть румпель вправо и пройти рядом с судном врага, чтобы выстрелить из других трех пушек. Но Шелехов внезапно оттолкнул его в сторону, схватился обеими руками за колесо и, когда волна начала спадать, всем телом навалился на него. Галиот ринулся вместе с водяной лавиной вниз, прямо на врага.

На секунду перед глазами людей встал высокий борт корсара, фигуры людей на нем... Русский галиот дал последний залп. Грохот выстрелов заглушил треск столкнувшихся кораблей.

Как большие подбитые белые птицы рухнули две мачты на борту корсара. Валились обломки, свистели, извиваясь, концы снастей.

---

[1] Галс—направление хода судна относительно ветра.

Когда русские мореходы, наконец, опомнились, галиот с начисто срезанным бугшпритом и сломанной мачтой был уже далеко от врага.

Корсар, с развороченным бортом, с единственной уцелевшей мачтой, поспешно уходил на юго-восток.

Шелехов вошел в раж. Забыв о раненой руке, он не выпускал румпеля. Измайлов еле уговорил хозяина отдать руль ему.

— Гони, гони, штурман!.. Смотри, уходит!..— кричал Шелехов.— Глянь, как мы его приукрасили — еле дышит!.. Догоним!.. Ей-богу, догоним!..

Черные мокрые волосы его прилипли ко лбу, с них потоками бежала вода по лицу и плечам.

Мокрый до нитки, Шелехов привязал себя к румпелю и заставил сделать то же Измайлова. Оба всем телом налегли на колесо, и судно, постепенно развернувшись, устремилось в погоню. С риском перевернуть галиот установили все уцелевшие паруса.

Гнались за пиратом до вечера. Но сильное волнение и повреждение на корабле помешали завершить победу. Уж почти совсем стемнело, и только чудом уцелевший компасный фонарь давал слабый свет. Погоню пришлось оставить.

Поздно ночью волнение улеглось, и Измайлов ввел потрепанный галиот в глубокую, тихую бухту. Бросили якорь и решили отстояться до утра. Люди выбились из сил.

Шелехов и Измайлов сошли в каюту. Старый штурман, разливая в кружки ром, медленно сказал, смотря исподлобья, как Шелехов зубами сдирает прилипший к ране рукав кафтана:

— Ну, Григорий Иванович, и отчаянный ты человек... Ты знаешь, что мог наделать, когда на таран пошел?

Шелехов сурово посмотрел на старика, но в глазах теплилась радость:

— Когда бой идет, о том не думают, Герасим Григорьевич!.. Надо думать, как врага изничтожить, а не как шкуру свою спасти!..

Он откровенно улыбнулся: — А все-таки здорово мы его!.. А, Герасим Григорьевич?.. По крайней мере за все подлости свои сполна получил... Верно?..

Измайлов, тоже улыбаясь, молча кивнул.

Утром удалось кое-что поправить, и галиот снова вышел в море. Измайлов определил положение судна. Оказалось, что оно проскочило мыс святого Ильи и, чтобы попасть к тлинкитам, надо было возвращаться обратно.

Галиот шел вдоль побережья.

Снежные величественные вершины гор резко выделялись на фоне голубого неба. Горы обступили сверкающий ледник, вдававшийся своим голубым языком далеко в море. Огромная ледяная стена вздымалась среди морских волн далеко от берега.

А вокруг, насколько хватал глаз, громоздились снежные, грозные обледенелые вершины.

Шли всю ночь.

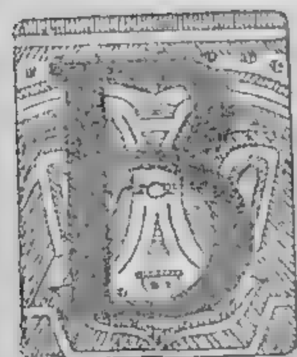
Рано утром увидели гору святого Ильи, самую большую и самую красивую на всем побережье. Она подымалась в виде правильной пирамиды и, покрытая гранями льда, сверкала и переливалась на солнце радужными карнизами, нависшими над пропастями. По юго-западным кручам спускался, ослепительно переливаясь под солнечными лучами, кристальный поток.

Люди переводили восхищенный взгляд с этого царства льда и сверкания на нижние уступы горы. Там ледник как бы отступал. Глыбы серого гранита в пятнах кроваво-красного полевого шпата, пестрого порфира, лучистого трахита, черного базальта были нагромождены в беспорядке. Среди них виднелись пласты синеватого льда и бурлящие ручьи.

Еще ниже эта исполинская каменистая морена была покрыта слоем земли и заросла высокоствольными соснами.

Долго еще следили люди за исчезающими за кормой галиота очертаниями волшебной горы...

ГЛАВА IX



ПРИБРЕЖНОМ селении тлинкитов не было землянок и маленьких юрт, как у конягов. Здесь русские увидели большие, просторные избы. Стены были сложены из больших бревен, прорублены окна и дверь, двускатная крыша из досок венчала дома. Толстые столбы в углах изб были испещрены затейливыми резными фигурками.

Строения шли вдоль берега, в три ряда, самые большие — впереди, поменьше — сзади. Перед каждым домом стояли высокие столбы, сплошь покрытые резьбой, изображавшей животных, людей, различные предметы домашнего обихода. Рисунки на столбах рассказывали посвященному историю тлинкитской семьи, дела и подвиги ее знаменитых предков. Верхушки столбов были украшены фигурами животных — покровителей рода. Раскинув в стороны пестрые крылья, важно сидели вороны с яркими разводами красок на голове, с хищным, изогнутым клювом и огромными страшными глазами. Большие, ярко раскрашенные лягушки, неуклюжие, хищно

скалившие зубы бобры, морские львы и лососи глядели на прохожего. Иногда около дома стояло по два тотемных столба [1], изображавших отцовскую и материнскую родословные.

На низком песчаном берегу сушились узкие долбленые лодки индейцев. Кругом селения шумели сосновые леса.

Неторопливо, с достоинством, но приветливо встретил вождь тлинкитов знатных гостей. Русские были удостоены великой чести: в кругу столпившихся индейцев старый вождь в знак великой дружбы предложил Шелехову затянуться из его трубки, а затем поделился с гостем табаком. Тлинкиты в праздничных одеждах, пестрых тканых накидках из шерсти горных коз и собак, в медвежьих и волчьих шкурах, приветствовали прибывших, потрясая в воздухе копьями.

В доме вождя для гостей было приготовлено обильное угощение—вяленая и сушеная рыба, вытопленный холодный рыбий жир, почти непрожаренное, кровавое мясо оленя, груды спелой малины и черники и сушеные морские водоросли. Измайлов, бывавший раньше у индейцев, был удивлен пышностью приема. Когда все молча расселись на цыновках, он шепнул Шелехову:

— Чтой-то колоши больно богато угощают. Не иначе как замыслили что-то... Ты не смотри, что держатся гордо, это народ жадный... Ухо держи востро...

Шелехов, не повернув головы, тихо ответил:

— Там видно будет... Ежели товары наши клянчить станут, так я для начала их подешевле обменяю. Потом сие окупится...

Приступили к еде. Обычай не позволял за трапезой смотреть на соседей. Ели молча. Каждый думал о своем. Только изредка вождь наклонялся к Шелехову и вкладывал ему пальцами в рот кусок мяса или рыбы: это было изъявлением особенно дружеских чувств.

Шелехов любовался долбленой посудой, покрытой резьбой или разрисованной теми же фигурками людей и животных, что и столбы у входа в дома. Он решил выменять несколько тарелок и привезти их в Россию.

Обстановка в доме вождя состояла из нагроможденных друг на друга ящиков и сундуков, по полу были разбросаны цыновки и шкуры зверей. Посредине горел очаг. Вдоль стен с потолков свешивались светлые лыковые цыновки, отделяя места для каждой семьи из рода вождя. Во всех отделениях топились свои небольшие очаги. Их пламя бросало кровавые отблески на блестящие свежие цыновки, сплетенные из коры

[1] Тотем—знак рода.

Женщины и ребятишки возились около семейных костров, мужчины сидели с гостями у большого огня.

После еды перед хижиной начались пляски. Индейцы побросали на землю шкуры и шерстяные накидки, остались в легких кожаных плащах, отделанных узкой полоской меха у горла и бахромой или кисточками внизу. Кожа тлинкитов, натертая жиром, казалась глянцевой. На лица с красными разводами охры они надели огромные маски, изображавшие головы орлов с раскрытым клювом и круглыми глазами, медведей с оскаленной пастью, волков, оленей и дельфинов.

Перед тем, как выйти из дома вождя, Шелехов обратился к нему с приветствием и благодарностью. Илхак был за переводчика.

— Спасибо, великий вождь, за ласку. Вдвойне надо мне благодарить тебя. Ты послал недавно своих воинов против трусливых и подлых кенайцев, моих и твоих врагов, и твои храбрые воины уничтожили их. У кого общие враги, те должны быть друзьями. Я тебе предлагаю братский союз. Хочу начать мирную торговлю с твоим племенем. Товаров у нас много, от нашей дружбы большую выгоду будешь иметь. Что ответит мудрый вождь?

При упоминании о кенайцах в глазах вождя мелькнуло беспокойство, а среди индейцев произошло движение. Они начали о чем-то горячо совещаться. Это не укрылось от русских. Шелехов тихо сказал Измайлову:

— Что-то больно они забеспокоились... Не напали бы врасплох, как кенайцы... Передай на галиот Семибратову, чтоб пушки наготове держал.

— Будь спокоен, Григорий Иванович,— шопотом ответил Измайлов.— Я приказал, чтобы пушки навели на селение. По первому нашему выстрелу — стеганут картечью...

Шелехов кивнул.

Один из индейцев наклонился к вождю и что-то зашептал ему на ухо. Вождь подумал и, гордо подняв голову, медленно заговорил, обращаясь к Шелехову. Илхак перевел:

— Люди Великого Ворона приветствуют тебя и твоих спутников! К миру и дружбе с твоим народом влечет меня мудрый голос моих предков и мое сердце. Братский союз люди Великого Ворона принимают, и ты увезешь в знак дружбы подарки от меня. И еще...

Вождь оглянулся на стоящих за его спиной индейцев. Их бесстрастные лица ничего не выражали. Но Шелехов все же уловил в них напряженное ожидание и опасение.

— Я слушаю тебя, великий вождь племени Великого Во-

рона. Слушаю. Все готов сделать, чтобы доказать тебе мою дружбу.

Шелехов снял здоровой рукой бобровую шапку с головы и церемонно поклонился. Упрямая черная прядь волос упала ему на лоб и на минуту прикрыла его нахмуренные брови. «Чего еще хочет от меня эта лиса?» — с беспокойством подумал он.

Индеец увереннее продолжал:

— Я, вождь племени Великого Ворона, Тускаунед, готов сделать моему белому брату еще один подарок. Я верну ему сердце и голову его брата, которого он потерял много дней назад. Мой отважный сын, Сюванерора, разбил презренных кенайцев на севере, освободил белого из плена и израненным привез его ко мне. Сюванерора надеялся получить большой выкуп или иметь белого раба. Это очень почетно, и он, может быть, не захочет даже большого выкупа, а — очень большого...

Шелехов слушал, что переводил ему Илхак, вначале недоумевая, затем еле сдерживая волнение. Краска покрыла его бледное лицо и выдала его состояние индейцам. Измайлов тоже насторожился, и его морщинистые щеки побурели. У обоих мелькнуло в голове одно и то же: «Кого нашел в лагере кенайцев молодой индеец? Неужели...» Дальше оба не смели и думать.

Шелехов даже не заметил вымогательства индейцев. Но Измайлов сердито буркнул под нос:

— Ишь, воронье племя, как подарки тянет...

Тускаунед продолжал:

— Сюванерора выкупа не получит: за брата не берут выкуп, Сюванерора не будет иметь рабом брата. Белый вернется к белым, а Сюванерора и его воины получат подарки по их выбору. Ты согласен, брат мой?

Шелехову стала ясна наивная хитрость индейца: вождь старался получить выкуп побольше да еще выставить это как особую заслугу.

Но выбирать не приходилось, и Шелехов важно наклонил голову в знак согласия.

Уже стемнело, когда Тускаунед вывел гостей из дома и повел в конец поселка, мимо костров, где плясали в масках и в плащах индейцы. Несколько тлинкитов несли впереди горящие смоляные факелы.

Селение было пустынно. Все индейцы собрались перед домом вождя. Только у некоторых хижин сидели молчаливые фигуры да, как неясные тени, изредка пробегали женщины. Измайлов узнавал их по нетвердой походке. Она появляется

у тлинкиток после страшного годичного заключения в маленькой клетке на берегу моря, перед выходом замуж.

Русские шли быстро, всех занимала одна мысль: кого освободили тлинкиты из плена? Кто этот человек?

Наконец, на окраине селения остановились около небольшого, стоявшего особняком дома.

Шелехов нетерпеливо рванул здоровой рукой полог, прикрывавший вход. Ему навстречу с пола поднялся человек. Не успел один из индейцев войти с факелом вслед за Шелеховым, как раздались два радостных крика:

— Константин Алексеевич, родной ты наш!..

— Григорий Иванович!.. Слава богу!..

Шелехов, забыв о раненой руке, горячо обнимал Самойлова. Он бормотал что-то неразборчивое, ласковое, крепко сжимая друга в своих объятиях. Он как будто совсем потерял голову от счастья. Самойлов после первого возгласа уже ничего не говорил, только болезненно улыбался, а глаза лучились бесконечной радостью.

Наконец, он слабо сказал:

— Отпусти, Григорий Иванович, а то от кенайцев не помер, так от твоих рук помру,— и, как бы извиняясь, добавил: — Ранен я в пяти местах, все без памяти валялся...

Подбежал сияющий Измайлов и еле вырвал Самойлова из объятий друга. Шелехов внезапно почувствовал острую боль в руке: он опять разбередил рану.

Придя в себя, Григорий Иванович послал на галиот сообщить о радостной встрече и приготовить раненому постель. Двое промышленных на руках вынесли Самойлова из хижины. За ними шел Измайлов. Он то хрипло смеялся, и, нагибаясь, разглядывал Самойлова, то, всхлипывая, обнимал его за голову. Побледневший Шелехов опирался на руку Илхака. Шествие замыкали индейцы. Процессия медленно двигалась к берегу.

Внезапно с моря раздался оглушительный пушечный залп. В селении поднялся страшный переполох. Индейцы в панике с воплями побросали одежду и оружие и бросились к лесу. Поселок мгновенно опустел.

Русские на минуту оцепенели. Шелехов опомнился первым и в ярости воскликнул:

— Это Семибратов, сукин сын, балуется!.. Его шутки!.. Голову ему оторву, только на галиот взойду!..

Промышленные снова тронулись в путь по пустынному поселку.

К ним подбежал перепуганный индеец и быстро начал говорить. Илхак перевел::

— Тускаунед спрашивает, на что рассердился его белый брат? Чем вождь разгневал своих могущественных союзников? Тускаунед готов отказаться от подарков, только пускай белый брат не посылает гром на его племя.

Шелехов перестал хмуриться и сказал Измайлову:

— А и впрямь здорово колоши перетрусили! Федька, пожалуй, кстати из пушек-то пальнул...— и, обратясь к индейцу, сказал важно: — Передай вождю, что я его прощаю. Пускай его люди идут в свои дома и ничего не боятся. Передай также вождю, что я ему все-таки дам подарки, но по своему выбору...

Селение успокоилось. Индейцы уже без прежнего высокомерия и гордости смотрели на русских и всячески старались услужить им. Тускаунед не знал, как угодить своим белым гостям. Шелехову очень легко удалось договориться с ним о строительстве недалеко от селения русской крепости, где он собирался оставить для промысла артель звероловов.

Ночевали русские на галиоте. Всем было весело, только Семибратов ходил смущенный. Шелехов все-таки отчитал его за то, что Федор решил так шумно отметить встречу с Самойловым.

На следующий день начали строить крепость. Работа предстояла большая и тяжелая. Шелехов целыми днями пропадал то на стройке, то в поселке индейцев. Он собирался посылать с тлинкитами на промысел морского зверя своих людей, а перед отъездом, в конце лета, выменять у них всю летнюю добычу.

Самойлов был очень плох, часто впадал в забытье, бредил, звал свою Алёнку, Шелехова, а порой кричал что-то совсем непонятное. Когда он приходил в себя, то не сводил глаз с Шелехова, заставлял его наклоняться к себе и, еле шевеля губами, говорил:

— Худо мне, Григорий Иванович... Есть что рассказать... да сил нехватает...

— После, после, Константин Алексеевич,—убеждал его Шелехов,—еще наговоримся.

— Не-е... скорей надобно... Помру еще...

Такие минуты были редки, и больной опять терял сознание.

...В конце лета галиот вышел в обратный путь. План Шелехова был выполнен: крепость построена, в ней оставлена артель промышленных. У тлинкитов были выменены груды отменных звериных шкур—вся их добыча за лето, налажена дружба и торговля с этим племенем.

Галиот быстро шел на запад. Погода благоприятствовала мореходам. Лето выдалось наславу, солнце припекало, ред-

кие облака бежали по небу. За все время на море не было ни одной бури.

Как-то утром Самойлов проснулся и впервые поверил, что выздоровеет. С головы словно сняли давившие ее железные обручи, с груди—пудовую тяжесть, уняли бушевавший внутри огонь. Дышалось легко, привольно, голова работала ясно. Еще не веря такому счастью и боясь невольным движением разрушить это восхитительное состояние, Самойлов осторожно скосил глаза на спящего рядом Шелехова. Море было спокойно, и людей в каюте качало тихо и плавно, как в люльке. Шелехов спал крепко. Самойлов медленно протяул руку и дотронулся до его плеча. Григорий Иванович приоткрыл глаза и, увидев счастливое лицо Самойлова, сразу все понял. Он быстро вскочил на ноги и, наклонившись над ним, радостно воскликнул:

— Слава тебе, господи,... Воскрес!.. Воскрес ты, Константин Алексеевич!..

Но только на следующий день, когда Самойлов совсем оправился, Шелехов разрешил ему рассказать о своих приключениях у индейцев

Самойлов говорил тихо, часто отдыхая и ловя ртом воздух.

— Как стукнули меня, значит, кенайцы-то топором, там, у байдар,—я память и потерял... Потом уж не знаю, что было... Только очнулся у Чинкуна, собачьего сына, в юрте... Глаза у меня закрыты были, ну, а разговор, значит, слышу... Да такой разговор, что, веришь, Григорий Иванович,—похолодел я весь... Тихо так, незаметно, глаза открыл, вижу: Чинкун, старик, сидит, трубку сосет, а рядом—вроде англичанин: видал я их,—в Камчатку такие-то вот приходили... Англичанин и говорит, что врагов у Шелехова много, даже среди русских купцов есть—Мыльников да Лебедев-Ласточкин... Их люди, дескать, у Шелехова на Кадьяке служат и много нам помогают. Не твоя, говорит он Чинкуну-то, вина, что не сам Шелехов к тебе приехал. И тут давай о Малахове, дьяволе, такое рассказывать, что, веришь, я аж затряcся. Это, значит, он с Чинкуном снюхался и заговор составлял, а подлекарь твой на Щуяхе дело обделывал... И бунт у нас они оба учинить собирались. И с Ханном связь держали...

Самойлов совсем задохнулся и замолчал. Шелехов сидел неподвижно у его кровати, подперев кулаками подбородок. Глаза его сузились, кулаки побелели, но он не проронил ни слова. Самойлов, отдышавшись, продолжал:

— Они все на меня поглядывали, а я—без чувств притворялся... Да и чего им было меня опасаться-то... Скоро ушел

англичанин, а под утро колоши-то и наскочили... Ох, и резня была!.. На моих глазах у Чиикуна волосы с головы Сюванерора ободрал и на пояс повесил... А потом потащили меня колоши-то к себе... Хворал я шибко. С жизнью прощался.. Все боялся, что в могилу с собой вражеские козни унесу, ты и не узнаешь..

Шелехов вскочил на ноги и в бешенстве ударил ногой по привинченному к полу каюты столу.

— А как теперь я знаю все, то уж пусть враги мои трясутся: со всеми до одного полностью рассчитаюсь!..—воскликнул он.—Малахова счастье—сам себе, собачья душа, могилу вырыл!.. Бог его покарал!.. Ханн намедни тоже сполна получил! И, бог даст, еще получит! До купчишек в Охотске со временем доберусь! А Бритюкова, как приеду, лютой смерти предам! Возьму уж грех на душу!.. Наталья моя верно в нем подлость заметила.

Немного успокоившись при воспоминании о жене, Шелехов снова уселся рядом с Самойловым.

— Теперь ты уж, Константин Алексеевич, смирно лежи, а я тебе буду рассказывать, какие происшествия у нас в твое отсутствие случились. И перво-наперво: нашего Луки Спиридоныча не стало—убили его дикие на Щуяхе...

У Шелехова на глазах блеснули слезы. Эта рана все еще была свежа, как будто друг его погиб только вчера. И Григорий Иванович не мог, как ни заставлял себя, вспоминать об этом спокойно.

Проговорили весь день.

До Кадьяка оставалось несколько суток плавания с попутным ветром.

На следующее утро люди услышали вдруг страшные взрывы под водой. Затем послышались долгие раскаты грома. В воздухе распространилась густая черная мгла. Все кругом померкло.

Истово крестились суеверные, насмерть перепуганные зверобвы.

Громовые раскаты скоро прекратились, однако мгла не расходилась. Плыли в кромешной тьме, кое-как определив направление. Дышалось тяжело, воздух был наполнен горячей ядовитой пылью.

Воспаленные глаза людей беспрерывно слезились. То один, то другой из промышленных вдруг хватался за горло и начинал долго хрипло кашлять. В рот, в нос, в уши набилась горячая пыль.

Через несколько часов мгла начала рассеиваться, и люди увидели на севере пылающий островок. Горящий конус высту-

пал сажен на пять и медленно рос. Пар от кипевшей, пенящейся кругом воды окутывал его прозрачной, струящейся вверх дымкой.

Так появился новый остров в американских водах.

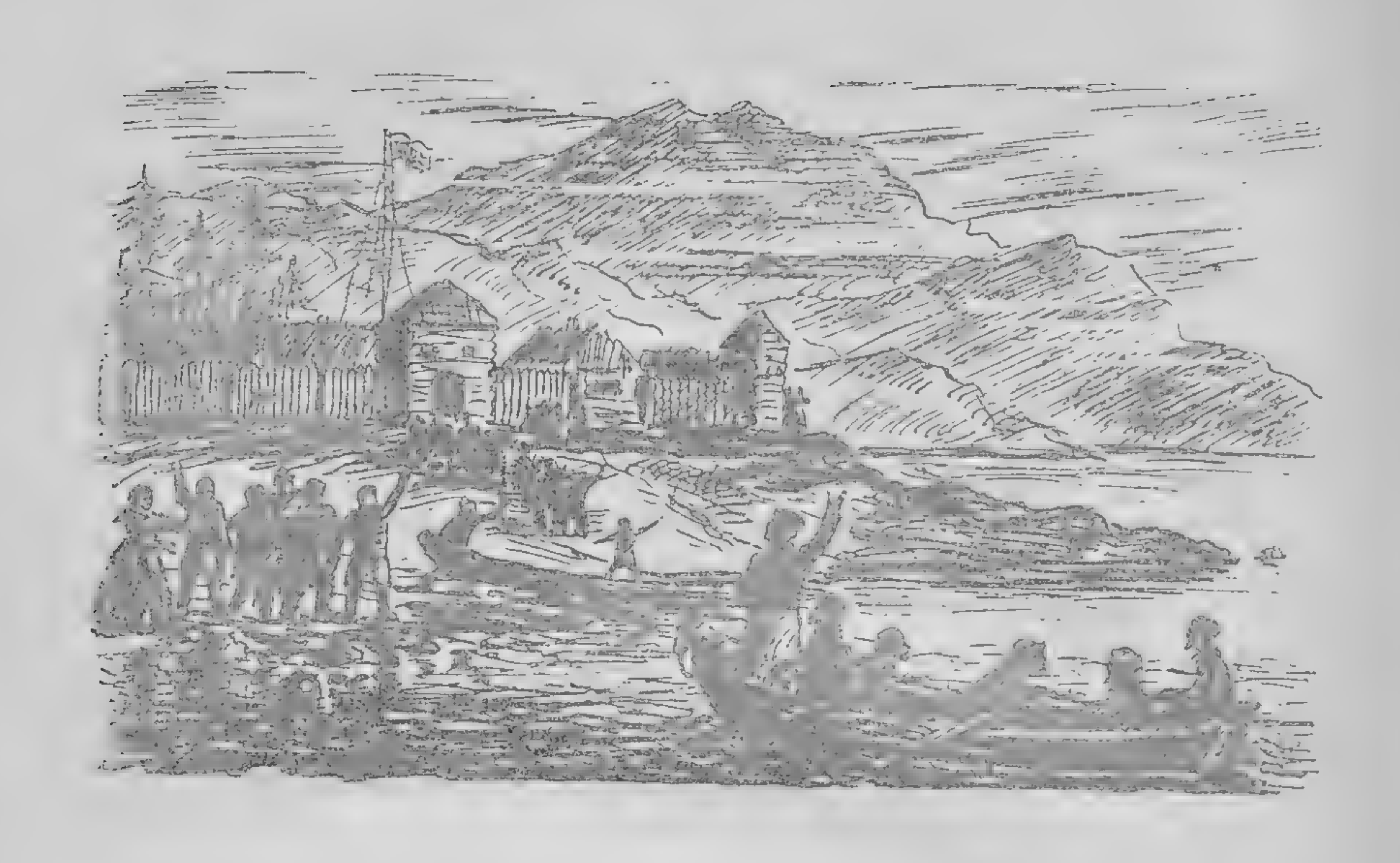
Часто приходилось промышленным в их походах встречать такие вулканические острова. Высоко над водой вздымались их неприступные склоны. Морские львы вылезали из воды, резвились и грелись на теплых еще скалах.

Но присутствовать в момент рождения острова никому еще не приходилось. Люди были потрясены виденным. Только и говорили о необычайном происшествии.

Ранним летним утром, через несколько дней после этого события зверолов, взобравшийся на мачту, чтобы, как всегда, с утра осмотреть горизонт, радостно замахал рукой и громко крикнул, указывая на запад.

— Земля!.. Кадьяк-остров!..

Стоявший на вахте Измайлов послал в каюту за Шелеховым. Тот быстро поднялся на мостик. Оба смотрели в зрительные трубы: на западе, у самого горизонта, виднелась темная узкая полоска.



ГЛАВА X

ОДИННАДЦАТЬ раз выпалили крепостные пушки. То было высшее приветствие военному кораблю, возвращающемуся из тяжелого плавания. Галиот ответил приветственным салютом. Бросили якорь. Шелехов и Самойлов первыми съехали на берег. Их шумно приветствовала толпа промышленных. Люди стреляли из ружей, кидали вверх шапки. Среди зрослых, визжа, вертелись ребятишки-коняги. Возгласы и крики усилились, когда люди на берегу различили в байдаре Самойлова.

Шелехов стоял на носу лодки и махал шапкой. Больная рука лежала на перевязи. Он уже давно увидел на берегу, рядом с худым седоусым Осокиным, временным начальником крепости, Наталью и не спускал глаз с жены.

Самойлов был еще очень слаб. Он сидел, держась обеими руками за борт байдары, и только радостно кивал головой.

Как только Шелехов выскочил на берег, Наталья с разбегу бросилась ему на шею. Потом, опомнившись, двумя руками

осторожно взялась за его перевязанную руку и испуганно посмотрела на мужа.

— Как же это, Гришенька?.. Не больно сейчас?..

— Обойдется. Уже проходит,—успокоил ее Шелехов, с тревогой вглядываясь в ее осунувшееся лицо.—Ты, Натальюшка, здорова ли?

Медленно подошел Самойлов, поклонился Наталье и шутливо сказал:

— Ну, принимай, хозяйка. С того света вернулся.

Они трижды поцеловались.

Все тронулись в крепость. По дороге Наталья крепко прижимала к себе руку мужа. Неожиданно, как будто вспомнив что-то, она поглядела снизу ему в лицо и спросила с тревогой:

— Гришенька, а Лука-то наш где?

Шелехов нахмурился и ответил не сразу. Шедший рядом Самойлов тяжело вздохнул.

— Нет больше с нами Луки, Натальюшка,—глухо ответил, наконец, Шелехов.—Убили его дикие на Щуяхе.

Наталья с минуту молчала, удивленно глядя в лицо мужу, как бы соображая, что это он ей говорит. Потом, не останавливаясь, припала лицом к его меховой парке и громко заплакала. Шелехов, не находя слов для утешенья, только еще крепче прижал здоровой рукой ее к себе.

Вечером Шелехов подробно ознакомился с жизнью крепости в свое отсутствие. Хозяйственный Осокин в полном порядке сдал дела.

А на следующий день Григорий Иванович заперся с Самойловым в горнице и даже Наталье приказал не входить.

Позже к хозяину был вызван Бритюков.

Он вошел уверенно и свободно. Но испытующий взгляд, который на него бросил Шелехов, заставил подлекаря насторожиться.

Хозяин подошел к двери, заложил ее палкой и сказал сидевшему у стены на скамейке Самойлову:

— Полагаю, что разговор без околичностей начинать следует. Ты, оказывается, подлекарь,—Шелехов обернулся к Бритюкову и повысил голос,—не только бесполезной тварью оказался, как полагал я вначале, а и врагом моим?!.. Козни против меня сочинял и деньги за то получил?!..

Шелехов надвинулся на побледневшего подлекаря и с еле сдерживаемым бешенством глухо проговорил:

— Кайся, как перед казнью... Все сказывай... Кому служил?.. Что злоумышленничал?.. Ну?..

Бритюков неожиданно упал на колени и тонким, срывающимся голосом закричал:

— Хозяин!.. Не виноват я! Как перед богом клянусь, не виноват! За верную службу тебе на меня поклеп возвели! Христом богом молю,—защити от напраслины!..

Он на коленях пополз к Шелехову, стараясь обнять его ноги.

Шелехов с отвращением отступил назад.

— Слушай меня, подлекарь,—раздался угрюмый, но спокойный голос Самойлова.

Бритюков так и застыл на четвереньках, повернув голову к старику.

Самойлов говорил медленно, задыхаясь и часто останавливаясь:

— Слушай... я был у кенайцев... я слыхал, что англичанин говорил Чипкуну... Мы все знаем, подлекарь... Запираться поздно... Не доводи хозяина до греха... Говори все, что знаешь...

Бритюков опустил голову на согнутые в локтях руки на полу и тихо завыл, качаясь из стороны в сторону. Но вдруг вой оборвался. Бритюков поднял голову, оглядел сухими, полными ненависти и страха глазами лица своих врагов и неожиданно вскочил на ноги.

Шелехов стоял у двери молча, широко расставив ноги, положив здоровую руку на рукоятку пистолета. Он грозно смотрел на стоявшего перед ним подлекаря.

Бритюков сжал кулаки и яростно крикнул:

— Рассказывать?!.. Вам все рассказывать?!.. А потом казнить меня будете?!..

Он остановился. Зубы его громко стучали, и он не мог унять их дробного лязга. Он судорожно сжал челюсти руками и замолчал.

У Шелехова лопнуло терпенье. Он топнул ногой:

— Или немедля все сказывать будешь! Или сейчас застрелю, как собаку!..

Он рванул из-за кушака пистолет и взвел курок. Самойлов успел только предупреждающе поднять руку, но его опередил Бритюков. Охваченный ужасом, он повалился опять на колени и неузнаваемым, тонким голосом закричал, стараясь пересилить дробный лязг зубов:

— Б-б-буду!... Бу-у-уду г-говорить!...

Через минуту он уже сидел за столом и, заискивающе глядя в глаза то Шелехову, то Самойлову, быстро, запинаясь рассказывал:

— Перед тем, как отправиться с тобой из Охотска, Григорий Иванович, зазвал меня к себе Лебедев-Ласточкин. Он купец-то богатейший. Я у него в долгу, как в шелку, был. Принял он меня по-царски, накормил и напоил всласть. Да, видно, лишнего я хватил и опьянел по слабости натуры.—Бритюков уже оправился от пережитого страха и теперь говорил бойко.—А он, Лебедев-Ласточкин, значит, мне какую-то бумажку сует и говорит: «Подпиши!» Я пьяный и подписал. «А теперь,—он говорит,—слушай, что ты подписал: служить мне верой и правдой—раз, Григорию Шелехову быть врагом—два, и деньги с меня получить и прощение долгов, значит,—три». Вот, Григорий Иванович, с этого все и началось. А на прощанье Лебедев-Ласточкин и говорит: «Поедет с Шелеховым передовщик Малахов, это слуга дружка моего, купца Мыльникова и мой, он тебе товарищем будет. Должны вы оба, как тяжело в новых местах придется, бунт поднять и диких против Шелехова подговаривать». А я уж пристегнулся к нему той проклятой бумажкой, в полном, значит, бессилье подлым его действиям воспротивиться. И совратил меня этот искуситель с пути, и стал я чинить тебе, Григорий Иванович, всякие пакости...

Шелехов с угрюмой злостью взглянул на подлекаря:

— Не пакости чинить ты стал, подлая душа, а людей, россиян, губить!.. Слыхал, Константин Алексеевич, как купчишки те пуще смерти боятся, что я в Америке большие капиталы наживу, а как вернусь, то их компании за пояс заткну?

Он зашагал из угла в угол. Бритюков весь сжался, вобрал голову в плечи и молчал, в страхе мигая глазами.

Наконец, Шелехов остановился перед ним и гневно спросил:

— Сказывай, как с Ханном-англичанином снюхался?..

Подлекарь заговорил не сразу:

— Когда мы по пути на Кадьяк на Лисьих островах останавливались, меня там лебедевский приказчик о Ханне упреждал. Приказчик тот говорил, что Ханн или другие корсары английские беспременно будут преграды тебе чинить... А уж как на Кадьяк-то приехали, Малахов через Чикуна с Ханном связался.

Шелехов долго мрачно молчал. Потом тяжело посмотрел на подлекаря и сказал сквозь зубы:

— Ну, Бритюков, счастье твое, что во-время язык развязал... Здорово руки на тебя чесались!.. Вот тебе мое решение: мы здесь еще зиму пробудем, так, ежели судно какое российское придет,—отошлю тебя в Охотск с рапортом. Судить тебя

будут. А не придет судно, ты у меня здесь под арестом просидишь. Правильно, Константин Алексеевич?

Самойлов утвердительно кивнул. Он откинулся на спинку кресла, бледное лицо его покрылось испариной. Он все еще был очень слаб.

Шла осень. Пасмурно и хмуро становилось в лесу. Реже показывалось солнце. Пожелтели и опадали листья, деревья теряли свой праздничный летний наряд, и перепутанные черные их скелеты наводили тоску и уныние. Нога тонула в пухлом слое опавшей желто-черной листвы, ветер пронзительно свистел в голых чащах.

Море стало серым, волны пенили поверхность, и злые косматые их гребни в шуме и грохоте морских бур вставали перед глазами.

Шелехов готовился к новой зимовке, не забывая и об осеннем промысле на морских зверей.

Промышленные артели с Кадьяка, Щуяха, Афогнака, Кеная и мыса святого Ильи привозили в крепость богатую добычу. Груды бобровых, нерпичьих, котовых, лисьих и голубых песцовых шкур наполняли амбар в крепости. Часто Шелехов с Натальей любовались переливчатым черно-красным и голубым блеском мехов. Дух захватывало от мысли, какие несметные богатства привезут они в Россию.

В это лето русские получили первый урожай ячменя, ржи и проса. Шелехов с блестящими от волнения глазами пересыпал из руки в руку потоки зерна. Это было огромной важности дело: было положено начало хлебопашеству на этих далеких северных островах Америки.

Козы и свиньи принесли обычный приплод. На животных нисколько не отражалось то, что они находились в другой части света.

Шелехов, ликуя, говорил жене.

— Ну, Натальюшка, самые смелые мысли мои оправдываются. Подумай только: в Америке хлебопашеству и скотоводству мы с тобой начало положили. Теперь можно и дальше план свой обдумать.

— А что, Гришенька, надумал? Сказывай.

— Большую бумагу на имя императрицы Екатерины я написал, а другую—сибирскому генерал-губернатору. Прошу я все открытые нами земли за моей компанией закрепить, чтобы другие здесь промысел не вели. А мои артели здесь круглый год охотничать будут, каждое лето я буду суда присылать и добытую рухлядь[1] в Россию увозить. Так-то куда при

---

[1] Рухлядь—меха.

быльней, чем каждое судно на несколько лет на промысел усылать. А людишки мои здесь в Америке будут российские поселения всюду закладывать, все богатства земли разведывать, фабрики строить. Так весь край этот россияне и обживут.—Шелехов на минуту задумался и продолжал:—Но для сего большие капиталы на длинные сроки требуются. А потому и следует не временную, а постоянную и большую компанию создать, да чтобы компания та была бы под высочайшее покровительство императрицы принята. В России такое еще не видано. И ежели удастся того добиться, тогда никакой охотский или камчатский начальник и генерал-губернатор, ежели мы им не потрафим, никакого вреда нам причинить не смогут. Вот какие мои планы, Натальюшка! А насчет ребят конягских, которых в Россию на обучение вывозить буду, я тебе уже сказывал!..

Часто так просиживал Григорий Иванович с женой до поздней ночи, обдумывал различные планы, вспоминая Россию свой дом и дочерей.

Шли месяцы. Наступила зима. Белым пологом покрылись леса на острове. Море у берега затянулось слоем тонкого голубого льда—сала. Снежные метели часто и зло выли за окном.

Наталья целыми днями была занята. Она сама ухаживала за ребятишками-аманатами. Маленькие коняги с визгом бросались к ней, облепляли со всех сторон, наперебой кричали все известные им уже русские слова и тянулись к ее карманам. Там всегда лежал приготовленный для детей сахар.

Особенно привязалась Наталья к маленькому сыну Илхака. Он был красивее других детей и смышленее. По-русски он уже говорил довольно хорошо и так смешно картавил и переделывал некоторые слова, что Наталья хохотала безудержно. Она затаскивала его к себе домой, стирала его одежду, угощала, стригла ему волосы, ногти, мыла голову. Малыш любил ее беспредельно и целыми днями ходил за ней по крепости, как собачонка.

Когда Шелехов приходил среди дня обедать, Наталья, подливая ему щей в тарелку, оживленно говорила:

— Такой малец вострый... Так по-русски болтает, что всех товарищей за пояс заткнет. А храбрый какой! Сегодня из пушки хотел выпалить. Он все твои книги пересмотрел и на барабане стучал. А ласковый какой! Ну, чисто кутенок. Правда, Гришенька?

Шелехов добродушно кивал головой. Он был рад, что мальчуган помогает Наталье коротать время, скрашивает ей унылую и тяжелую жизнь на острове.

Туземцы навещали крепость часто: коняги, кенайцы, далекие тлинкиты, жители соседних островов. Они привозили ценные звериные шкуры. Шла оживленная торговля. В такие дни гомон и крики стояли на берегу. Туземцы волновались, боялись продешевить и отчаянно торговались. Лучше всех обычно ладил с ними Самойлов. Спокойный и властный, он всегда умел решить любой спор. Шелеховская компания приобретала редкие богатства.

Шелехов запрещал притеснять туземцев, приказывал вести торг только мирным путем, понимая, что ссориться с туземцами и опасно и невыгодно. Но туземцы, особенно коняги, часто приезжали в крепость и не для торговли. После чудесного исцеления Илхака к Шелехову потянулись больные и раненые. Григорий Иванович делал все, что было в его силах, чтобы им помочь. Иногда ради этого он выпускал из-под ареста Бритюкова, и тот под строгим присмотром лечил больных.

Часто приезжали коняги за помощью или советом. То просили помочь построить юрту, нарубить деревьев, то уладить спор или помирить враждующие племена. Шелехов понимал, как важно внушить доверие и уважение к себе, и старался ни в чем не отказывать туземцам.

Подолгу жил в крепости Илхак. Он искренне полюбил Шелехова, считая его своим братом, которому он обязан жизнью. Григорий Иванович тоже привязался к этому кроткому, услужливому человеку.

Так шло время, в заботах, в непрестанной борьбе, в думах и мечтах о будущем.

Кончилась вьюжная зима. Снова шла весна. Солнце чаще показывалось из облаков и пригревало землю.

Однажды вечером Шелехов зазвал к себе Самойлова.

— Ну, любезный Константин Алексеевич, решился я, наконец. Надобно в российские пределы отправляться. Хочу, чтобы компания наша первое место на Восточном океане заняла. Для этого требуется к генерал-губернатору обратиться, а бог даст, и до самой императрицы дойти. Тебе же, любезный друг, повелеваю быть главным правителем здесь. Помощником тебе Осокина оставлю. Новые корабли пришлю тебе из Охотска, новые люди прибудут к тебе. Все богатства здешние россияне разведают, сами обогатятся, да и мощь государства российского приумножат.

Самойлов кивнул головой, вынул трубку изо рта и просто сказал:

— Поезжай, Григорий Иванович. Управимся и сами. Да не забывай нас и мне, старику, смену присылай. Дочке Алёнке

кланяйся. Больно кручинюсь я об ней... Ты уж, Григорий Иванович, будь ей за отца родного.

У Шелехова потеплели глаза, он положил сильную руку на плечо Самойлову и сказал твердо:

— Будь спокоен, друг. Все сделаю. Об Алёнке не беспокойся. А в будущий год пришлю тебе смену из Охотска. Думаю грека Евстрата Деларова уговорить. Знатный мореход, большого ума и сноровки человек, да и честности непоколебимой. Как думаешь?

— Много лет его знаю. Человек достойный. Лучшего и не найти,—ответил Самойлов.

Шелехов наклонился к столу, взял несколько исписанных листков и протянул их старику.

— Вот, Константин Алексеевич, подробное тебе наставление для неукоснительного руководства. Глянь-ка и подпиши в конце.

Самойлов медленно разбирал наставление. Оно состояло из тридцати двух пунктов и касалось всех дел и отношений русских в Америке. Шелехов строго приказывал не обижать туземцев, только добровольно вести с ними торговлю, сохранить школу на Кадьяке, аманатов сытно кормить и хорошо одевать, как и туземцев, которые будут служить при компании. Самойлову хозяин велел открывать новые богатства в земных недрах, разводить хлебопашество и скотоводство.

Много еще крупных и мелких дел было оговорено в наставлении. В конце стояла подпись: «Морских Северного океана вояжиров компанион Григорий Шелехов».

Самойлов дочитал до конца и, взяв перо, вывел старательно под подписью Шелехова: «Таковое подлинное наставление Константин Алексеев Самойлов принял в Америке 1786-го году острова Кадьяк гавань Трех святителей».

В тот же вечер Шелехов сообщил о предстоящем отъезде жене.

Глаза Натальи засияли таким счастьем, такой радостью, что Шелехов понял: он не догадывался и о десятой доле тех страданий, которые перенесла Наталья на этой дикой земле.

Накануне отъезда Шелехов сказал Илхаку:

— А что, друг, не пожелаешь ли со мной в Россию отправиться? Неведомые и чудесные земли и людей увидишь, новую родину свою узнаешь и в скорости домой вернешься. Да и товарищей твоих тоже прихватим. Поедешь?

В темных глазах коняга сверкнул огонек страха. Знакомые милые земли, родное племя, могилы предков звали остаться. Но всем своим существом Илхак тянулся к белому другу.

Некоторое время туземец стоял, смущенно потупившись,

1442

теребя свою реденькую бородку. Наконец, Илхак, как будто освободившись от большой тяжести, вздохнул и с просиявшим лицом воскликнул:

— Илхак поедет с Шелхой!.. Он и умрет с ним, если надо!..

На прощанье в крепости был устроен праздник. Такого еще не видали на Кадьяке. На площади и у казарм пылали факелы и смоляные бочки, по углам домов курились плошки.

Огни не меркли до утра, не умолкал грохот пушечных салютов, гомон и крики людей. Коняги, алеуты, кенайцы, тлинкиты, соседние островитяне наводнили крепость. Ворота были открыты—вход разрешался каждому.

Вечером в доме Шелехова был парадный ужин. Тойоны всех дружественных племен с медалями на шее заняли места у стола. Там же сидели старые ветераны Шелехова, преданные и отважные звероловы.

На ночь ворота крепости закрыли. Негласно усилили караул.

Шелехов принимал гостей. Всегдашний свой кафтан он сменил на новый, из тонкого сукна с позументами. Он был радостен и оживлен. Приветливо встречал он входивших, негромко и коротко говорил с каждым.

Наталья, в сарафане, с легким цветным платком на плечах, хлопотала у стола. Она усаживала гостей, шутила, громко смеялась, над неуклюжими в своих парадных одеждах звероловами. Нет-нет да и бросала взгляд на мужа. И когда встречалась с ним глазами, расцветала в счастливой улыбке.

Усевшись за стол, ром развязал языки, и промышленные понемногу зашумели.

Наталья сидела между Шелеховым и Самойловым. Григорий Иванович в лицах передавал какой-то смешной разговор с приехавшими на праздник тлинкитами. Наталья покатывалась от смеха, гоготали сидевшие кругом звероловы.

На другом конце стола любопытные слушали рассказ недавно приехавшего с Кеная Семибратова. Федор был в ударе: он отплывал завтра в Охотск, где его ждала невеста. С увлеченьем рассказывал он о своих геройствах на Кенае и врал так вдохновенно и убежденно, что никто из бывших с ним там охотников не решался его прервать.

Смех, веселые возгласы наполняли большую залу.

Неожиданно Шелехов откинулся на спинку кресла и затянул песню...

Все на минуту смолкли, прислушиваясь к напеву.

Далекую Россию напомнила та песня, занесенные снегом русские деревеньки, родные места, годы скитаний и нужды...

Сначала тихо, как бы про себя, а потом все громче и уве-

ренней стали подпевать Шелехову звероловы. И скоро песня победно зазвенела.

Люди пели с чувством, увлажненными глазами смотря друг на друга, грустно улыбаясь от теплых, дорогих и горьких воспоминаний.

Долго потом, спустя много лет, вспоминали промышленные тот вечер в доме Шелехова и ту песню.

Разошлись поздно ночью.

На другой день все население крепости провожало отплывавших в Россию. Всем остававшимся Шелехов обещал большие паи и смену через год. Верить ему привыкли. И люди оставались на Кадьяке без ропота и тоски.

У берега отъезжающих ждала целая флотилия байдар. Последние объятия, напутствия, приветствия, и лодки одна за другой отчалили от берега. Недалеко покачивался на волнах готовый к далекому плаванию галиот «Три Святителя».

На одной из байдар Семибратов перевез на судно арестованного подлекаря. Бритюков искоса поглядывал на крепость, на людей у берега и нервно кусал губы.

Шелехов последним сошел с американской земли. Уже в байдаре он помахал оставшимся на берегу и громко крикнул:

— Счастливой зимовки!.. До скорого свиданья в России!.. Слава первым россиянам на американской земле!.. Слава вам, орлы русские!..

Дружные приветственные крики неслись с берега.

Когда Шелехов взошел на галиот, крепость дала пушечный залп.

Галиот снялся с якоря, отсалютовал крепости ответными выстрелами из судовых пушек и с легким попутным ветром ходко пошел к выходу из залива.

Старик Измайлов стоял на мостике. Он зорко всматривался в бескрайный морской простор, открывшийся перед кораблем.

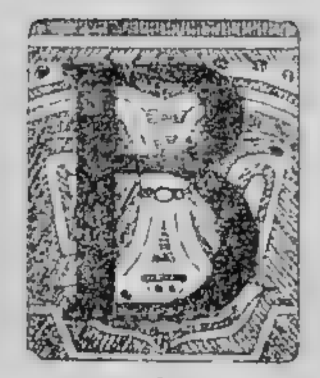
Галиот увозил в Россию первого правителя российских земель в Америке, носителя русской доблести и славы.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ШЕЛЕХОВ
(1747—1795)

I

„Колумб здесь Росский погребен.
Проплыл моря,—открыл страны
безвестны..."

Г. Державин, Эпитафия на могиле Шелехова.



1947 году исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского деятеля, пионера освоения Аляски — Григория Ивановича Шелехова. Видное место занимает Шелехов и в развитии русской этнографии и географии. Ему принадлежит честь первого подробного исследования флоры. фауны и народов северо-западного побережья Северной Америки.

Григорий Иванович Шелехов родился в 1747 году в небольшом городке Рыльске, бывшей Курской губернии. в семье бедного мещанина. державшего на Вознесенской улице маленькую лавчонку, в которой он торговал черной бакалеей. Восьми лет отец отдал Григория в обучение дьячку Вознесенской церкви горькому пьянице Евстахию. А еще через два года Григорий уже помогал отцу в его лавке. В 1772 году в город Рыльск для рекрутского набора прибыл офицер. Жребий пал на Григория, и он, спасаясь от солдатчины, бежит в Сибирь, в Иркутск. Но большее число биографов дает нам иную версию о приезде Г. И. Шелехова в Сибирь: после смерти отца, в погоне за богатством и славой. Предварительно Шелехов ликвидирует свое небольшое торговое дело в Курске. В Иркутске он поступает приказчиком к своему земляку, богатому купцу Ивану Ларионовичу Голикову. За несколько лет службы Шелехов приобретает большой коммерческий опыт. Иркутск в то время был крупнейшим торговым цент-

ром Сибири, через него шла большая, выгодная торговля с Якутией, Камчаткой, с островами в Восточном океане.

В 1775 году Шелехов женился на сибирской красавице, богатой купчихе Наталье Алексеевне. Женщина большого ума, смелости и размаха, она стала первой помощницей мужа во всех его коммерческих делах и непременной участницей его экспедиций. Теперь у Шелехова появился капитал, и он переехал с женой в Охотск, где в компании с местными купцами снаряжал корабли на промысел пушного зверя.

Но вскоре Шелехов, первый из русских промышленников, понял, что надо переходить к новым формам промысла и торговли на Восточном океане. В 1781 году он приехал в Иркутск и предложил своему бывшему хозяину Голикову смелый и обширный план. Шелехов считал, что пришло время отказаться от посылки на паях отдельных судов на промысел, по возвращении которых компания, поделив прибыль, распадалась, а надо переходить к созданию мощных объединенных компаний с большим капиталом. Открывая новые земли, эти компании должны были основывать там русские поселения, вести систематический промысел, исследовать и эксплоатировать все природные богатства этих земель, создавать там вооруженные силы для отпора иностранным купцам. Вместе с тем все открытые земли надо было присоединять к русским владениям. Такой план мог принести колоссальные прибыли, и Голиков с братом решили войти в компанию. По условию Шелехов должен был сам руководить первым плаванием компанейских судов к берегам Америки.

План Шелехова был знамением времени, плодом смелого, но здравого расчета. Россия вступала на путь капиталистического развития, в недрах ее феодально-крепостнического уклада начинали зреть ростки новой социально-экономической формации. На месте мелких, «мануфактурного» типа торговых компаний начинали возникать крупные, объединенные компании капиталистического типа, с большим капиталом, с обширными планами, с требованием монополий. Россия шла вслед за передовыми капиталистическими странами к организации мощных монопольных компаний по образцу Ост-Индской, Гудзон-Байской и других.

Вернувшись в Охотск, Григорий Иванович в устье реки Ураки на собственной верфи заложил три судна, на которых предполагал отправиться в дальнее отважное плавание. В июне 1784 года галиоты «Три Святителя», «Симеон и Анна» и «Святой Михаил» вышли в море. Вместе с Шелеховым на галиоте «Три Святителя» находилась Наталья Алексеевна. Медленно двигаясь по бурному Охотскому морю (скорость в 3

узла считалась огромной), утлые суденышки обогнули Камчатку. В Восточном океане (ныне Берингово море) разыгрался жестокий шторм, и галиоты разнесло в разные стороны. На этот случай Шелехов распорядился встретиться у острова Беринга. Но через несколько суток встретились там лишь «Три Святителя» и «Симеон и Анна». Первым галиотом командовал выдающийся мореход того времени штурман Герасим Измайлов. Долго ждали «Святого Михаила» под командой подштурмана Олесова, но того все не было. Экспедиция провела тяжелую, голодную зиму на острове Беринга и на следующий год, после плавания вдоль Алеутской гряды, Шелехов высадился на крупнейшем острове у побережья Аляски—Кадьяке.

Шелехов прожил на Кадьяке около двух лет. Туземцы этого острова—коняги, или кадьяки,—первоначально встретили Шелехова враждебно. Коняги были уже знакомы с русскими промышленниками и не раз страдали от их налегов, ибо грабеж туземцев был одной из доходных статей ходивших на промысел мореходов. Но Шелехов решил наладить мирные и дружественные отношения с туземцами, прекрасно понимая, что во враждебном окружении этих воинственных племен не может быть и речи о поселении здесь русских. Он умно и расчетливо строил свои отношения с конягами. После первого боя он щедрыми подарками и ласковым обращением завоевывает их симпатии. К нему в крепость на берегу бухты Трехсвятительской (названной так в честь его галиота) стекаются дети-аманаты (заложники) от дружественных племен. Шелехов организует школу и обучает детей русскому языку, письму и счету. Он рассылает своих людей и на соседние острова Шуяк, Афогнак, на полуостров Кенай и еще дальше по северо-западному побережью Северной Америки, к мысу святого Ильи. Со всеми окрестными туземцами русские стараются завести дружественные отношения, беря все же у них детей-аманатов.

Проведенные Шелеховым на Кадьяке два года были годами тяжелой и напряженной борьбы. Два раза окрестные жители составляли заговор против Шелехова, и оба раза ему удалось его ликвидировать с помощью своих союзников — конягов. Из них он образовал своеобразную колониальную армию и бросал ее против врагов. На следующий год после высадки на Кадьяке стали кончаться продукты, началась цынга. Среди спутников Шелехова поднялся ропот, они требовали бросить все и уехать. Шелехов проявил отвагу и упорство и подавил возмущение.

Чрезвычайно важным для понимания характера деятельности Шелехова и его целей в Аляске является дошедшее до нас наставление его «главному правителю» К. А. Самойлову,

которого Шелехов оставил вместо себя после отъезда с Кадьяка. Это наставление являлось обязательным и для всех последующих «правителей» компанейских дел в Америке.

Шелехов указывает Самойлову, что ему надлежит «стараться через всякие снисхождения» местные племена «приводить в совершенное российскому императорскому престолу подданство и всегда по родам делать точную мужска и женска рода перепись». О детской школе на Кадьяке Шелехов делает специальное распоряжение: «Заведенное мною российской грамоте здешних обитателей детское училище умножить, для него потребные книги я из Охотска... вышлю... ибо без совершенных переводчиков никакое прочное установление делать невозможно». Шелехов стремится быстрее обжить новые земли, подчинить туземное население русскому влиянию, быстрее привить им первые культурные навыки. Для этого он осуществляет следующее мероприятие. Он пишет в том же наставлении: «Для того ныне я беру по самохотному желанию... до сорока человек обитателей, из которых треть вывозных американцев по показанию отечества нашего... на сем же судне с наградою обратно во свояси отправлю, другую треть потщусь доставить ко двору Ее Величества, а остальных малолетних, в Охотске или Иркутске обуча грамоте, сюда же по их воле пришлю, через коих роды их могут порядочно о всем довольствии и порядке нашей державы услышать... а потому, уверясь сами, к поправлению своему охотнее захотят иметь в сем крае лучшего учреждения и порядка». Отправление детей островитян на обучение в Россию Шелехов предполагает осуществлять систематически, для чего предлагает Самойлову к приходу компанейских кораблей из Охотска «молодых и хороших ребят и девок к вывозу для обучения заблаговременно приписать».

Чрезвычайно важным считает Шелехов поддержание мирных и дружественных отношений с окружающими племенами. Он стремится привлечь на службу к своей компании побольше туземцев и тем самым еще прочнее укрепиться на открытых им землях. Для этого он приказывает Самойлову: «Здешних обитателей, аманат, служащих при компании... содержать в хорошем призрении, сытых... и обидеть не только делом, но и словом никого не допущать...». «Всякого рода зверя от здешних обитателей выменивать в компанию только добровольным торгом, как и в бытность мою здесь было».

Шелехов прекрасно осознает огромный круг задач, встающих перед первым исследователем открытых и осваиваемых им земель. Поэтому он приказывает: «Спрашивать с запискою, где что находится в недрах земляных или из зверей, или же

птиц, или же морских ракушек курьезных и продчего изыскивать также. Слышу я, что много есть в Канаех и Чугачах и на Аляске следов хрусталю разных красок, медной руды, точильного камню, извёстного камню[1], глины хорошей,—всему с примечанием делать запись и стоющие хотя мало уважения все такие руды, металлы, редкости вывозить». Не менее важной он считает задачу: «Около американского берега большие и малые острова всюду описывать, бухты, речки, гавани, мысы, лайды, рихфы, где по местам есть какие угодья, то-есть леса, луга, свойства, вид и расположение земли». Шелехов требует далее подробно описывать, какие, где и в каком количестве встречаются рыбы, звери, растения, описывать каждое «жило» и составлять перепись его населения. С большой проницательностью он категорически запрещает все открытое «своими названиями обезображивать, дабы по названиям жителей находить все возможно было».

Шелехов строит обширные планы по внедрению скотоводства и земледелия в открытых им землях, для чего приказывает Самойлову построить большие сенники для сена, «потому что скота я еще пришлю из Охотска... а для огородных вещей иметь загороженные огороды, для коих семена от меня тебе разные оставлены, да еще из Охотска оных пришлется». Действительно, отправляя через год на смену Самойлову нового главного правителя, грека Евстрата Деларова, Шелехов дает ему дополнительное наставление (от 5 мая 1787 года), в котором, между прочим, пишет, что отправляемые с ним «бычки, телки, свиньи, козы, кролики, собаки стараться там расплодить с наблюдением экономии. Посеять хлеба и огородных плодов. Посланные, но не с тобой, семена с хорошим призрением стараться непременно размножить, что послужит в честь вашего ревностного на будущие времена к отечеству усердия».

Замечательной чертой деятельности Шелехова является то, что он стремится познакомить своих соотечественников с бытом неведомых американских народов, для чего приказывает Самойлову приготовить к вывозу в Охотск по нескольку образцов туземной одежды, плетенных из трав и выдолбленных из дерева шляп, кожаных цыновок, а также «игровых нарядов, как то: личин, шапок, венков, бубнов, в руках держащие побрекушки и прочие».

Наладив жизнь русских поселений на Аляске, исследование и изучение природных богатств этого края, разместив во многих местах русские промысловые артели, Шелехов в 1787 году возвращается в Россию.

---

[1] Извёстный камень—известь.

По пути в Охотск большинство мореходов на галиоте слегло от морской болезни и не смогло управлять судном. На море в это время началось сильное волнение. Тогда на помощь пришли коняги, которых Шелехов вез в Россию. И он впоследствии не мог без восхищения вспомнить о том, как великолепно управлялись они с неизвестными им снастями, подчиняясь полупонятной команде, сколько отваги и преданности проявили они в этот опасный момент. Шелехов без ложного стыда признает, что они помогли спасти судно.

Шелехов приехал в Россию полный различных проектов. В Иркутске он развертывает перед генерал-губернатором Якобием план организации мощной монопольной компании по эксплоатации природных богатств Аляски. Чтобы оградить компанию от своевольства местной администрации, Шелехов предлагает считать ее под «высочайшим покровительством» царицы.

Вскоре после возвращения Шелехова в Россию его компаньону Голикову удалось во время проезда через Курск императрицы, возвращавшейся из Крыма, вручить ей карты плаванья Шелехова и описание открытых им земель. Екатерина отнеслась к нему благосклонно и пригласила его с Шелеховым в Петербург Из Петербурга Шелехов вернулся в 1790 году награжденный золотой медалью, шпагой, осыпанной алмазами, и похвальной грамотой. Но Екатерина отвергла проект создания монопольной компании, скорее всего—по политическим соображениям. В это время шла война с Швецией и Турцией и намечался союз с Англией, по интересам которой била бы русская монопольная компания на Аляске.

На последующие годы приходится расцвет деятельности Шелехова. В 1790 году он создает две объединенные компании: «Северо Восточную» и «Предтеченскую», в следующем году— «Уналашкинскую» и, наконец, через два года — «Северо-Американскую». Теперь вся Алеутская гряда и северо-западное побережье Америки контролируются Шелеховым. Все это протекает, конечно, в ожесточенной борьбе с конкурентами.

Но его планы шли еще дальше. Шелехов мечтал весь Тихий океан избороздить своими кораблями, завязать торговлю с Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, с испанцами в Калифорнии. В данном случае планы Шелехова совпадали с экспансионистскими планами царского правительства на Тихом океане. Но официально присоединить к России открытые Шелеховым земли правительство не желало, ибо тогда любой конфликт в этих отдаленных районах мог перерасти в вооруженное столкновение с иностранной державой или нанести ущерб престижу русского правительства. Поэтому путь к экспансии на Тихом океане правительство видело в созда-

нии мощной монопольной русской компании, которой бы официально и принадлежали вновь открытые обширные территории. Отложив на время по политическим соображениям организацию такой компании, правительство не оставило все же мысли о ней. В 1790 году новый иркутский генерал-губернатор Пиль писал Екатерине: «Я думаю, что ежели наличные суда компании Шелехова соединят себя с другими на тамошних водах плавающими российскими промышленничьими судами, и сами они согласятся все вообще определить себе за главнейший предмет не единое только защищение пользы своей, но и пойдут с охотою на укрощение иностранных промышленников, в таком случае, хотя и не прямо, однакоже, кажется мне, ожидать будет можно от них того, что отважность европейцев на хищение сокровищ, одной России принадлежащих, убавится». Вся дальнейшая деятельность Шелехова и развивалась в направлении организации такой мощной объединенной монопольной компании.

Крупнейший интерес представляет и другая сторона деятельности Шелехова, еще совсем мало изученная, изобличающая в нем не только купца и крупного предпринимателя, но и смелого исследователя, географа и открывателя, далеко опередившего своих современников, в планах и мыслях своих видевшего завтрашний день дальневосточных окраин России и ее морского флота.

В 1790 году Шелехов выдвигает и разрабатывает план исследования... Северного полюса и всего бассейна Ледовитого океана. Об этом доносит генерал-губернатор Пиль в рапорте на имя Екатерины. Пиль пишет, что Шелехов, «определив курсировать одним судном из Кадьяка на Северный полюс, отважится пройти туда другим из устья так называемой реки Лены». На столетие опередив всех будущих исследователей Северного полюса, Шелехов первый создал этот изумительный план. Казалось, что воплощаются в жизнь пророческие слова великого Ломоносова:

Я вижу умными очами
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает Рок...

Недаром против этих стихов старик Державин сделал в своем экземпляре сочинений Ломоносова знаменательную пометку: «Пророчество, которое и сбылось чрез Шелехова». А первую строчку другой знаменитой оды Ломоносова:

...Колумб Российский через воды
Спешит в неведомы народы...

Державин в той же книге стихов Ломоносова изменил так:

...Колумб наш Шелехов чрез воды...

В своем «доношении» на имя Пиля Шелехов развивает подробнее свой замечательный замысел. Кроме задач научного исследования, он ставит перед собой и чисто практические цели. Он пишет, что одновременно намерен «отправить из устья рек Лены, Индигирки и Ковыми суда прямо на противолежащие американские берега для измерения тут широт и познания путей в сей части Ледовитого моря и Беринговых проливов и ежели есть и можно, то и с народами, на сих берегах обитающими, также вступать во взаимные дружественные обязательства и торговлю». К сожалению, мы не знаем, как осуществлялся этот выдающийся план.

Не менее замечателен и другой проект Шелехова, в котором он говорил Екатерине II при свидании с ней в 1789 году. Он предлагал организовать связь морем Санкт-Петербурга с Охотском, для чего «устроить Удинский порт и отправить особую экспедицию из Балтийского моря на Восточный океан». Екатерина отдала должное политической и коммерческой проницательности молодого сибирского промышленника. Еще до этого было решено отправить из Петербурга в Охотск эскадру из четырех военных кораблей под начальством капитана Муловского, но война со шведами помешала осуществить эту операцию, задержала корабли на театре военных действий в Балтике. Повидимому, все же в связь с этим предложением Шелехова можно поставить новые инструкции, которые получила в 1790 г. знаменитая экспедиция под начальством капитана Биллингса, члены которой прибыли сухопутным путем в Сибирь и, построив в Охотске суда, в 1792 году вышли в плавание к американским берегам. Шелехов многим помог этому предприятию.

Большой интерес представляет и требование Шелехова присоединить к России Курильские острова, которое он очень убедительно аргументирует географическими, стратегическими и коммерческими соображениями в «доношении» Пилю от 11 февраля 1790 года. Шелехов не раз плавал на Курильские острова, посылал туда свои суда, из которых первое он отправил в 1777 году в компании с якутским купцом Лебедевым-Ласточкиным. А в 1794 году по его приказанию управлявший тогда охотской конторой брат его, П. И. Шелехов, послал даже на остров Уруп, близ Японии, целую колонию под начальством передовщика Звездочетова—несколько семей русских крестьян и ремесленников—для заселения острова, установления торговых связей с Японией, разведения хлебопашества и скотоводства. Только из-за жестокости и нерадивости Звездочетова этот дальновидный план не дал реальных результатов. В одном из писем к Баранову Шелехов писал:

«Я намерен содержать на острове Урупе компанию сверх заведения хлебопашества на этом острове, так как Уруп лежит в близком соседстве с Японией, в которую, как вам известно, в 1792 году было посольство (поручика Лаксмана)... Если случится встретиться с японцами, показать им самое дружественное расположение и ласку и стараться разведать про Японию, чем она изобилует, о занятиях жителей и так далее. Также всеми мерами стараться... чрез мохнатых курильцев заводить торговые связи с японцами».

Не меньший интерес представляет предложение Шелехова обследовать и присоединить к России русло Амура от самых истоков и его устье и устроить там морской порт. Здесь Шелехов на полстолетия предвосхитил политику русского правительства, верно учтя огромное стратегическое значение и экономическую выгоду от постройки нового порта. Он предлагал на свой счет организовать экспедицию для отыскания более удобного пути из Иркутска в Охотск по Амуру и дальше морем, вдоль побережья, на север, к Охотску. Этот путь в несколько раз сокращал время проезда, уже не говоря о том, что перевозка товаров в Охотск сухим путем стоила страшно дорого, ибо не только, например, якоря разрубали на части и везли отдельно на быках и оленях в течение нескольких месяцев, а по приезде в Охотск опять сваривали, но приходилось разрубать на части даже корабельные канаты. Шелехов писал, что надо «пройти по гриве прерывающегося хребта, начинающегося в Иркутской губернии близ Байкал-озера, простирающегося на восток и оканчивающегося на берегу того моря, в которое впадает знаменитая река Амур и другая река Удь, и, спустившись к морю, поискать на берегу оного места, где бы компанейским судам безопасное было пристанище».

Не оставлял Шелехов без внимания и внутренние районы Аляски. Отправив в 1790 году правителем компанейских дел в Америке прославившегося впоследствии Александра Андреевича Баранова, он предписал ему в 1794 году снарядить большую экспедицию на северо-восток Америки. Было послано около 90 человек «отыскать проход в Баффинов залив хотя бы через сушу». Людям пришлось итти по самым гиблым, неизведанным местам. Мы не знаем, чем окончилась эта экспедиция. Но есть сведения, что на следующий год по тундрам Северной Америки на восток вышла еще одна экспедиция. И ее результаты нам неизвестны. Этими предприятиями Шелехов на многие годы опередил таких знаменитых исследователей Северной Америки, как Дж. Росс, Франклин и Мак-Клюр.

Советский писатель-историк Сергей Марков в своей «Летописи Аляски» пишет: «Шелехов горячо обсуждал планы путе-

шествия из Иркутска в Тибет и Бухару, куда должен был отправиться аптекарь Сиверс, планы предстоящего похода к берегам Японии вместе с Эриком Лаксманом. Шелехов должен был заведывать торговой частью японской экспедиции». Расширялись торговые связи Шелехова и с самыми далекими пунктами Тихого океана. Он хлопотал об учреждении консульств не только в Китае и Японии, но и в Индии, на Филиппинах, в Макао, на Гаваях.

В июле 1795 года Григорий Иванович Шелехов, в самом расцвете своих творческих и духовных сил, в возрасте 48 лет, скоропостижно скончался в Иркутске.

Через три года на базе созданных Шелеховым компаний была организована знаменитая «Российско-Американская компания», в монопольное владение которой отошли все заселенные русскими земли по северо-восточному побережью Северной Америки. Первым ее директором стал, по распоряжению Павла I, наследник Шелехова, его зять М. А. Булдаков. Не без основания все же создателем «Российско-Американской компании» обычно считается Шелехов.

II

Обратимся теперь к другой стороне многообразной деятельности Г. И. Шелехова—сделанному им вкладу в изучение природных богатств и этнографии северо-запада Северной Америки. Об этом мы узнаем из книги: «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 г.», изданной в 1792 году в Санкт-Петербурге.

Книга Шелехова замечательна во многих отношениях. Прежде всего замечательно то, что простой русский купец конца XVIII века, обучавшийся грамоте у пьяного дьячка, неожиданно обнаруживает подлинный интерес и вместе с тем незаурядные способности к вполне научному исследованию и полное понимание ценности и необходимости такого исследования. И книга Шелехова действительно составляет крупный и ценный вклад в русскую географическую и этнографическую науку. Недаром мы видим ее вместе с книгой Крашенинникова о Камчатке на столе у Пушкина, когда великий поэт изучал историю дальновосточных окраин России.

Шелехову принадлежит честь первого не только в России, но и во всем мире исследования и описания природных богатств, флоры и фауны Аляски. Одновременно в книге сообщаются подробные сведения о многих Алеутских и Курильских островах. Наконец, книга Шелехова—важнейший этнографический источник, дающий разнообразные ценнейшие

сведения о материальной культуре, хозяйстве, общественных отношениях и религии алеутов, эскимосов, курильцев и тлинкитов. Для надлежащей оценки книги Шелехова следует учесть, что бывшие до него в тех же районах экспедиции Беринга и Кука не дали сколько-нибудь значительного материала как общего, так и этнографического характера. Русские же мореходы и промышленники, также бывавшие в этих районах раньше Шелехова, казак С. Т. Пономарев и передовщик С. Г. Глотов (1762), казаки Лазарев и Васютинский (1764), штурманы Очередин (1780), Потап Зайков (1783) и другие оставили не только краткие, но порой и фантастические сведения о стране и ее жителях.

Описание «странствований» Шелехова распадается на три больших раздела: 1) описание плавания Шелехова в Америку, 2) описание Кадьяка и побережья Аляски и 3) описание Курильских и Алеутских островов.

Второй раздел своей книги Шелехов начинает так: «Теперь долженствую описать землю Американских островов, людей, оную населяющих, нравы их, обряды, одежды и сказать о зверях и птицах, там находящихся». Подробно описывает Шелехов флору и фауну Кадьяка и соседних с ним островов. Он называет 20 видов растений, 14 видов птиц, 18 пород зверей и 13 видов рыб, встречающихся в этих районах, причем всегда дает меткую и яркую характеристику неизвестных в России растений и животных. Уже это простое перечисление дает представление о добросовестности и глубине наблюдений Шелехова. Но особенно богат у него этнографический материал о жителях острова Кадьяка—конягах.

Довольно точно описывает Шелехов антропологический тип коняга: средний рост, круглоголовость и продолговатоголовость, смуглый цвет кожи, плоское лицо с широким носом, волосы черные и прямые. Переходя к описанию материальной культуры конягов, Шелехов и здесь дает точную и довольно подробную характеристику всех ее сторон. Он описывает: способы добывания пищи: собирание женщинами кореньев, ягод и охоту за рыбой и морским зверем мужчин; одежду: меховые парки из бобровых, лисьих, медвежьих, собольих и других шкур, с различной отделкой у мужчин и женщин, камлеи (род рубах) из кишек и пузырей сивучей и китов, шляпы, плетенные из травы или еловых кореньев или выдолбленные из дерева с особыми украшениями. Жилища: богатые живут в юртах на столбах; обитые лесом с боков и обложенные травой, они внутри выложены цыновками, вход покрыт цыновкой из кишек и пузырей морских животных; бедные живут большими обществами в подземных юртах, кровля которых де-

лается решетная и покрывается травой и землей; сверху проделывается от двух до шести отверстий, к которым приставлены изнутри бревна с насечкой; в этих землянках живет много семей, места для которых отгорожены столбами. Оружие: лук, стрелы, рогатины, копья, дротики, топоры и ножи из дерева, камня и кости. Украшения, не снимаемые и снимаемые: к первым относится богатая татуировка путем наколов и натирания черной землей рук, ног, лица, спины и подмышек, ко вторым—зубы и кости различных животных, перья, а также бусы и кусочки металлов. Способы передвижения: сухопутных средств передвижения коняги не знают, зато строят великолепные байдары двух видов: большие, человек на тридцать-сорок, и маленькие, на одного-двух человек; Шелехов подробно описывает их конструкцию. Добывание огня, коняги делают это двумя способами: высекают искру двумя кремнями над бобровым пухом, перемешанным с серой, или над сухой травой; чаще же они делают в доске дырку и, просунув в нее палку, вертят с большой быстротой и ловят искру на трут. Домашнюю утварь: деревянные, костяные и изредка глиняные сосуды. Наконец, Шелехов специально указывает, что у коняг нет прирученных животых и земледелия.

Большое место уделяет Шелехов и описанию общественной жизни и духовной культуры конягов. У конягов имелись выборные вожди, которые решали дела с общего согласия племени; существовало разделение на богатых и бедных. Народные празднества происходили обычно, когда приезжали гости; празднества описаны очень подробно, равно как песни, игры и пляски мужчин, женщин и детей, встреча, проводы и угощение гостей; оп"саны наряды и украшения, которые в этих случаях надевали хозяева. У коняг сохранились пережитки группового брака; мужчины имеют по три-четыре жены, но и «проворные» женщины обзаводятся несколькими мужьями, с общего их согласия; жен иногда меняют на вещи; свадебных обрядов у конягов не было. О религиозных представлениях конягов Шелехов пишет: «Я не нашел сердца их зараженные идолопоклонством. Они только признают два в мире существа, одно доброе, а другое—злое, присовокупляя об оных нелепости, свойственные их дикости». Коняги считали, что доброе существо выучило их делать байдары, а злое—их ломает. Шелехов отмечает существование у них культа мертвых и веру в колдовство шаманов, подробно описывает похороны богатых и бедных конягов и ритуал заклинаний, подмечает интересную символику красок. Детям дают имена по первой встрече, будь то зверь, птица и т. п. Отметим, что Шелехов очень часто проводит параллели между конягами

и тунгусами, камчадалами и другими народами Сибири.

Менее подробно описывает Шелехов отдельные черты быта и нравов атабаскского племени, живущего на побережье Аляски,—кенайцев (танаина), местами специально подчеркивая более высокий уровень их материальной и духовной культуры (рисовальное искусство, приручение собак, гончарное ремеслю).

Третий большой раздел своей книги Шелехов назвал: «Историческое и географическое описание Курильских, Алеутских, Андриановских и Лисьевских островов, простирающихся от Камчатки к Америке на Восточном океане». Здесь в основном сообщаются подробные географические сведения об этих островах, причем видно, что Шелехов усердно собирал все о них известное и тщательно систематизировал полученный материал. Шелехов, очевидно, имел в виду, что книга его, помимо научного, будет иметь и большое прикладное значение для русских мореходов в тех краях. После подробного описания растений и животных каждой из названных групп островов Шелехов дает в конце короткие, но интересные этнографические сведения об их жителях. О курильцах он сообщает, что это люди среднего роста, бородатые, с большой растительностью на теле (отсюда их прозвище у русских—«мохнатые»), поклоняются идолам («болванчикам»), мертвых зарывают в землю и верят, что они там живут. Шелехов описывает их одежду и жилища на столбах. О жителях Андриановских островов Шелехов пишет, что они живут в подземных пещерах, описывает их парки и камлеи, украшения, оружие и быт. Много подробнее пишет Шелехов о жителях Лисьевских островов, в частности, о туземцах крупнейшего из них—Уналашки, передавая даже их легенды и песни.

Таково содержание книги «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование».

Одновременно была издана еще и вторая книга: «Российского купца Григория Шелехова продолжение странствований, отраженного галиота «Трех Святителей» под водительством двух штурманов Измайлова и Бочарова в 1788 г.». Эта книга представляет значительно меньший этнографический интерес, но содержит много важных географических сведений о северо-западном побережье Северной Америки.

История жизни, путешествий и работы Григория Шелехова показывает нам во весь рост крупного деятеля с широким кругозором, патриота, который видел свою задачу не в грабежах и разорении, а в присоединении и освоении всех богатств открытых им земель и в насаждении среди туземцев русской культуры.